

**ДОКЛАДЫ
ИНСТИТУТА
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ
РАН**

1995-1996

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

**ДОКЛАДЫ ИНСТИТУТА
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
1995-1996 гг.**

**Москва
1997**

Редколлегия:
член-корреспондент РАН
А.Н.Сахаров (отв.редактор),
Г.Б.Куликова,
В.А.Невежин,
В.Б.Перхавко

© Институт российской истории
РАН, 1997 г.

*Посвящается памяти
Сергея Григорьевича Агаджанова
(1928 – 1997),
чей последний доклад публикуется
в данном сборнике*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящим выпуском начинается публикация докладов научных сотрудников Института российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН). В 50-е гг. под грифом Академии наук СССР выходили в свет сборники докладов и сообщений Института истории, где отражались основные разработки в изучении прошлого не только нашей страны, но и зарубежных государств.*

Ныне возобновляется издание такого рода, однако оно имеет целью ознакомить научную общественность с проблематикой, относящейся главным образом к истории России. В издании будет по возможности представлен весь спектр дискуссионных вопросов, связанных с ее развитием с древнейших времен до наших дней, отображены различные, порой противоположные точки зрения. Но приоритет отдается тем исследованиям, которые свободны от конъюнктурных политических пристрастий, ведутся в рамках плюрализма.

Основную часть предлагаемого вниманию читателей сборника составляют тексты научных докладов, сделанных на заседаниях Ученого совета ИРИ РАН, его научно-производственных секций, научных центров. Помимо собственно докладов, публикуются материалы их обсуждения. Именно это позволяет показать дискуссионный характер поднимаемых проблем, отразить столкновение мнений специалистов. Участникам обсуждений предоставлена возможность выступать по одной и той же проблеме с различных позиций. В спорах и научных дискуссиях идет поиск истины. Опубликованные в данном издании доклады отличаются разноплановостью и охватывают основные периоды истории России с глубокой древности до XX в.

* Доклады и сообщения Института истории. Вып. 1 – 12. М. – Л., 1954–1957.

С.Г.Агаджанов сделал попытку обобщения того, что происходило в жизни различных этносов на протяжении многих веков, осветив сложнейшие процессы этнического, хозяйственного, торгово-экономического и культурного взаимодействия, сыгравшие важнейшую роль в судьбе Восточной Европы.

В.Л.Янин на основе большого первичного материала, накопленного в ходе археологических раскопок, прежде всего — берестяных грамот, а также с помощью источникового анализа сохранившихся летописных свидетельств подробно останавливается на вопросе о роли города Новгорода как политического, экономического и культурного центра средневековой Руси.

В.Б.Перхавко сосредоточил внимание на изучении политики властей по отношению к русскому купечеству в эпоху средневековья (IX—XV вв.).

В докладе А.Т.Тартаковского приоткрывается плотная завеса пристрастных суждений, стереотипов и мифологем, связанных с именем и ролью в событиях Отечественной войны 1812 г. известного русского полководца М.Б.Барклая де Толли.

А.Н.Боханов затронул методологические вопросы сложной и многоаспектной проблемы российского парламентаризма на примере конкретных событий из истории Российской империи второй половины XIX — начала XX вв.

Г.М.Иванова занялась исследованием ГУЛАГа как социально-экономического феномена советского государства, прослеживая его взаимосвязь и взаимозависимость от сталинского тоталитарного государства.

В.С.Лельчук обратился к тематике, которая дает возможность расширить представления о повседневной жизни СССР после Второй мировой войны, в десятилетия «холодной войны», когда советско-американское противоборство определяло судьбы не только русских и американцев, но и всего человечества.

Во второй части сборника представлена информация об основных научных мероприятиях (конференциях, конгрессах, семинарах, «круглых столах»), которые были проведены на базе ИРИ РАН либо при активном участии его сотрудников.

КОНТАКТНЫЕ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: УЗЛОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ*

Исторические ареалы, сложившиеся в результате длительных процессов этнического, хозяйственного, торгово-экономического, социального и культурного взаимодействия, сыграли важную роль в судьбе народов Восточной Европы. Поэтому выявление их генезиса, путей формирования, развития и эволюции должно занять достойное место в научных исследованиях общерегионального и субрегионального направления. Фундаментом изучения должен стать комплекс археологических, письменных, фольклорных, этнографических и других источников. Вместе с тем, необходимо уделить внимание сформировавшимся уже в древности историко-географическим представлениям о контактных зонах евразийского мира. В этой связи можно отметить некоторые взгляды, имеющие не только историко-познавательное, но и концептуальное значение. Существование особых сфер межцивилизационного общения в пределах эйкумены, обитаемой части планеты, было известно еще в античную эпоху. Однако эти пространственно-временные представления сводились, главным образом, к изображению военных и торговых отношений между эллинистическим миром и варварской периферией. Одновременно происходило формирование образа весьма своеобразной, как бы разделявшей и вместе с тем объединявшей пограничной буферной зоны (лимеса, лимитрофа). Дальнейшие представления о таких ареалах наполняются более реальным новым содержанием в Римской и Византийской империях, европейских государствах средневекового и нового времени. В частности, в VII–VIII вв. развивается военно-административная фемная система, получившая некоторое распространение и в подвластных Западно-Римской державе колониях на северном побережье Черного моря и в Крыму,

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 9 февраля 1995 г.

хотя здесь имелись свои особенности. В период существования Франкского государства возникает понятие о марке как особой социальной единице и пограничной зоне с разноплеменным населением.

Заслуживают внимания и древнерусские представления о евразийском коридоре и Диком поле, служившем естественным рубежом между степной и лесной полосой Восточной Европы. В «Повести временных лет» приведены любопытные суждения о лежащей далеко на востоке зоне пустынь, откуда с периодической закономерностью происходит вторжение номадов в пределы Киевской Руси.

В нашу задачу не входит детальный обзор и анализ всех историко-географических идей, связанных с контактными зонами Восточной Европы. Следует лишь отметить некоторую преемственность между ними и концепциями западной историографии более позднего времени. В этом отношении заслуживает, в частности, внимания утверждение М.Рамбо о том, что Византийская империя возникла как «средневековое государство, расположенное по крайней границе Европы, по соседству с азиатским варварским миром». Очевидно, в таком же аспекте следует рассматривать и теорию «культурных областей», получившую распространение в американской и западноевропейской этнографии. В ее основе лежит идея о формировании и развитии исторических регионов под воздействием природной среды, людских ресурсов и длительных многосторонних связей. Определенный интерес в этом отношении представляет и современный «пограничный метод» изучения историко-культурных провинций. При этом конкретные регионы исследуются в рамках не просто государственных, а реально сложившихся административно-территориальных делений. Западные ученые, опираясь на такой подход, исследуют и комплексы синтезных явлений, миграционные и колонизационные процессы, формирование рынка занятости, системы коммуникаций и т.д.

Определенная преемственность обнаруживается и между древнерусскими летописными представлениями и теориями

историков дореволюционной России о контактных зонах Восточной Европы. Наиболее показательны в данном отношении взгляды известного русского исследователя С.М.Соловьева, по мнению которого обширные пространства Великой Русской равнины, состоявшие из лесной и степной полосы, служили естественной границей оседлого населения со скотоводческим. Направляясь периодически из Центральной Азии в Восточную Европу, номады совершали нападения на восточных славян и другие народы лесной зоны. Отсюда взаимоотношения между кочевниками и земледельческим населением характеризуются как вековая борьба «леса со степью». Однако после распада Золотой Орды и возникших на ее обломках феодальных государств и владений Поволжья и Приуралья оборона от вторжений номадов сменяется продвижением России вглубь Евразии. Соответственно изменяются и границы, значительно расширяется ареал взаимодействия русского народа с этносами и культурами Сибири, Кавказа, Центральной Азии и Дальнего Востока.

Проблема контактных зон Восточной Европы, взятая в целом, изучена в настоящее время неполно и крайне неравномерно. Применительно к ее юго-восточным областям наибольшее освещение она получила в работах археологов и историков-номадистов. В последние годы опубликовано несколько тематических сборников, знакомящих с историко-культурными процессами древности, средневековья и нового времени в Северном Причерноморье, среднем Приднепровье, Нижнем Подонье. Определенное значение в этом отношении имеют и научные конференции 80-х — 90-х гг., посвященные взаимодействию кочевых и оседлых цивилизаций Евразии, России и Востока. Вместе с тем, остается еще немало спорных и нерешенных вопросов, связанных с исследованием контактных зон Восточной Европы. Одной из таких проблем является определение самого рассматриваемого термина в региональном и субрегиональном плане. Сейчас фактически отсутствует единый научно-понятийный аппарат, столь необходимый для его детерминации.

В существующей историко-географической литературе для обозначения контактных ареалов нередко употребляются термины «лимес» и «лимитрофии». Они характеризуются как пограничные области, имеющие свою фортификацию и систему коммуникаций. Внутреннее устройство этих зон ставится в зависимость от типа государства (империи) и особенностей его взаимодействия с соседними народами.

В последние годы в научный оборот все чаще вводится понятие «контактная зона». Применительно к нашему региону оно, кажется, впервые было употреблено в отечественных работах 50-х — 60-х гг., посвященных истории раннего средневековья стран Восточной и Центральной Европы. Однако до сих пор нет однозначной трактовки внутреннего содержания и функциональной роли данного термина. Существуют и различные подходы к пространственно-временной детерминации и механизму взаимодействия в рамках таких исторических ареалов. Определение этого понятия нередко зависит от конкретной научной области, изучаемой страны и континента. Значительное распространение при этом имеет трактовка контактных зон как территорий, разделяющих одно или несколько государств или цивилизаций. В определении их системообразующих элементов в одних случаях главный упор делается на природно-географические условия, а в других — на этнокультурные и социальные факторы. В последнее время исследователями выдвигается идея многокомпонентного анализа с учетом административной структуры, этноконфессиональных признаков и ментальности. Подчеркивается также существование в историческом прошлом в качестве подобных зон специфических территориальных единиц, имевших свои демографические, религиозные и прочие особенности. Одна из таких лимитрофий, где происходило активное взаимодействие армянской и византийской культур, располагалась на восточных границах Восточно-Римской империи.

Следует подчеркнуть, что отсутствие единого понятийного аппарата и научно обоснованных критериев создают значительные трудности для сущностной детерминации контакт-

ной зоны. Плодотворное исследование данной проблемы, по нашему мнению, должно вестись в обозримом будущем как на фактическом, так и теоретическом уровнях. Важное значение при этом имеет применение комплексного анализа, опирающегося на совокупность достоверных источников. Успешное изучение генезиса и особенностей контактных ареалов зависит от учета многих факторов, связанных с природой и обществом. Предметом исследования должны поэтому служить не только исторические реалии, но и экология тех или иных регионов. Специальные научные изыскания показали, что природные условия издавна влияли на очертания границ культурных ареалов исследуемого региона. В этой связи прежде всего необходимо отметить роль периодических трансгрессий Азовского, Черного и Каспийского морей. Подъемы и спады уровней их водного зеркала сказывались на особенностях расселения и хозяйстве местного населения. Эвстатические колебания подобного рода наряду с антропогенным фактором влияли на формирование территорий историко-культурных зон. В качестве примера можно указать на последствия так называемой черноморской трансгрессии, когда повышение уровня Черного и Азовского морей привело к изменению облика и размеров дельты реки Дон. Однако к середине II тысячелетия до н.э. наблюдается отступление вод Азовского моря, что способствовало заселению и освоению побережья Северо-Восточного Приазовья. В античную пору в этом субрегионе важную роль играл г. Танаис, поддерживавший в IV—III вв. до н.э. активные торговые связи с эллинистическими колониями Северного Причерноморья. Необходимо также отметить, что полторы-две тысячи лет тому назад природные условия Европы значительно отличались от современных. Обширные пространства к северу от Альп и Дуная и к востоку от Рейна были покрыты густыми лесами и топкими болотами. Природная среда основной части континента резко контрастировала с ландшафтом и благодатным климатом Средиземноморья. Отличался и сам образ жизни обитавших

там племен, казавшихся греко-римскому миру дикими варварами, разрушителями культуры.

Ареал и характер этнокультурных контактов определялись не только экологическими условиями, но и основными средствами транспорта, направлением речных и морских путей. В конечном итоге они, наряду с прочими факторами, обуславливали как различие, так и сходство взаимодействующих культур, ускоряли либо замедляли историческое развитие.

Природная среда Восточной Европы благоприятствовала развитию экономических и других контактов между ее субрегионами. Текущие в меридиональном направлении многоводные реки — Днепр, Дон, Волга связывали Зауралье с Прибалтикой, Северным Причерноморьем, Крымом, Кавказом. Пересекая обширный пояс евразийских степей, они содействовали историческим контактам земледельческого и скотоводческого населения Юго-Восточной Европы. В ходе периодических миграций кочевников, укрепления торговых связей происходило взаимодействие различных хозяйственно-культурных типов, этнических и прочих традиций. Поэтому данный регион издавна служил крупным узлом культурогенеза в южной части Восточной Европы.

В соответствии с античными географическими представлениями, граница между Европой и Азией проходила по р. Танаис (Дон). Лесная полоса в ту далекую пору спускалась на востоке почти до самого Каспийского моря, а на западе достигала, вплоть до позднего средневековья, берегов Азова. Линия смешанных лесов проходила тогда значительно южнее ее современных границ, что определяло и рубежи историко-культурных ареалов.

Разделение на две естественно-географические зоны — лесную и степную — сыграло важную роль в историческом развитии Восточной Европы. Представители евразийской школы считали, что эти природные границы «обособили оседлую европейскую цивилизацию Великой Степи». Однако в реальной действительности происходило не столько обособление, сколько взаимодействие двух несхожих культур.

Следует отметить также, что естественные рубежи между рассматриваемыми зонами не были константной величиной и измерялись под воздействием комплекса факторов. Немаловажную роль в этом играла активная деятельность человека, в особенности рубка леса в хозяйственных целях. Благодаря антропогенному фактору леса отступали с юга на север, изменяя границы земледельческих и скотоводческих регионов.

Изучение генезиса и особенностей формирования контактных зон Восточной Европы невозможно без освещения конкретных политических событий, путей образования государственно-административных структур, без учета этнокультурной среды, миграционных, колонизационных и других процессов. Определенное эвристическое значение при этом обретает применение комплексных приемов исследования, используемых в общественных и гуманитарных науках. Весьма эффективным нам представляется использование сравнительного метода, основанного на типологическом анализе исторических явлений. «Типологический метод, — справедливо пишет А.Д.Люблинская, — предполагает доведение в историческом познании сравнительного метода до его полного и наиболее результативного выражения. Сравнению, а вслед за ним и новому исследованию, должны подвергаться не отдельные, хотя и важные явления и процессы, но целостные комплексы важнейших компонентов. Тогда сравнение типологических объектов даст возможность вскрыть глубокие сходства и отличия и установить их постоянную или временную роль в развитии стран и континентов».

Весьма перспективным нам представляется и использование научных концепций современной этнологии, в особенности теории историко-культурных провинций и хозяйственно-культурных типов. Начатые советскими этнографами (М.Г.Левиным, Н.Н.Чебоксаровым, Я.В.Чесновым, Б.В.Андрияновым) разработки в этом направлении показали их особую эффективность при освещении противоречивых синтезных явлений в истории.

В сложении контактных зон немаловажную роль играло политико-административное устройство, связанное с образованием новых государств и расширением их территориальных пределов. Данный фактор выступал в качестве и структурообразующего компонента, и механизма нивелирования и адаптации населения порубежных регионов и субрегионов. История народов Восточной Европы содержит немало интересных страниц, позволяющих судить о таких процессах. В качестве примера можно указать на события второй половины XVI — начала XVII вв., когда южные рубежи Московской Руси после взятия Казани и Астрахани вплотную подошли к Нижнему Подонью и Северному Приазовью. В этом регионе существовала уже целая линия казачьих городков с весьма пестрым этническим составом. Основное его ядро было славянским, но имелись и компактные группы татарского, калмыцкого, адыгейского населения. В ходе русско-турецких войн XVIII в. здесь была введена российская административная система, которая затем начала распространяться и на соседние народы Северного Кавказа. Постепенное включение жителей кордонных линий в общеимперскую административную систему подстегнуло развитие хозяйственного обмена, усилило торговый оборот и этнокультурные связи в регионе. В определенной мере этому способствовало и колонизационное движение на юг русского и украинского населения, хотя оно сопровождалось и локальными столкновениями с коренными жителями. В рассматриваемом аспекте немаловажное значение имело и направление главных торгово-экономических магистралей, имевших международное значение. Сухопутные, речные и морские пути определяли не только степень интенсивности менового и денежного обмена, но и влияли на стабильность и пространственную трансформацию самой контактной зоны. В этом отношении весьма показательны военные походы Тимура в конце XIV в. против Золотой Орды. Разгром его войсками транзитных пунктов и городов в Нижнем Поволжье изменил направление важной международной трассы, связывавшей Восточную Европу с Центральной Азией, Средним и Ближ-

ним Востоком. В свою очередь это привело к ослаблению и переориентации внутрирегиональных экономических контактов. Походы Тимура, а затем и взятие турками Константинополя нарушили и экономические отношения Крыма и Северного Причерноморья с Восточной Европой, Италией, Египтом. Пришла в упадок торговля Каффы (Феодосии) с Московским государством, Приднестровьем и Приднепровьем.

Крупные завоевательные походы и войны не только деформировали границы контактных зон, но и могли повлечь за собой изменение их культурно-хозяйственного облика. В частности, после Батыева нашествия и образования Золотой Орды происходит формирование пестрого по этническому составу населения в степных оазисах Поволжья и Подонья. В покоренных монголами субрегионах Волжской Булгарии и юго-восточных областях Руси, в Крыму, на Кавказе происходит синтез привнесенных завоевателями дальневосточных компонентов с местными традициями, с культурой среднеазиатского и ближневосточного происхождения.

В истории контактных зон немаловажное значение имело и взаимодействие религиозных культов, что накладывало свой отпечаток на характер и специфику межрегиональных отношений. Этнорелигиозные процессы в рассматриваемых ареалах протекали в основном в форме христианизации и исламизации местного населения. Правда, в IX в. в Хазарском каганате получила распространение и иудейская вера. Однако иудаизм, ставший религией правящей верхушки, не охватывал все население каганата. Попытка же хазарских миссионеров навязать иудейство восточным славянам и другим соседним народам не привела к успеху.

Главным очагом распространения мусульманской веры в Восточной Европе являлось Среднее Поволжье. В X в. ислам стал государственной религией Волжской Булгарии, а в XIV в. — Золотой Орды. Более широкий резонанс процесс инфильтрации мусульманства получает с образованием Казанского ханства, стремившегося обратить в ислам соседние тюркские и часть финно-угорских народов, исповедовавших

язычество. После вхождения в состав России принимают крещение отдельные группы коренных жителей Поволжья и Приуралья. Христианская вера распространяется и среди влившихся в казацкую массу ногайцев, татар, калмыков. Одним из важных условий их приема в казачество являлось «выполнение обрядов православия».

Религиозный фактор в контактных ареалах играл неоднозначную роль, накладывая свой отпечаток на этнокультурные и внешнеполитические отношения. В одних случаях он вел к военным столкновениям и весьма длительному религиозно-культурному противостоянию. Наглядным примером в этом плане является взаимоотношение Северо-Западной и Южной Руси с рыцарскими орденами и государствами Прибалтики и Западной Европы. Крестоносная агрессия на восток с конца 20-х до 40-х гг. XIII в. привела к нарастанию военной конфронтации с католическим миром. В середине XIII в., после разрыва унии Галицкой Руси с Ватиканом, римский папа объявил крестовый поход на «литовцев, ятвягов, русских и других язычников и схизматиков». Начиная с этой поры, страны Запада рассматривали православную Русь как «часть враждебного нехристианского мира».

В других случаях рассматриваемый фактор вел к социально-бытовому нивелированию, взаимодействию и сохранению политического и общественного равновесия. Однако в сравнении с западными регионами в условиях Восточной Европы религиозные противоречия не принимали форму открытой войны. Поэтому сторонники евразийской теории считали, что рубежи зон историко-культурного взаимодействия на востоке Европы сформировались по чисто географическому признаку. Однако на западе континента они образовались на конфессиональной основе. Западная граница России, (Евразии) отделяла православный мир от католических и протестантских стран.

В условиях Восточной Европы действие религиозного фактора в конкретных ареалах проявлялись главным образом в распространении ислама и православия. После ликвидации политической самостоятельности Казанского и Астраханского

ханств мусульманское влияние шло в основном из Крыма — вассального союзника Османской империи. Однако в южных областях Восточной Европы оно имело больше политическое, чем религиозное значение, в отличие от Северного Кавказа. Инфильтрация христианства происходила в результате миссионерской деятельности и раздачи привилегий царскими властями различным слоям «инородческого» населения Поволжья и Южного Урала. Православная вера, как отмечалось выше, распространялась и среди казачества неславянского происхождения. Данный процесс не привел, однако, к формированию крупных надэтнических общностей, представляющих собой феномен культурно-религиозной трансформации. Принятие христианства вело к отходу от этнической среды, содействовало интеграции и смешению с преобладающей массой казачества, представлявшего собой особую субэтническую группу великорусского народа. Казачье население Дона, его быт, обычаи и культура формировались в своеобразной контактной зоне, находясь в тесных связях с русскими, украинцами, крымскими татарами, ногайцами, адыгами и другими народами.

Серьезное значение для изучения контактных ареалов имеет определение их пространственно-временных параметров. Рубежи таких зон не совпадали, как правило, с государственными, этническими, конфессиональными и иными рамками и имели достаточно условный характер. Они, к тому же, не представляли собой константную величину и могли измениться в зависимости от самых различных обстоятельств. Помимо отмеченных выше факторов на них влияли переселения народов, закат одних и возникновение других государств. В качестве примера можно отметить распад Древнерусского государства в XII в., который сопровождался половецким наступлением с юга, что изменило рубежи земледельческого и скотоводческого населения Восточной Европы. Произошло как бы отступление линии оседлости на север до Волго-Окского междуречья, хотя этот процесс был приостановлен с возвышением и укреплением Владимиро-Суздальской Руси при Юрии Долгоруком, Андрее Боголюбском и Всеволоде

Большое Гнездо. Однако последовавшее затем Батыево нашествие привело к размыванию и деформации прежних границ и возникновению буферной зоны между Русью и Золотой Ордой. При этом обширные лесостепные пространства к югу от Оки были превращены в безлюдные пастбища номадов и стали частью Дикого Поля. В XVI в. происходит как бы обратное перемещение рубежей обеих зон с севера на юг. После завоевания Казанского и Астраханского ханств границы Московского государства достигают Среднего Приднепровья и Северного Приазовья. Значительную роль в этом процессе играло строительство засечных черт и цепи пограничных укреплений. В середине XVI в. строится Тульская, а в 30-е — 40-е гг. XVII в. Белгородская оборонительная линия. В дальнейшем эта система укреплений распространяется на юг и достигает Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Строительство пограничных линий сопровождалось не только военными столкновениями с коренными жителями; но и постепенным включением их в российскую политико-административную систему. Внутри таких военных линий, становившихся областями контактов, происходили сложные процессы взаимодействия, развивались торгово-экономические и этнокультурные связи и отношения.

Одной из важнейших задач изучения рассматриваемой проблемы является разработка типологии контактных зон Восточной Европы. Трудность ее решения во многом связана с определением их характера, специфики и ведущих отличительных признаков. Исследователи обычно пытаются учесть прежде всего природные условия и хозяйственно-культурный облик того или иного субрегиона. В соответствии с этим принципом выделяются ареалы оседлой и кочевой жизни и быта. Однако при таком, не лишенном здравого смысла, зональном членении все же остается немало спорных и нерешенных вопросов. Главным образом, они вытекают из многоукладности и смешанности хозяйственно-культурных типов. Кроме того, нам известно существование целых анклавов как скотоводческого, так и земледельческого неоседлого населе-

ния. В поисках удобных пастбищ, выгонов, рыбных ловищ и пашен они передвигались с места на место на значительные расстояния. Поэтому всякая попытка субзональной детерминации должна исходить из ведущих признаков с учетом нетипичных, смешанных и переходных состояний. Очевидно, при решении данного вопроса следует также определить центры и периферии изучаемых ареалов, характер их взаимосвязей и тяготения к сопредельным областям.

В настоящее время трудно детализировать и точно очертить границы зон межэтнических контактов в Восточной Европе. Можно лишь выделить их основные сферы взаимодействия с сопредельными областями. Контактные ареалы изучаемого региона представляли собой прерывистую и довольно сложную по конфигурации полосу обширной территории от Урала и Волги до Азовского моря, Среднего и Нижнего Поднепровья.

В пространственном отношении она выглядит как изогнутая дуга, проходящая двумя линиями по степной зоне, разделяя лесные области Восточно-Европейской равнины от Южного Приазовья, Северо-Восточного Причерноморья и Крыма. Начиная с античного времени, южная дуга проходила по границе с эллинистическими колониями Причерноморья и Крыма, связывая всю зону с культурным миром Средиземноморья. Северная линия вплотную подходила к оседлым цивилизациям Южного Урала, Среднего Поволжья, Нижнего Дона и Приднепровья. В этом обширном ареале уже в эпоху бронзы на большей части его западной территории преобладало земледелие, а на востоке — мобильное скотоводство. В водоразделе Днепра, Волги, Дона на рубеже леса и степи происходили ускоренное развитие и интеграция различных культур. В раннем средневековье здесь наблюдаются тесные контакты восточнославянского населения с угорскими и тюркоязычными племенами. В древнерусскую эпоху ведутся непрерывные военные столкновения с приграничными номадами, часть которых оседает на землю. Седентаризация кочевников сопровождается их расселением по линии приднепровских

оборонительных крепостей, защищавших Киевскую Русь от набегов и вторжений степных народов Евразии. Начиная с глубокой древности, происходят сложные процессы этнокультурного взаимодействия местного населения с обитателями лесостепных ареалов, с Прикарпатьем, Северным Кавказом, Приазовьем, Крымом. Значительные перемены здесь отмечаются после образования Золотой Орды, когда степные регионы заселяются пленными ремесленниками из Руси, Волжской Булгарии, других завоеванных монголами стран Запада и Востока. Однако с разгромом Золотой Орды войсками Тамерлана культура этого региона, носившая во многом искусственный характер, приходит в упадок в результате запустения городов и оседлых поселений. После образования Российского государства и расширения его границ начинается рост его военного, экономического и культурного влияния в этой части Евразии.

Южная дуга контактных зон Восточной Европы простиралась на запад от равнинной полосы Предкавказья до Северо-Западного Причерноморья и Крыма, достигая Нижнего Днепра и восточных пределов бассейна Южного Буга. Степные жители данного субареала в эпоху античности и средневековья находились в тесных этнокультурных связях с греческими, римскими, византийскими, итальянскими колониями Причерноморья, с населением Северо-Восточного Кавказа и древнерусскими владениями Приазовья и Таманского полуострова. Обитатели этой зоны поддерживали контакты с сопредельными областями Восточной Европы, начиная уже с поры поздней бронзы и раннего железа. Археологические и письменные источники свидетельствуют о развитии интенсивной торговли местных городов с постепенно оседавшими кочевыми племенами. Выгодное географическое положение субрегиона благоприятствовало взаимодействию различных хозяйственно-культурных укладов, этнических анклавов, сближению городского и сельского населения. После вхождения Кавказа, Причерноморья и Крыма в состав России усиливается влияние русского языка и культуры, происходит админи-

стративно-территориальная и социально-экономическая интеграция в общеимперских масштабах.

Мы остановились на некоторых проблемах контактных зон преимущественно юга Восточной Европы, поскольку именно там контакты были наиболее интенсивными и хронологически протяженными. Отдельного рассмотрения, безусловно, заслуживают контактные ареалы северо-западной части региона.

В качестве же итога можно констатировать, что изучение контактных зон Восточной Европы является одной из актуальных задач исторической науки. Метод ареального исследования данной проблемы открывает широкие возможности для выявления характера исторических связей, механизмов адаптации, способов передачи и освоения культурного опыта, быта и традиций. Особенно важное значение оно имеет для осмысления сложных и противоречивых межцивилизационных процессов и их роли в истории и современности.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Ю.С. Борисов:

У меня три вопроса.

Первый: критерий, структура понятия «контактная зона». Может быть, я чего-то не уловил, но, если можно, кратко перечислите.

Второй вопрос, связанный, но не совпадающий с этим. Все-таки каковы типы контактных зон, какова их типология?

И, наконец, третий вопрос. Что дает и дает ли что-либо понятие «контактная зона» для современного геополитического, геокультурного комплекса?

Я.Н. Шапов:

Вы относите к контактным зонам и те зоны, где происходил контакт различных языков и различных цивилизаций,

социально-экономических условий? Это, очевидно, связано с типами контактных зон. Я не совсем понял, что вы понимаете под контактными зонами, все ли зоны соприкосновения носителей различных языков, религий, общественного строя, экономических условий? Является ли все это контактными зонами или из этого можно выбрать что-то более узкое, о чем мы могли бы говорить, имея в виду контактную зону?

Л.Н.Нежинский:

Доклад озаглавлен «Контактные зоны Восточной Европы, узловые проблемы и задачи изучения». Сегодня много спорят о том, что такое Юго-Восточная Европа, и большинство авторов склоняется к тому, что, видимо, это тот ареал Европы, который ограничен на Севере и на Востоке современной Молдовой и частью Украины, но не более того. Я имею в виду, что в данный ареал входят Румыния, Балканы, Югославия. Термин «контактная зона» идет из исторических работ XVIII, XIX столетия? Когда он возник, по крайней мере, в нашей российской историографии, и что под ним понимать?

Г.Д.Алексеева:

Какими источниками Вы располагаете для изучения языковых процессов, которые происходили в контактной зоне?

А.Н.Сахаров:

По Вашему докладу получается, что вся российская граница была сплошной «контактной зоной». Можно ли в этом смысле Россию сравнить с другими странами? И если это так, то не накладывает ли это свой отпечаток на всю историю России? Это первый вопрос.

Второй вопрос. Вы оперируете столетиями и тысячелетиями. Мы живем в двадцатом столетии. Как вы считаете, понятие «контактная зона» — это понятие в прошлом, или, если это понятие тысячелетнее, столетнее и т.д., контактные зоны продолжают эволюционировать, формироваться, влиять на историю нашей страны и окружающий мир и сегодня, или

все эти факторы ныне не действуют, и контактная зона как таковая не действует?

С.Г. Агаджанов:

Я сгруппирую некоторые вопросы. Прежде всего, каковы же критерии определения контактных зон?

Здесь критериев, общепринятых в науке, нет. Можно только сказать, что с 50-х годов применительно к Юго-Восточной Европе начинают задумываться о том, что же такое «контактная зона», и начинает вводиться сам этот термин. Возможно, он фигурировал в каких-то работах. Я имею в виду работу, прежде всего, В.Д. Королюка, который написал статью специально на эту тему, рассмотрев и Юго-Восточную, и Центральную Европу. Эта статья была опубликована в сборнике, вышедшем в Кишиневе в 1972 году. К сожалению, она не дала толчок для того, чтобы как-то обсудить, дискутировать по этой проблеме.

Какими должны быть критерии? Я попытался суммировать все, что мы знаем по этому поводу в настоящее время, и считаю, что критерии для определения контактной зоны должны быть не только пространственно-временные, не только географические, хотя я пытался доказать, что и природно-географическая среда способствует формированию контактной зоны. Кроме того, до последнего времени под «контактной зоной» применительно к Восточной Европе понимали главным образом зоны соприкосновения различных не схожих между собой хозяйственно-культурных типов (например, зона кочевого скотоводства — зона оседлости). Либо же, как это делали евразийцы, зону соприкосновения конфессий, причем акцент делался в основном на различие этих конфессий и на их противостояние.

Мы пока еще не имеем единой концепции и понятийного аппарата «контактной зоны». Что касается моего субъективного взгляда на эту проблему, то я думаю, что здесь мы должны учитывать комплекс факторов, в том числе мы должны учитывать не только природную среду, не только социумы, которые, как мы говорим, олицетворяют встречу культур или

цивилизаций, а также и такой фактор, как государственность, расширение границ государства, образование одних государств и упадок других.

Контактная зона не является константной величиной в истории. Эта зона может отступать и наступать, т.е. она в пространстве как бы подвижна и зависит от определенных исторических условий. Например, граница Дикого поля XII века приблизилась к Волго-Окскому междуречью. Это было связано с половецкими нашествиями и с тем, что эти земли ослабли после распада единого государства на Руси и т.д.

В последнее время уделяется внимание такому критерию, как ментальность. Что такое ментальность? Это тоже сложный вопрос. Но, условно говоря, под ментальностью имеется в виду цивилизационных признаков, то есть контакт между определенными типами культур и цивилизаций.

Я не могу сказать, что мне удалось осмыслить и четко сформулировать все нюансы этой проблемы, но уже нащупываются какие-то критерии, опираясь на которые мы можем, сформулировать более или менее приемлемую общую точку зрения. Здесь много спорных вопросов, и можно было бы дискутировать по этому поводу более предметно и конкретно.

Теперь — о типах контактов. Этот вопрос в исторической литературе фактически не ставился.

Если говорить о типах контактных зон, то одно можно сказать — что они существуют. И причем здесь, наверное, для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно было бы провести специальное исследование.

А.Н.Сахаров задал резонный вопрос: а что же получается с границами Русского государства? Это сплошная контактная зона. А как это выглядит в других регионах? Такие зоны возникали и возникают на границах всех крупных государств. Возьмем Дальний Восток. Я пытался провести такую параллель. Но для меня недостаточно еще ясно это отличие. Однако некоторые черты все-таки можно проследить. Вот, например, на чем была основана система отношений между Поднебесной империей и окружающим, как говорили китайцы,

«варварским миром»? На чем они строились? Как понимали китайцы свое отношение к древним народам, к тем же маньчжурам, которые захватили в середине XVIII века Китай и основали свою Цинскую империю?

Взгляд китайцев резко различался со взглядами древнерусских князей и московских царей, российских императоров и правящих кругов. Для Китая вся окрестная периферия, хотя она отличается по облику и материальной, и духовной культуры от непосредственно китайской, или великоханьской культуры, но тем не менее все равно входит в понятие единой империи, даже тогда, когда эти кочевники не подчиняются Китаю. Для китайцев было важно, платят они дань или не платят. Это считалось как бы рамками единого политического пространства.

Это мы хорошо можем проследить по историческим источникам. Это как всегда осмысливалось в официальной китайской истории как «данничество».

Еще один момент. Периферия как бы периодически наступала. В то же время мы видим и различия. Например, в России даже в эпоху Золотой Орды правили свои великие князья, чего не было в Китае. Там это проникновение шло дальше, и обычно кочевники захватывали власть и основывали свои династии и свои империи. Таким образом, не метрополия включала периферию в свой состав, а были такие случаи, когда, напротив, варварская периферия интегрировала в свой состав остальную империю. Правда, на этой почве происходило разделение на несколько частей: образовался Северный Китай со своей территорией — государство Цзинь и т.д.

Можно было бы провести аналогию и с Византийской империей. Как мыслили византийцы? Каково было различие? Было, конечно, четкое, ведущееся от более ранней античной эпохи представление о том, что все что за границами, например, Рима или греческих колоний Причерноморья — это все варварский периферийный мир, и с ним контакты ведутся, главным образом, на основе торговли, на основе экономичес-

ких взаимоотношений, потому что, видимо, такой задачи не ставилось – подчинить себе скифский или другой мир.

Византийское представление о контактной зоне было более ограниченным, чем в более позднюю эпоху. Это какая-то специфическая зона, где имеется система фортификаций, крепостей, укреплений, где имеются представители власти византийского императора и т.д.

Если бы такой типологический анализ нам удалось провести, мы могли бы более уверенно сказать, что такое типология и типы контактной зоны применительно к Юго-Восточной Европе.

Вопрос о том, что я имею в виду под Юго-Восточной Европой. Действительно, это очень спорный вопрос, он был поставлен в статье В.Д.Королюка, о которой я упоминал, и во многих других работах. Я думаю, что мы должны исходить не только из современных представлений. Мы должны учитывать и географические представления того периода – например, периода античности, когда граница между Азией и Европой мыслилась совершенно иначе, чем сейчас. Тогда эта граница проходила по реке Дон, а не по Уральским горам и по реке Уралу, то есть существовало совершенно другое представление. Это мы тоже должны учитывать в своем определении и каждый раз оговаривать, что мы имеем в виду под Юго-Восточной Европой.

Исходя из тех исторических материалов, которые опубликованы, считаю, что Юго-Восточная Европа не ограничивается Северным Причерноморьем, Кавказом, границами Молдовы и Украины. На востоке она начинается от Урала и Волги, потому что археологические и исторические данные показывают тесную связь культур между собой.

Причем археология нам дает убедительные примеры таких широких связей, контактов, которые не наблюдались позже.

Что дает понятие «контактная зона»? Если говорить об этом только на теоретическом уровне, это мало что даст для нас. Но если говорить о сущностном подходе к изучению кон-

тактных зон, то это дает очень многое. Я перечислю наиболее важные моменты, которые дает нам анализ контактных зон.

Во-первых, становится понятным, что взаимодействие между населением Восточной Европы на протяжении всей истории, конечно, менялось. Но что важно для нас? Целью является изучение нескольких контактных зон, а не одной контактной зоны, как мы делали раньше. Это дает нам возможность проследить этнокультурную связь, характер межгосударственных отношений, отношения между цивилизациями и культурами, и как они трансформировались во времени, какой облик они приняли на сегодняшний день. Ведь то, что мы сейчас имеем, основы этого во многом были заложены в глубокой древности. И если положить на карту хозяйственно-культурные зоны, то они будут во многом (но не во всем) совпадать с этими контактными зонами в прошлом.

Какие источники существуют для изучения языков контактирующих культур, контактных зон?

То, что имеется в исторических источниках, дает основания говорить, что такое взаимодействие было, и что это взаимодействие языков как бы становилось или служило этническим признаком той или иной контактной зоны.

Какая связь между прошлым и современным в понимании контактных зон? Продолжается ли процесс?

Наш подход к изучению контактных зон и тот подход, который существует в американской и в европейской историографии и науке, этим и отличаются. Они в основу кладут только государственные границы, а в последнее время понятие контактной зоны распространяют и на административные границы. То есть в рамках конкретных границ они исследуют все. Это так называемый пограничный метод изучения. Недавно в Париже вышел сборник, в котором подытоживаются исследования американских и западноевропейских историков. В рамках таких границ они исследуют все явления вплоть до занятости населения, вплоть до хозяйственных вопросов и т.д.

Анализ проводится в рамках нынешних границ. Ну, например, берется современный штат Аризона с его границами

и его административным делением и разбирается, как они формировались, и что происходит в рамках этих административных границ. Для американских исследователей это тоже зоны — историко-культурные зоны.

Нам тоже надо это учесть, но, может быть, мы должны подойти несколько иначе, задуматься над вопросом, какова связь между прошлым и настоящим в плане изучения контактных зон.

Я.Н.Шапов:

Поднятая С.Г.Агаджановым тема, связанная с контактными зонами на территории, как он сформулировал, Юго-Восточной Европы, да и вообще с нашей историей, — это очень важная тема. Она позволяет нам немножко по-другому смотреть на взаимоотношения нашего основного этноса, нашего основного государственного ядра — Руси, России — с соседями.

Мне хотелось бы выделить некоторые вопросы, которые, может быть, достойны большего внимания.

В.Д.Королук очень перспективно и плодотворно занимался этой темой применительно к контактам между славянами, турками на Балканах, волохами-романцами, Византией. Эта территория была объектом его исследований. Собственно, это было некоторой лабораторией для изучения, для постановки этого вопроса, для выработки каких-то принципов, методик и т.д. Хотя в нашей историографии вопрос, связанный с Русью и степью, существовал и рассматривался очень давно. Только это не называлось так, как В.Д.Королук назвал и как, мне кажется, С.Г.Агаджанов тоже считает нужным рассматривать данный вопрос. Действительно можно говорить относительно того, какие контакты здесь существовали, что такое «контактная зона». Что же касается языковых критериев, то от них нужно отказаться, потому что между языками существуют свои собственные контактные зоны. зоны контакта между русским и белорусским языками, между белорусским и польским, между русским и украинским. Они постепенно переходят друг в друга, там есть какие-то диалекты, за-

имствования друг у друга, а здесь совсем другое. Что же касается типов хозяйства, то, очевидно, основное в контактных зонах — это контакты между различными типами хозяйства и то, что с ними связано: контакты, связанные с военными стычками; контакты, связанные с проникновением одних хозяйственных форм в другие, с такими явлениями, как религия, когда эти религии распространяются на определенных территориях, связанных с социально-экономическими особенностями, с культурными особенностями и т.д. Эти вопросы для нас, для России, очень важны, и важны они не только в далеком прошлом, но, мне кажется, и в более позднее время.

Если мы будем говорить о контактных зонах Киевской Руси, то это будет степной Юг, это будет, очевидно, Север — Заволжье. Если говорить о Московской Руси, то это будет уже более широкий круг — более отдаленный Восток, Поволжье. Затем формирование империи предполагает, что контактные зоны движутся, они отодвигаются, и у России возникают контактные зоны на Кавказе, возникают в Средней Азии, а затем и дальше.

Значение контактных зон со временем тоже меняется, потому что когда-то для нас Кавказ — это была граница от мусульманского вторжения со стороны Турции, и уступить Кавказ означало уступить Кавказ Турции, то есть иметь Турцию в качестве своего ближайшего соседа, и те конфликты, которые у нас постоянно существовали.

Но время меняется, и сейчас Турцию уже признают европейской державой. А кавказские народы продолжают традиции, которые были и в середине XIX века. Поэтому, наверное, роль контактных зон здесь меняется, и значение этого в истории России, меняется также.

С.Г.Агаджанов говорил относительно обратного влияния контактных зон на соответствующие метрополии, потому что Россия, включив в себя регионы, в которых существовали другие хозяйственные отношения (и кочевые, и другие) в значительной степени должна была содержать, снабжать эти контактные зоны своими материальными средствами, людс-

кими ресурсами и т.д., поддерживать их, поднимать на свой собственный уровень.

В какой степени связи с контактными зонами для государства являются нужными, важными и обязательными? Может быть, от этих контактных зон нужно отгородиться, поставить преграды, которые не ослабляли бы само государство? Тут тоже интересный вопрос.

Мне представляется, что вопрос, который поставил С.Г.Агаджанов, требует дальнейшей разработки.

Ю.С.Борисов:

Инициатива в постановке этого доклада очень плодотворна и чрезвычайно актуальна, потому что возникший не случайно в 50-х годах (относительно недавно) термин «контактная зона» вскрывает очень большую потребность изучения того, что происходит в общении между народами, в диалоге, в характере его, в содержании, в характере культур, образа жизни.

Действительно, контактные зоны — это понятие еще не устоявшееся, потому что оно противоречиво изначально. С одной стороны, контактные зоны воспринимаются прежде всего как зона сближения разных цивилизаций или разных этносов в пределах одной цивилизации, как зоны нормального диалога. С другой стороны, контактная зона в известной мере это и зона противостояния, зона, по которой проходит стена, Китайская, Берлинская, какая угодно, — зона, которая призвана воспрепятствовать естественно идущим контактам.

Само понятие контактной зоны разрабатывается пока и возникло на материале истории средневековья. Но сразу же она может быть обращена в прошлое и использована для современности.

С моей точки зрения, понятие контактной зоны — это понятие диалога, двух больших социумов, социальных собеседников на макроуровне, общения разных, чуждых цивилизаций, либо общение в пределах одной цивилизации этносов, государств и т.д. Критерии этого понятия пока еще очень не-

четкие. И поэтому я благодарен докладчику, который в этот вопрос внес определенную ясность и четкость.

Более сложен вопрос о типологии и в литературе не разработан. Мне представляется, что, могут быть зоны контакта между очень разными, антагонистическими общностями. Допустим, в классической древности это варварство и римская цивилизация, Римская империя. Это первый большой тип, внутри которого могут быть выделены разные направления анализа. Это может быть буферное культурно-политическое, экономическое образование, созданное в известной мере искусственно, во всяком случае, сознательно. Если первое возникает стихийно, естественно-историческим путем, то второе может быть на этой ли естественной основе или иначе — создано искусственно.

Историками средневековья активно используется понятие «лимитрофы» применительно как раз к контактной зоне. Это понятие активнейшим образом используется в наших геополитических рассуждениях применительно к 20-30-м годам XX века, очевидно, и сейчас применительно к судьбам России. Применительно к средневековью лимитрофы — это зоны активного естественного контакта, связанного с развитием Византии и армянских государственных образований, — это детально исследуется в книге В.А.Арутюновой-Фиданян. В наше же время лимитрофы, которые были созданы на границах бывшей Российской империи, на границе СССР, — это область санитарного кордона. Так что разный смысл, разное содержание вкладывается в понятие «лимитрофы» применительно к теории, к анализу культурных зон. Применительно к буферным политическим образованиям (лимитрофы — отнюдь не всегда буферные государства), к созданиям государственно-политическим, которые формируются сознательно, можно говорить о каком-то компромиссе, создающем определенные формы контактов; а если не о компромиссе, то об определенной политической договоренности, о выработке определенных правил игры в культуре и в политике. Один из наиболее наглядных примеров — это, скажем, Дальневосточная

Республика, то есть сознательно созданное образование, которое могло бы дать больше, чем оно дало, в частности, в культурном общении, но тем не менее сыграло свою роль.

Итак, первый тип — это контакт антагонистический, примером которого являются варварские цивилизации. Второй — это какая-то договоренность, это сознательное выполнение каких-то правил игры в контакте.

Наконец, третий тип — это расширение границ пространственных контактов в наше время между относительно равнозначными культурно-политическими сообществами. Я думаю, что вот здесь мы сейчас находимся в той стадии процесса, когда роль контактных зон, с одной стороны, вроде бы увеличивается, а с другой само это понятие и сам этот процесс как бы отмирают в связи с интеграцией, которая происходит в мире. Применительно к СССР об этом говорить возможно, но этот процесс в общем-то всемирный.

И поэтому мне думается, что в конечном счете как понятие широкого диапазона оно не может быть использовано, не будет уже отражать реалии будущего, даже ближайшего будущего.

А.В.Игнатьев:

Я прежде всего хотел поддержать мысль Я.Н.Щапова о важности изучения контактных зон для истории нашей Родины, причем важности для изучения не только внутренней, но и внешней политики ее.

Я могу сослаться по крайней мере на одну солидную работу. В 1993 году вышла в Соединенных Штатах Америки совместная работа американских и наших историков об имперской политике России. В этой работе есть интересная статья одного из квалифицированных, с моей точки зрения, специалистов по истории внешней политики России — Альфреда Ригора, который высказал мысль о том, что одной из основных особенностей положения России, особенностью, влиявшей существенным образом на ее политику на протяжении веков, было то, что русская цивилизация, российское государство граничило с целым рядом различных цивилизаций в Европе и в Азии. Я думаю, что это правильно.

Два соображения по поводу существа вопроса.

Во-первых, само собой напрашивается разграничение между внешними, пограничными контактными зонами и внутренними контактными зонами, хотя это, видимо, следствие исторического развития вопроса — то, что когда-то для Русского государства было внешней контактной зоной, потом, с расширением государства становится внутренней контактной зоной.

Еще одно соображение заключается в том, что, не всякий ареал с многонациональным населением может рассматриваться как контактная зона для всех национальностей, в этом ареале представленных.

Мне представляется, что контактная зона — это такой ареал, такая зона, где происходит взаимодействие цивилизаций, культур, экономических укладов и т.д., взаимодействие, в результате которого происходит определенная трансформация, взаимное влияние. И поэтому, мне кажется, что для того чтобы этот ареал мог рассматриваться как контактная зона, тут должно быть, если не равенство сил, то, тем не менее, какое-то определенное равновесие тех народов и тех цивилизаций, которые в этом ареале представлены и которые в этом ареале могут оказывать серьезное влияние друг на друга.

В.П.Дмитренко:

Ход дискуссии убеждает меня в том, что мы не очень точно определили для себя и предмет нашего исследования, и предмет нашей дискуссии. В чем, собственно говоря, проблема контактной зоны? В том, что здесь нужно различать два понятия или две категории, или два состояния: «зона контактов» и «контактные зоны». То, что здесь говорилось, в основном, мне кажется, посвящено проблеме зон контактов. Когда происходит столкновение разных систем, естественно, границы их неизбежно взаимодействуют, имеет место неизбежная борьба, неизбежное поглощение, неизбежное взаимодействие. Это обычное состояние — взаимодействие разных цивилизаций, разных народов, государств и т.д. Поэтому постоянно и везде мы окружены такими зонами контактов. Но выделяя

проблему «контактные зоны», мы должны говорить несколько о другом. О чем же?

Я думаю, что контактная зона — это специфическое состояние, когда на границе взаимодействия разных систем (это могут быть действительно разные системы) возникает некое состояние, когда на фоне или в результате, или в сочетании разных систем все-таки сохраняется некая «самость», сохраняется нечто личностное, сохраняется нечто особое, нечто стабильное, нечто устойчивое, которое позволяет и принять это внешнее воздействие с разных сторон, но в то же время принимать как что-то достаточно определенное, устойчивое, генетически определяющее общность той массы людей или народов, которые связаны рамками этой зоны.

Здесь проблема не только в определении ареала этих зон, но и в разнице подходов, в разнице методологий при анализе этих зон при разных подходах, при разных оценках и при разном историческом наполнении. В первом случае мы исследуем проблему экспансии, проблему победы и подчинения. Это один блок проблем, предполагающий особый метод исследования. Но если мы рассматриваем в контексте именно зон влияния, не зону конфликта, а конфликтную зону, то в данном случае мы должны рассматривать в первую очередь сложный механизм вот этого многогранного взаимодействия, когда не только сталкиваются разные системы, но они сталкиваются на очень специфическом поле, которое принимает на себя разное воздействие, обогащается этим воздействием, но сохраняет свое уникальное лицо.

Такой подход для нас чрезвычайно полезен и для анализа нашей современности. Прибалтика, видимо, может быть примером такого подхода и такого исторического явления, когда, находясь в каких-то определенных границах, этот регион сохраняет свою сущность, оригинальность, подвижность, сохраняет свой потенциал перемещения из одной зоны в другую, из одной системы в другую. Та же самая сегодня проблема Средней Азии. Здесь тоже, несмотря на долгое нахождение этого региона в составе России, он сохраняет в себе

вот эту самую генетическую ментальность экономики, культуры, мироощущения, которая позволяет ему легко «выключаться», легко переходить в другую зону тяготения. Именно вот эта целостность, эта «самость», эта генетическая определенность может быть рассмотрена именно как проблема контактной зоны — именно зоны, где в данном случае я делаю упор не на «контакт», а на «зону», в отличие от термина «зоны контактов», где действительно выступает на первый план механизм взаимодействия разного.

А.Н.Сахаров:

Когда я слушал выступления С.Г.Агаджанова и других наших товарищей, мне показалось, что чем больше государство, страна, народ имеют контактных зон, тем хуже, тем оно более отсталое в силу ряда материальных, экономических, религиозных и прочих причин. Чем меньше этих контактных зон или они вообще не существуют, это вообще плохо, это полная катастрофа для любого народа.

Видимо, история так распорядилась, что на соответствующем уровне развития находятся те регионы, где очень хорошо исторически сбалансирована эта категория контактных зон, где их немного, чтобы они воздействовали катастрофически на регион, и где их немало, чтобы народ развивался в рамках общецивилизационного развития. Об этом очень четко говорит история России, Англии, Франции и история совершенно закрытых анклавов Закавказья, даже Северного Кавказа.

С.Г.Агаджанов:

Уважаемые коллеги!

Я был приятно удивлен, что доклад вызвал такой интерес и что выступившие ведущие ученые высказали очень интересные и ценные соображения по докладу и по поднятым в нем вопросам.

Я старался поставить, главным образом, комплекс вопросов, имеющих общетеоретический характер и все-таки попы-

таться нащупать определенные критерии, дающие нам возможность говорить об этом удивительном явлении. И можно сказать, что контактные зоны мы могли бы отнести к феноменам исторического процесса.

Проблема эта многоаспектная, сложная, и я не перечислил, наверное, и сотой доли тех вопросов, которые возникают при более углубленном подходе к проблеме. Ясно, что контактные зоны не были константной величиной, что они изменялись подчас под влиянием самых различных, подчас даже неожиданных факторов.

Например, как можно говорить о контактных зонах, если не говорить о процессе взаимовлияния в самых различных формах. Сюда входят самые различные вопросы, как, например, различные формы земельной собственности, влияние исторических связей на синтез религиозных и идеологических представлений, значение контактных зон в трансформации менталитета различных народов, целых анклавов и т.д. Это огромное количество вопросов, которые, конечно, требуют самой тщательной проработки на самых различных уровнях.

Были высказаны очень интересные соображения Я.Н.Щаповым, Ю.С.Борисовым, А.В.Игнатьевым, В.П.Дмитренко, А.Н.Сахаровым, который поставил очень сложный вопрос о том, как влияют эти контакты на судьбы государства. И способны ли они влиять на его трансформацию в каком-то направлении?

Что касается типологии, то в этой проблеме есть две «ахиллесовы пяты». Первая — научно-понятийный аппарат, который совершенно не разработан или разработан очень слабо, а вторая — это типология: как отличить одну контактную зону от другой, а также зоны контакта и контактные зоны.

Сегодняшнее обсуждение, дало очень многое. Действительно, историческая типология имеет и концептуальное значение при решении вопросов, поднятых сегодня. Эти контакты могут быть между сходными и несходными цивилизациями или культурами. Это один тип или одна модель взаимоотношений. Во-

вторых, между разными культурами, и это уже модель несколько иная, она имеет свои особенности, свои механизмы, а главное — свои результаты. О контактных зонах мы не можем судить, если мы не знаем результатов этого контакта. В одних случаях эти результаты бывают поразительные, они приводят к очень крупным изменениям и в самой этнической структуре, и в политическом строе, и в менталитете. В других случаях эти контакты не ведут к таким результатам.

Еще один вопрос — о природной среде. Конечно, она играет большую роль. Я взял только Восточно-Европейскую равнину, ее географические реалии. А ведь есть еще горные зоны, и здесь контакты носят совершенно удивительный характер. Приведу вам пример Северного Кавказа, арабы называли его «Гора языков». Действительно, чем объясняется, что на Северном Кавказе и в Закавказье живущие подчас рядом народы говорят на разных языках (вплоть до аульных языков), имея одно этническое происхождение? Наверное, природная среда все-таки здесь сыграла не последнюю роль.

Контакты в условиях Великой Русской равнины и контакты в условиях горного ландшафта — это два типа контактов. Очевидно, можно найти и другие примеры. Одним словом, здесь важно все, и этот вопрос — не такой простой. Проблема каждой конкретной контактной зоны разрешима тогда, когда мы видим какие-то результаты, очевидные для нас. С одной стороны, многоконтактность, — это может быть, плохо, а с другой — все-таки она, наверное, имеет и свои позитивные моменты.

Вот такой баланс. Видимо, в поисках какого-то «золотого сечения», наверное, и будет заключаться искусство исследователя.

А.Н.Сахаров:

Мы поставили этот вопрос, поскольку он действительно для нас новый. Хотя он поставлен на материалах древней и средневековой истории, тем не менее, он абсолютно актуален сегодня. И нам казалось, что выслушать такой доклад и об-

суждение вопроса было бы очень полезно для ученых нашего института.

И мы благодарны С.Г.Агаджанову и всем выступившим за то, что это обсуждение удалось, оно пробудило определенные научные мысли, стимулы для дальнейшей разработки проблемы. Мы эту работу будем продолжать и далее, тем более, что наша тема заявлена на Отделении истории Российской Академии наук.

МАТЕРИАЛЫ НОВГОРОДСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ИСТОРИИ*

Название этого доклада придумал А.Н.Сахаров. Оно ко многому обязывает и ставит меня в довольно затруднительное положение. Вся наша деятельность в Новгороде (я имею в виду работу Новгородской археологической экспедиции) состоит в том, чтобы собирать новую информацию. Информацией о древности мы необычайно бедны, но именно в силу этой бедности каждый год дает нам значительное количество новых фактов, с помощью которых порой закрываются проблемы большие или малые, а чаще всего новые открытия порождают новые проблемы. Поэтому выбрать из всего того, чем мы занимаемся, сюжеты, заслуживающие включения в столь малый объем времени, каким мы располагаем, весьма затруднительно. Заранее извиняюсь за то, что буду касаться одинаково и крупных, и частных проблем. Извиняюсь также за то, что мне придется говорить о берестяных грамотах. Однажды один академик, специалист в области истории древней Руси, спросил у меня, что нового найдено в Новгороде, и я ответил, что найдены интересные берестяные тексты. На это он сказал: «Знаете, В.Л., они уже давно всем надоели, эти берестяные грамоты!» Так что прошу еще раз извинения за рассказ о новых находках грамот, которые, наверное, многим действительно надоели...

В последние 25 лет в моей работе как бы конкурируют два значительных направления. Первое – осмысление того, что обнаруживается при раскопках, а это в основном работы близ кремля, на Троицком раскопе. Раскопки там начались в 1973 г. для того, чтобы предварить благоустройство участка, рядом с которым был поставлен памятник Победы. А затем само состояние культурного слоя в этом месте повело нас за собой и ведет до сих пор, когда объем изученной площади превзошел уже

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 11 апреля 1996 г.

4000 кв. м. Это примерно вдвое меньше, чем Неревский раскоп, хотя работы заняли вдвое больший срок. Причины понятны: и недостаток финансирования, и недостаток рабочих рук, и иное качество рабочей силы.

Второе направление, занимающее меня на протяжении последних десятилетий, — изучение комплекса сфрагистических находок на Городище, происходящих из находившегося там вплоть до XVI в. архива. В 1970 г. я издал двухтомный корпус древнерусских печатей, в котором было зафиксировано полторы тысячи средневековых булл, принадлежащих примерно к 800 разновидностям. Сейчас в соавторстве с П.Г.Гайдуковым подготовлен третий том, в котором учтено свыше 1100 новых находок. Число ранее неизвестных вариантов превысило 300. Таким образом, материал значительно вырос и перешел в такое состояние, которое позволяет решать весьма серьезные проблемы. Оговорюсь, что в указанное число не вошли псковские печати, которые готовит к изданию С.В.Белецкий. Дождавшись этой публикации, мы сможем в полном объеме представить картину древнерусской сфрагистики X—XV вв., а следовательно, и динамическую картину истории институтов государственности этого времени, коль скоро булла на Руси всегда имела официальный, а не частный характер.

Возвращаясь к вопросу о нашей источниковой нищете, я вижу главную ее причину в том, что средневековая письменная культура была сосредоточена в городах, а города были деревянными и горели с периодичностью в 20–25 лет, чему имеется масса летописных и археологических свидетельств. К XII веку сгорало то, что существовало в XI веке, в XIII веке догорали остатки XII века и т.д. Чем дальше в глубь истории, тем меньше источников.

Посмотрим, какими традиционными письменными источниками мы располагаем сегодня. Самый древний летописный список относится к XIII в. Самый древний пергаменный акт датируют 1130 годом. Кроме того существуют только два подлинных документа домонгольского времени: духовная

Варлаама Хутынского и древнейший список Смоленской торговой правды.

Осмысление сфрагистических материалов Городища на фоне нарисованной только что картины источниковой бедности способно приводить порой к постановке очень важных, на мой взгляд, проблем, еще более усугубляющих эту бедность.

Зададим себе вопрос: для чего в средневековые существовали архивы, в том числе и новгородский городищенский архив? Надо полагать, что они существовали для того, чтобы любой человек, нуждающийся в восстановлении утраченного документа (а утрачивались они в огне пожаров постоянно), мог придти в архивохранилище и заказать себе копию необходимого ему акта. И нам прекрасно известны случаи, когда такие копии наглядно демонстрировались привешенной к ним печатью. До нас дошла купчая московского боярина Михаила Крюка на село Медну у новгородского боярина Юрия Онцифоровича. Сама купля состоялась до 1417 г., когда Юрий Онцифорович умер, а вернее — до 1409 г., когда он стал посадником, поскольку в этом документе он не титулован посадником. Между тем при купчей привешена печать архиепископа Евфимия Брадатого, который был хиротонисан в 1424 г. и оставался на кафедре до смерти в 1429 г. Поскольку душеприказчиками Михаила Крюка около 1428-1430 гг. Медна была передана Троице-Сергиеву монастырю, очевидно, что именно в это время была изготовлена сохранившаяся до нас копия купчей у Юрия Онцифоровича, а не подлинный документ.

Другой пример. Блок из двух грамот — древнейшего договора Новгорода с немцами 90-х гг. XII в. и договора Александра Невского и его сына Дмитрия с немецкими городами — оказался записанным на одном листе пергамента, снабженном печатями Всего Новгорода, владыки Далмата и князя Ярослава Ярославича. Здесь расхождение в датах тоже значительное, особенно с документом конца XII в.

Эти примеры я привожу по той причине, что самый замечательный и всем известный акт, Данная князя Мстислава

и его сына Всеволода Юрьеву монастырю на волость Буйцы, который является эталонным для нашей палеографии, будучи единственным подлинным документом XII в., снабжен печатью князя Ярослава Всеволодовича, т.е. буллой на сто лет более поздней, чем текст этого акта. Как это могло случиться? Наиболее вероятный ответ: в действительности это не подлинник 1130 г., а его копия на столетие более поздняя. Если это так, то документ теряет свой эталонный характер, а древнейшим подлинным русским актом становится духовная Варлаама Хутынского начала XIII в. Разумеется, требуется тщательное палеографическое изучение грамоты Мстислава и Всеволода, сравнение ее с палеографическими особенностями миней конца XI в. и датированных рукописей XII – XIII вв., чтобы исчерпывающе решить возникшую проблему.

Напротив, обнаруживаются и факты, укрепляющие нашу уверенность в том, что какие-то уникальные сведения, вызывающие подозрение в достоверности, на самом деле оказываются вполне достоверными. Как хорошо известно, в «Хождении игумена Даниила» имеется иерархический список русских князей, начиная с великого киевского князя Святополка Изяславича и кончая князьями малых княжеств. В этом списке все князья хорошо опознаваемы, но в нем имеются сведения о некоем князе Андрее-Мстиславе, которого летопись «не знает», но который по месту в иерархическом ряду должен быть князем Смоленска. Между тем стала известной печать, на одной стороне которой изображен св. Андрей, а на оборотной — многострочная надпись на греческом языке о принадлежности ее «великому архонту Мстиславу». Смоленская принадлежность этого князя подтвердилась его идентификацией с летописным «Мстиславом Игоревым внуком» — внуком смоленского князя Игоря Ярославича.

Но в списке игумена Даниила имеется еще один загадочный князь — Ярослав-Панкратий. В нем давно подозревали основателя муромской и рязанской ветви Рюриковичей Ярослава Святославича, но принадлежность ему крестильного имени Панкратий отмечена только у игумена Даниила; ни

один летописный текст этого свидетельства не подтверждал. Года два тому назад на Городище, однако, была найдена неизвестная прежде свинцовая печать, на одной стороне которой изображен св. Панкратий, а на другой очень странная надпись. Начинается она по-гречески «KVPIE BOHOEI ПАНКРАТИУ», а дальше по-русски написано «СВЯТО-СЛАВИЧУ» (т.е. «Господи, помоги Панкратию Святославичу»). Наличие князя Панкратия подтверждается этой печатью. Более или менее понятна и ее судьба — как она попала в Новгород из далекого Мурома, с которым у Новгорода, как будто, особых сношений не было. Брат Мстислава Владимировича Изяслав был убит в ходе событий 1096 г., похоронен первоначально в Муроме, но затем перевезен в Новгород, где его погребли в Софийском соборе. Допуская некоторую беллетристичность толкования, я могу предположить, что грамота с этой печатью сопровождала тело Изяслава во время его посмертного путешествия из Муромы в Новгород.

Подобные мелочи вдохновляют на то, чтобы очень детально копаться в новых, на первый взгляд, малозначительных материалах.

Перейдем, однако, к большим проблемам. Рискаю тем, что многое из того, о чем я буду говорить, неоднократно публиковалось и, наверное, достаточно известно, я все же не могу обойти вниманием ряд ключевых сюжетов.

Хотелось бы начать с самого новгородского «начала», которое состоит в проблеме исходного славянского заселения русского Северо-Запада. Когда впервые были найдены берестяные грамоты, то в экспедиции перебивали едва ли не все наши крупнейшие лингвисты от В.И.Борковского до Романа Яковсона. Эти грамоты сразу вызвали громадный интерес у всех, кто сколько-нибудь был причастен к изучению истории русского языка. Причем знакомились они с берестяными документами, будучи хорошо вооружены хрестоматийной схемой развития русского языка, которая постепенно складывалась на протяжении XIX — первой половины XX в. В этой схеме каждому явлению определено свое место и установле-

но, какие явления возникают, например, в конце XIII в., какие исчезают в конце XII в., когда намечаются те или иные детальные расхождения с предыдущим способом написания. Все это считалось прочно обоснованным. Но на основании каких источников?

Как уже говорилось, о светских текстах домонгольского времени неизвестно, за исключением тех трех пергаменных документов, которые упомянуты. Следовательно, в основу хрестоматийной схемы положены наблюдения, связанные с богослужебной литературой, которая, как это хорошо известно, отличается одним весьма важным качеством – стремлением к постоянному точному воспроизведению оригинала. Священный текст воспроизводится так, чтобы в нем не было ни утрат, ни искажений, и поэтому все процессы языковой трансформации мало заметны. Вооруженные сложившейся схемой, лингвисты, анализируя берестяные тексты, столкнулись с массой противоречий. Явление, возникновение которого датировалось, скажем, концом XIII в., вдруг обнаруживалось в грамоте XII в. Расхождений с хрестоматийной схемой оказалось множество, и с каждым годом число таких расхождений не уменьшалось, а увеличивалось. Появились две стратегические линии их преодоления.

Одни исследователи приходили к мысли, что писцы грамот были людьми малограмотными. Не очень хорошо они умели писать и еще хуже знали хрестоматийную схему, разработанную отечественной лингвистикой. Другие усомнились в достоверности археологических дат: «На чем эти даты основаны? Если мы твердо уверены, что такое-то явление возникло в конце XIII в., то грамоты, вопреки мнению археологов, к XII в. отношения не имеют. Давайте датируем их по-своему». Охотно занявшись хронологическими передвижками, они все расставили по своей схеме и получили очень ясный вывод: ничего нового для лингвистики в берестяных грамотах нет. Все, что знали раньше, то и обнаружилось теперь: надо только правильно датировать.

Первым встал на защиту археологической хронологии лингвист Андрей Анатольевич Зализняк. Побывав в Новгороде, он увидел, что между горизонтами XII и конца XIII в. залегает целый метр культурного слоя, до предела насыщенного деревом — остатками срубов, уличными и дворовыми настилами, щепой. Что-нибудь там пересунуть на метр выше или ниже невозможно. Потом подоспели дендрохронологические наблюдения, которые дали достоверную привязку к абсолютным датам. Замечу, что здесь не все просто, возникают и расхождения, и сомнения, но все же точность дендрохронологических датировок укладывается в «вилку» 10-15 лет, а такой точности не знает палеография. Стало очевидным, что верить надо все-таки археологам.

Когда весь массив берестяных грамот, накопленных в Новгороде и других русских городах, был расположен по археологической шкале, обнаружилась совершенно невероятная вещь. Чтобы ее понять и оценить, надо заметить, что на протяжении всего XIX и первой половины XX в. формировалось убеждение, одинаково разделяемое и лингвистами, и историками, согласно которому единым центром расселения восточных славян на территории Восточной Европы было Среднее Поднепровье, откуда шли импульсы, выталкивающие славян Поднепровья во все концы Восточной Европы — в Суздаль и Муром, в Новгород и Псков. И коль скоро это так, то, следовательно, существовал единый восточноевропейский славянский язык, не разделенный на диалекты. Все говорили одинаково — в Киеве, Смоленске, Новгороде и Суздале.

Наша советская наука добавила к этому свои интересные наблюдения: когда началось классовое расслоение, то от классового гнета охотно бежали на север массы угнетенных людей, т.е. существовал еще один импульс расселения поднепровских славян... В общем, никаких диалектов поначалу не было. Когда же они появились? Тогда, когда возникли политические и таможенные границы при распаде Древнерусского государства на уделы, когда общение между населением разных княжеств было максимально затруднено, а затем это

разобшение было усугублено татаро-монгольским нашествием. Таким образом, XIII век был признан временем активного формирования диалектов.

Когда массив берестяных грамот был разложен по уровням археологической стратиграфии, то оказалось, что наиболее яркие признаки древненовгородского диалекта находятся в самом древнем уровне, т.е. в тех текстах, которые относятся к XI и XII вв. А надо сказать, что к сегодняшнему дню на место тех трех домонгольских грамот, с которыми мы уже имели дело, пришло свыше двухсот берестяных. Что это за диалектные особенности? Разумеется, они не очень велики: киевлянин прекрасно понимал новгородца, а новгородец киевлянина, только в Киеве говорили «Иван», а в Новгороде «Иване». Подобных различий между древненовгородским диалектом и тем, который называли общерусским, свыше двадцати.

Когда А.А.Зализняк установил сумму древненовгородских диалектных особенностей, неизбежно возникла проблема поисков их аналогов в других славянских языках. Оказалось, что такие аналоги обнаруживаются во всех уголках славянского мира — и в Чехии, и в Хорватии, — но больше всего их в северолехитских языках, т.е. на территории северной Польши и — шире — славянской южной Балтики. Отсюда следует закономерная мысль о том, что основной массив населения русского Северо-Запада имеет не южное (днепровское) происхождение, а продвинулся сюда с южных берегов Балтики, будучи потеснен немецкой экспансией. Иными словами, вся первоначальная история Древнерусского государства оказывается более сложной. Оно не было изначально монолитным, а возникло в ходе слияния и взаимного обогащения двух различающихся славянских культурных традиций.

В древненовгородском диалекте имеется одна совершенно нетривиальная особенность: в отличие от всех остальных живых и мертвых языков и диалектов славянского мира в нем не произошел процесс второй палатализации задненебных согласных. Если в других славянских языках говорили вместо изначального «кельй» — «цельй», вместе «на реке» — «на ре-

це», вместо «в Боге» — «в Бозе», то древненовгородский диалект — единственный — сохранил изначальные фонетические формы. Следовательно, в своем движении на территорию русского Северо-Запада массив славянских племен (в который входили новгородцы и псковичи) находился в условиях изоляции от остальных групп славян, где процесс второй палатализации произошел. Перед лингвистикой, таким образом, встала во весь рост новая неожиданная и трудная проблема.

Лично я думаю, что изоляция северо-западной группы восточных славян была определена существованием балтского пояса, наглухо отрезавшего славянский север от славянского юга в тот период, когда на юге происходил процесс второй палатализации.

Южнобалтийское происхождение новгородско-псковского населения демонстрируется не только изучением ранних берестяных грамот. Важные материалы доставляет топонимика: многие топонимы Польши и русского Севера-Запада тождественны. Не менее значительны показания ономастики. В берестяных грамотах впервые встречены десятки дохристианских имен, и почти всякий раз аналогии им обнаруживаются в польских словарях средневековых личных имен.

Не буду дальше останавливаться на этом блоке наблюдений, чтобы перейти ко второй важной исторической проблеме. Она касается «норманской теории», которая, как я понимаю, всегда имела более политический, нежели научный характер. Каждый прекрасно понимает, что самое радикальное решение этой проблемы состоит в отрицании призвания варяжского князя, в провозглашении тенденциозной легендарности самой личности Рюрика. Этим путем наша историография двигалась много десятилетий, сокрушая всех инакомыслящих. Что для понимания указанной проблемы дают раскопки Новгорода?

Первое, на что я в этой связи обращаю ваше внимание, как будто льет воду на мельницу самых последовательных антинорманистов. Выяснено, что никаких культурных напластований, относящихся к IX веку, на территории Новгорода не

имеется. В IX в. Новгорода еще не было. Насколько этот вывод обоснован?

В последние годы проведены многочисленные бурения новгородского культурного слоя закладкой сотен буровых скважин. На основе их данных разработан весьма обстоятельный опорный план археологической ситуации города, благодаря которому мы до раскопок имеем возможность как бы заглянуть сквозь землю и увидеть, на каких участках культурный слой отличается мощностью, а на каких он сравнительно невелик. Разумеется, случаются вызванные разными причинами аномалии, но в принципе там, где человек живет дольше и интенсивнее, культурный слой отличается мощностью. Там, где жизнь начинается позднее или где ее интенсивность невелика, там и культурный слой тонок. Археологи шутят: чем некультурнее живет человек, тем толще отставляемый им культурный слой. Между тем человек всегда жил некультурно, оставляя после себя кучу отходов. Там, в Новгороде, где он жил дольше, толщина слоя доходит до восьми метров, а там, где он почти не жил, культурного слоя практически нет.

Общеизвестно, что средневековый Новгород состоял из пяти концов. Из них два — новообразования: Плотницкий конец возникает впервые как административная единица во второй половине XII в., а Загородский — в конце XIII или начале XIV в. Остальные три конца — Людин, Неревский и Славенский — древние. Во всех этих трех концах велись интенсивные раскопки. На Неревском конце в ходе работ 1951-1962 гг. древнейшая уличная мостовая была датирована 953 годом. Под ней примерно 30-40 см доуличного культурного слоя, которые добавляют к указанной дате еще лет 30-40 и не выведут дату первоначального освоения конца за пределы X века. На Славенском конце обстановка сложнее, поскольку в пределах распространения самых мощных культурных напластований раскопок еще не велось, но все-таки в районе главной улицы конца — Славной — раскопками определено время сооружения древнейшей уличной мостовой — 972 г.

Вернусь к ситуации Неревского конца. Мне могут возразить: раскопки этого конца проведены за пределами кремля, а коль скоро северная часть кремля является прямым продолжением Неревского конца, то, может быть, историческое ядро конца следует искать в северной части Детинца? Нет. В 1991 г. там были произведены раскопки, обнаружившие стоящий на материке сруб с дендрохронологической датой 962 г. Ядро Неревского конца, таким образом, совпадает с участком раскопок 1951-1962 гг.

Аналогичной оказалась ситуация Людина конца, где сейчас продолжают начатые в 1973 г. раскопки. Там древнейшие слои датируются первой половиной (возможно, второй четвертью) X в., а древнейшие уличные мостовые временем около 950 г. Органичной частью Людина конца была южная половина Детинца. Там еще перед войной были проведены раскопки, обнаружившие на материке купеческий кошелек с монетами конца X в. И в Людином конце на Троицком раскопе мы, следовательно, имеем дело с его историческим ядром.

Попутно с главной проблемой установления времени исходного заселения территории Новгорода возникает побочная проблема: почему мощение улиц и связанное с ним преобразование сельского облика в городской происходит во всех древнейших концах около середины X в.? Мне кажется, что ответ на этот вопрос существует. Но прежде чем его сформулировать, я должен рассказать, что в прошлом (1994) году мы наблюдали потрясающе интересную картину, когда на Троицком раскопе подошли к предматериковым слоям. Оказалось, что остатки жилых комплексов подостланы пашней. Следы пашни на территории всего раскопа прослеживались отчетливо, а на месте будущей мостовой Черницыной улицы была грунтовая дорога. Очевидно, перед нами периферия земельного владения некой семьи, жилая усадьба которой осталась за пределами исследованного участка. Такая картина была характерной для первой половины X в., а в середине столетия на ее месте возникает город с системами благоустрой-

ства, основными мостовыми, рядовой усадебной планировкой и т.д. Что способствовало такой трансформации?

Думаю, что необходимый импульс был дан походами княгини Ольги на Лугу и Мсту, которые резко расширили сеть новгородских погостов и, следовательно, решительно увеличили податную территорию. Это расширение внесло в новгородскую казну значительные суммы, без которых было бы невозможно указанное преобразование.

Вернемся, однако, к началу Новгорода. Если в IX в. Новгорода еще не было, значит не было и призвания варягов, не было Рюрика и рассказ о нем действительно является мифом? Положительно ответить на этот вопрос можно было бы лишь при условии не углубляться в поставленную проблему. А чтобы в нее углубиться, следует выйти за пределы Новгорода и перейти на территорию Городища, которое еще в прошлом веке новгородскими краеведами стало называться Рюриковым и на котором уже много лет ведет раскопки Евгений Николаевич Носов.

В ходе этих раскопок на территории Городища было обнаружено начало в дальнейшем систематически развивавшихся напластований культурного слоя, который имеет ярко выраженный элитарный характер, т.е. содержит в себе различного рода ювелирные украшения, предметы военного быта и прочие вещи, говорящие о богатстве живших здесь людей. И кроме того, этим древностям свойственна осязаемая скандинавская вуаль: предметы скандинавского быта, которые в собственно Новгороде встречаются единицами, здесь представлены в изобилии. Древнейший горизонт этого комплекса датируется временем около середины IX в., что дает основание утверждать о возникновении здесь в указанное время княжеской резиденции, которая потом существовала непрерывно на Городище вплоть до падения Новгорода. Возникновение этой резиденции связано с пребыванием в ней скандинавского князя и его дружины.

Иными словами, призвание князя было, но оно произошло тогда, когда местные племена жили дисперсно, не

имея единого центра, когда каждое из них владело родом своим и жило на тех местах, где силой исторических судеб ему было определено жить. И только в какой-то более поздний момент началось сселение родоплеменной верхушки на территорию будущего Новгорода. Следы такого сселения вполне очевидны, потому что к рубежу IX—X и всего X в. относится процесс запустения многих небольших древних городищ в округе Новгорода, откуда родовая аристократия переходит на место будущего города, определенное как суммой историко-географических условий, так и близостью к княжеской резиденции. Впрочем, выбор места для резиденции сам был, несомненно, определен положением на перекрестке важнейших торговых путей. Чем же был вызван этот процесс первоначального освоения будущей городской территории и запустения прежних родовых гнезд? Думаю, что он органично связан с некоторыми хорошо известными событиями.

Когда князь был приглашен «княжить и володеть нами», то с ним был заключен договор на его вечное княжение. Однако проходит некоторое время, и Олег с малолетним Игорем на руках бросает свою городищенскую резиденцию и уходит на юг в поисках более значительных столов. Он приходит сначала в Смоленск, а затем в Киев, где победив Аскольда и Дира, садится на княжение, заявив «Здесь будет мати градом русским». Поскольку «мати градом» является калькой греческого ΜΗΤΗΡ ΠΟΛΙΣ (столица), никакого другого смысла кроме намерения переместить столицу в Киев эта фраза не несет. Процесс движения на юг продолжается, как известно, и при Святославе, который пытался утвердить столицу Руси на Дунае.

Это движение, начавшееся в конце IX в., привело к тому, что на Северо-Западе возник некий политический вакуум, а природа — в том числе и политическая — не терпит пустоты. Уход князя, оставившего вместо себя вопреки договору безымянную дружину, понуждает местную аристократию создать новую структуру в виде того города, который еще не назывался Новгородом и вообще еще не был городом, но имел органы вечевого строя. Раскопки показывают, что древнейшие

усадьбы Новгорода — это именно те усадьбы, на которых позднее жили наиболее влиятельные боярские семьи.

Коснусь еще одного сюжета, который представляется мне достаточно важным. В 1994 г. одна наша находка вызвала сенсацию. В слое первой половины XI в. на Троицком раскопе была найдена свинцовая печать Ярослава Мудрого. На одной ее стороне изображен небесный патрон Ярослава — св. Георгий, точно такой же как на его серебряных монетах, а на другой — воин с торчащими пиками усов, в шлеме, снабженном наверху шариком, в корзне, застегнутом фибулой. По сторонам изображения надпись: «Ярослав князь Русский». Порадовавшись находке, мы на первых порах сосредоточились на проблеме портретности этого изображения. Облик Ярослава Мудрого многим знаком по реконструкции Михаила Михайловича Герасимова, передающей черты этого князя в последний период его жизни, когда ему было за шестьдесят. Впрочем, эти черты трудно разглядеть под густой прической, бородой и шапкой. Напоминает же он доброго умудренного жизнью дедушку. А на печати — воин с хищным лицом и «кайзеровскими» усами, отнюдь не похожий на герасимовскую реконструкцию, даже если сделать скидку на то, что печать относится к тому времени, когда Ярославу еще не было тридцати лет. Между тем сохранилась фотография промежуточной реконструкции М.М.Герасимова, где Ярослав еще не был одет волосами. Эта фотография и печать передают одну и ту же психологическую характеристику знаменитого русского князя.

Однако находка этой печати открывает более важную проблему. Снова немного отвлекусь, чтобы рассказать об еще одной, на этот раз не новгородской находке. Вскоре после обнаружения печати Ярослава П.П.Толочко прислал мне из Киева фотографию свинцовой печати, найденной в середине 30-х годов киевским археологом Молчановским в Вышгороде. В 1937 г. он прямо с раскопа был безвозвратно изъят органами НКВД, а материалы его раскопок оставались исследователями невостребованными. Так на этой фотографии обнаружилась печать Святополка Окаянного. Обе буллы — Ярослава

и Святополка — подражали византийским образцам императорской печати. Если я скажу, что до их находки были известны только две древнерусские буллы, датируемые временем до середины XI в. (а теперь их стало четыре) и остановлюсь на констатации исключительной редкости таких булл, я не сообщу ничего существенного.

Существенное же состоит в том, что в середине XI в. происходит обвальное увеличение русских сфрагестических материалов в южнорусских находках, а на рубеже XI—XII вв. такое же обвальное увеличение их количества в находках на новгородском Севере. Какими процессами определено такое поэтапное расширение русского «сфрагестического пространства»? Надо полагать, что оно связано с функцией печати, иными словами, — с характером тех документов, которые этими печатями скреплялись. Были ли это документы международной дипломатической переписки, или переписки между русскими князьями, или же это какого-то рода жалованные грамоты; если жалованные, то что жалуются такими актами? Парадокс состоит в том, что сейчас мы располагаем примерно 1200 русских домонгольских булл и только одной домонгольской грамотой, при которой сохранилась печать. Значит, пытаясь ответить на поставленный вопрос, возможно исходить только из этого комплекса самих печатей.

Решается этот вопрос, по-видимому, весьма интересно. Если мы возьмем новгородские домонгольские печати, выберем из них княжеские (а их известно уже около 600) и посмотрим, каков индекс насыщения ими тех временных отрезков, которые соответствуют XII — первой трети XIII в., окажется, что на каждый год приходится 4,5 печати. Существует, однако, очень сильная вспышка, относящаяся к 60-м гг. XII в., когда от княжившего в Новгороде Святослава Ростиславича (сына Ростислава Мстиславича) дошла до нас 71 булла. Индекс здесь равен 9 печатям в год, т.е. вдвое больше обычного. Другая вспышка приходится на 1136 год, когда новгородцы свергли Всеволода Мстиславича и взяли букваль-

но на месяц его малолетнего сына Владимира, от которого сохранилось 26 булл.

Ответ на вопрос, в чем состояла специфика 60-х гг. XII в., вызвавшая такое обилие актов, дает берестяная грамота № 724, найденная несколько лет тому назад на раскопе близ Прусской улицы Новгорода. Она своим содержанием датируется 1167 годом и содержит в тексте следующую фразу: «А сельчанам своим князь сам от Волока и от Мсты участки пожаловал», свидетельствующая о широкой раздаче вотчинок на периферии Новгородской земли. «Сельчане» — не аборигены этих мест; это новгородцы, являющиеся пионерами их освоения. Естественно, такое наделение их землей должно было сопровождаться соответствующими документами — отсюда и такое количество печатей. Сопоставив это свидетельство с тем фактом, что единственная сохранившаяся печать домонгольская новгородская пергаменная грамота так же жалует земельное владение, мы поймем и ажиотаж 1136 г., когда, пользуясь наступившим после изгнания Всеволода Мстиславича безвременьем, новгородцы добиваются пожалований от малолетнего Владимира, бывшего по существу игрушкой в их руках.

А теперь вернемся к общей статистике. До середины XI в. 4 печати. В середине XI в. масса их появляется на юге, потому что именно в это время, как можно судить из сопоставления «Древнейшей Правды» и «Правды Ярославичей», в южной Руси возникает вотчинная система. Но в Новгороде сложение такой системы запаздывает на полстолетия и относится к началу XII в., когда и на севере булла становится явлением массового порядка.

Обратившись к более позднему времени, мы видим, что начиная с XIV в., когда надзор за черными волостями передается в руки архиепископа, уже не князь, а архиепископ раздает грамоты, касающиеся движения земельной собственности. Дошедшие до нас грамоты XIV—XV вв. снабжены печатями владык или владычных наместников и все они касаются только земельных дел. Непрерывность рассмотренной цепочки, по-видимому, прямо указывает на то, что главной сферой

применения свинцовой печати были земельные документы, по которым раздавались и перераспределялись вотчины.

В заключение, я все-таки хочу воспроизвести здесь два позапрошлогодних текста и рассказать о некоторых находках прошлого сезона. Некоторые тексты, вероятно, многим известны: сообщения о них появлялись в печати, а также на телевидении и радио. И все же мне трудно обойтись без их упоминания, тем более что найдены они в слоях XI в.

Грамота № 752 дошла до нас в виде двух фрагментов длиной каждый около половины метра. Сохранились начало и конец, отсутствует середина текста. То, что вы услышите, — древнейший образец русского эпистолярного жанра: грамота относится к концу XI в., но ко времени несколько более раннему, нежели известные послания Владимира Мономаха. Читаю грамоту в переводе.

Первый фрагмент: «Посылала к тебе трижды. Какое же ты зло затаил, если в эту неделю ни разу ко мне не пришел!» (Под неделей можно понимать воскресенье, но скорее всего здесь это слово употреблено в современном смысле, существовавшем уже и в древности; ср. Фомина неделя, Крестопоклонная неделя и т.п.). «А я ведь считала тебя как бы братом своим. Неужели я тебя задела, посылая за тобой? А тебе, я вижу, не любо. Если бы было любо, то, скрывшись от людских глаз, ты прибежал бы ко мне».

Дальше часть текста отсутствует. Следующий фрагмент: «...теперь где-нибудь в другом месте. Отпиши же мне...» (Фраза оборвана, но ее начало знаменательно: переписка между девушкой и ее женихом была регулярной). «(Не думай, что я) тебя отвергаю». И, наконец, совершенно потрясающая фраза: «Если я тебя задела по неразумию чем-то, и ты еще будешь насмехаться надо мной, пусть тебя судят Бог и моя слабость!»

Вот такое письмо написала молодая женщина из богатой семьи. А что эта семья была богатой очевидно из ассортимента найденного на исследуемых усадьбах предметов. Именно здесь

обнаружена печать Ярослава, клад западноевропейских монет первой трети XI в. и множество других нерядовых вещей.

Вторая грамота позапрошлого сезона замечательна не только для нас, но и для немецких лингвистов, потому что эта древнейшая на сегодняшний день новгородская берестяная грамота (№ 753) написана на нижненемецком языке XI в. и содержит следующий магический заговор: «Копье, не порази его!»

И, наконец, находки прошлого сезона. Вы не представляете себе, какие душевные муки мы пережили, когда в слое рубежа XIV–XV вв. была найдена грамота № 754. Ее обнаружили в прогоревшем слое и весь свиток бересты как бы остекленел от этого жара; одного удара лопаты оказалось достаточно для того, чтобы он рассыпался, наверное, на двести кусочков. Предполагалось, что грамота погибла безвозвратно. Но есть в Новгороде такой чудесный мастер Владимир Иванович Поветкин, который собрав его по кусочкам, вернул берестяное письма из небытия. Всего в нем шесть строк. Последние четыре собраны полностью, первые две требуют некоторых комментариев.

Имя автора не прочитано и имеет несколько возможных вариантов (Дементий, Леонтий, Оксентий и т.п.). Автор общается своему адресату Матфею, что тот может взять заготовленный для него запас жердей в лесу в Лясиц(ах?). «Или сам пойдешь, или же распорядись, чтобы мне не было убытка», — пишет он. Дальнейший текст очевиден: «А что ты распорядился у Перхурия скот взять, то он скота не вернул, но деньги за скот отдал. А у меня конь пал. А земля твоя лежит (т.е. не обрабатывается.), а сошники («омеши») отданы тем, у кого есть люди (для обработки пашни)».

Здесь главная проблема — это «Лясицы». Мне всегда привлекательна идея привязать любой текст к тому месту, которое в нем упоминается, но, как это хорошо понятно, чаще всего упоминаются такие пункты, которые в писцовых книгах отнюдь не единичны, а фигурируют в разных районах Новгородской земли; поэтому идентификация в большинстве случаев не однозначна. Нужна бывает группа топонимов, фигу-

рирующих в одной грамоте, чтобы дать уверенность в правильности их идентификации, когда и на карте они соседствуют друг с другом. Что касается «Лясиц», то их местонахождение определилось из другого текста — грамоты № 757 того же времени: «Осподину Есифу благословение челобитие от попа от Тимофея. Губляне твоего слова не слушают, Федорка не приемлят. На то воля Божия и твоя». Эта грамота дает возможность оба документа привязать к одной территории. Упоминание попа свидетельствует о наличии на этой территории погоста и церкви. Где-то в пределах этого погоста находится деревня Губа, жители которой не желают принимать присланного господином Есифом арендатора Федорка. Деревня Губа отыскалась в Ситинском погосте к северу от Валдая, рядом с погостом, на котором стояла церковь Рождества. Но в двух верстах от Губы расположена деревня Лясицы, связывая воедино обе грамоты, происходящие из одного городского усадебного комплекса.

Еще одна любопытная грамота — № 755. В ней присутствуют некоторые слова, не встречавшиеся прежде в средневековых текстах. И начинается она необычно фразой «Только за мною и слов». Может показаться, что это не начало, а второй или третий лист какого-то документа, поскольку обычно в начале берестяной грамоты стоит адресная формула. Однако нашлись две грамоты из прошлых сезонов, в которых текст открывается такой же фразой, где она означает формулу как бы объяснительной записки при судебном дознании. Далее следует такой текст: «Послал меня Алексей на гумно по той причине, что там Осташко овить молотит». «Овить» — яровой хлеб; такого слова нет в словаре Срезневского, но оно в изографии встречается в разных вариантах в северных говорах и отражено, в частности, новгородским областным словарем. «Алексей его спросил: Почему молотишь без наших крестьян? Ведь нам в земле принадлежит половина и урожая доля. А старейший мой Иван велел мне молотить и семена и емена». «Семена» — это зерно, предназначенное для посева. «Емена» (от слова «есть») — зерно, оставленное на еду. У Срезневского

такого слова нет, но оно имеется в словаре Даля: «хлеб на семена и на емена», т.е. все зерно очередного урожая.

И еще одна грамота — небольшой отрывок (№ 758) записи XIII века, где присутствует еще одно не встречавшееся раньше слово — «пролежь». Им обозначен некий капитал или товар, пролежавший без движения, что породило некоторые убытки.

Кроме грамот Троицкого раскопа впервые фрагмент берестяного письма был обнаружен при раскопках в кремле. Письмо было адресовано владыке, и это вполне естественно, поскольку резиденция архиепископа располагалась в кремле.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

А.В. Назаренко:

Если можно, расскажите подробнее о печати Святополка.

В.Л. Янин:

На византийских печатях и монетах император всегда изображался в короне, но никогда в нимбе. На древнерусских монетах конца X — начала XI в. князь изображен в короне и нимбе. На печати Святополка князь изображен в доспехах, короне и нимбе, а на ее обороте помещено погрудное изображение небесного патрона Святополка — св. Петра.

А.Н. Сахаров:

Вы очень интересно рассказали о том, что в середине IX века можно проследить «скандинавскую вуаль». Как определяется, что она именно скандинавская?

В.Л. Янин:

Это многочисленные украшения, скандинавская принадлежность которых зафиксирована многочисленными находками в шведских, норвежских и датских комплексах. О них можно было бы высказать предположение, что они могли

прийти в Городище торговым путем. Однако в числе городищенских древностей имеются подвески с магическими формулами, выраженными руническими надписями. Это как бы аналог христианскому кресту-тельнику, т.е. предмет, принадлежавший лицу, исповедующему варяжский культ. Кроме того, характерны для Городища не славянские, а скандинавские разновидности стрел.

А.Л.Хорошкевич:

У меня вопрос относительно освоения тех концов, которые не были изначальными. Каков его характер?

В.Л.Янин:

Археологических данных нет, потому что в Плотницком конце работ в последние годы не велось, так же как и в Загородском. А раскопки прежних лет имели дело исключительно с поздними слоями. Письменные источники, однако, свидетельствуют, что освоение территории Плотницкого конца (особенно той его части, которая расположена к северу от Федоровского ручья) осуществлялось силами боярства Людина конца. В XIV—XV вв. Прусская улица и Плотницкий конец выступают как некое политическое единство: одни и те же бояре могут представлять в посадничестве Людин, Загородский и Плотницкий концы. Так что какие-то политические нюансы за этим стоят.

Должен сказать одну интересную вещь, о которой здесь не упоминал, но которая заставляет думать о некоторых проблемах, имеющих отношение к начальной истории Новгорода. Оказывается, что на протяжении всего XII и первой четверти XIII вв. ни разу в новгородские посадники не избирался житель Славенского конца, т.е. противостояние Новгорода (а это на первых порах другое название только Детинца) Торговой стороне («ониполовцам») сохранялось вплоть до XIII в. Может быть именно в этом состоит причина, по которой в скандинавском обиходе Новгород продолжает называться Холмградом, т.е. наименованием, присущим Торговой стороне.

В.Б.Перхавко:

Как известно, московским гостям, переселенным в конце XV в. в Новгород, были выделены земли, которые раньше передавались «житьим людям». Можно ли говорить о купеческом происхождении части новгородских «житьых»?

В.Л.Янин:

Мне представляется, что с точки зрения социального устройства население Новгорода делилось на две юридические группы. Первая – бояре, выходцы из древней родоплеменной знати. Боярство не подлежит юрисдикции князя, оно судит себя своим вечевым судом, совершает вечевые казни, не облагается пошлинами, и князь в дела новгородского боярства не вмешивается. Не облагаются пошлинами и зависимые от бояр люди (холопы, челядь, вотчинные ремесленники), живущие на боярских усадьбах.

Кроме того существует все остальное свободное население, которое называется «черным». Сюда входят купцы, приходское духовенство, землевладельцы небольшого достатка. Это все люди, которые платят подати в государственную казну. Но из их среды выдвигаются предприимчивые люди, обрастающие капиталом. Когда на эти свои капиталы, если они возникли в результате торговой деятельности, они приобретают землю, то становятся уже не купцами, а житьими. Житий человек – это богатый землевладелец не аристократического происхождения и, следовательно, не обладающий привилегией быть избранным в посадники. Как правило, землевладение житьего в процессе наследственного дробления мельчает, а потомки некогда богатых землевладельцев переходят в разряд своеземцев, собственными руками обрабатывающих свое владение.

В.А.Кучкин:

Не означает ли это, что житьи люди не могут заниматься торговлей?

В.Л.Янин:

Затрудняюсь ответить на этот вопрос, потому что землевладельцы и торговцы фигурируют как бы в разных социальных разрядах. Вкладывают ли купцы, приобретающие землю, все свои средства в эту землю или оставляют какую-то часть капитала для торговых операций, не знаю, так как источники не освещают этой проблемы.

В.Б.Перхавко:

Складывается впечатление, что новгородские монастыри XIV—XV вв. существенно отличались от монастырей Северо-Восточной Руси, скажем, Троице-Сергиева и др., которые с XV в. активно занимались промыслами и торговлей. Есть ли какие-то дополнительные материалы в берестяных грамотах о хозяйственной роли новгородских монастырей?

В.Л.Янин:

Новгородские монастыри XIV—XV вв., которые в своем большинстве были боярскими, ктиторскими, воспринимаются как некий депозитарий, куда бояре вкладывают свои богатства для того, чтобы в трудную минуту получить от них помощь и поддержку. На этой основе между ними существовала обратная связь.

Могут сказать также, что новгородские монастыри по существу были изъяты из ведения архиепископа. Последний ведал в них канонической сферой, но не имел никакого отношения к их экономической жизни. Глава новгородского черного духовенства избирался на вече и был, таким образом, одним из городских магистратов, будучи целиком зависим от воли избравшего его боярства. Даже игумены кончанских монастырей были подотчетны воле местного кончанского боярства.

Иными словами, в Новгороде существовала сложная система защиты целостности боярской власти и боярской экономики от возрастающей роли архиепископского управления.

Вопрос

Скажите пожалуйста, составляла ли Старая Ладога какую-либо конкуренцию Новгороду?

В.Л.Янин:

Она составляет ему конкуренцию главным образом в трудах А.Н.Кирпичникова. Тезис о том, что Ладога была первой столицей Руси, представляется мне искусственным: резиденция варяжского князя на Городище существовала уже при Рюрике, тогда как тезис о Ладоге опирается на легенды о ее связи с более поздним Олегом.

А.Н.Сахаров:

Я давно хотел спросить у вас и теперь пользуюсь случаем, чтобы задать следующий вопрос. Материалы экспедиций последнего времени, ваши работы, кажется, всех убедили в том, что старая точка зрения о возникновении древней Руси из одного центра, т.е. Киева, несостоятельна. Очевидно, что древняя Русь создавалась как единое, двухцентровое, что ли, государство: Север — Новгород, Юг — Киев. Известно, что Киевская Русь была связана древними узами с южной частью славянства, куда идут нити из Прикарпатья. Известны разработки В.В.Седова о том, что славянство занимало огромную территорию от южной Балтики до Карпат. Западнее — германские племена, восточнее — племена балтов, которые, как вы правильно сказали, отрезали славянский Северо-Запад от приднепровского Юга. Но тем не менее от южной Балтики до Карпат это все-таки была одна линия. Если киевские восточные славяне были связаны с южными регионами славянства, не могли бы новгородские словене быть связаны с северной ветвью славянства, с Повислением, с районами, расположенными к северу от Вислы, которые квалифицировались В.В.Седовым и другими археологами как центр славянства? И можем ли мы в этой связи предположить, что если южная ветвь древней Руси связана с южными районами европейского славянства, то и северная ветвь, не связанная с Поднепровьем, могла быть связана с северными районами европейского славянства?

В частности, ваша очень интересная мысль относительно диалекта, о том, что древненовгородский диалект был изолированным, самостоятельным, автохтонно развивающимся, —

не указывает ли это на то, что рядом могли быть и другие диалекты, ведущие нас в район славянства северного, южнобалтийского? Нет ли в этой связи как Юга, так и Севера со своими корневыми индоевропейскими основами в Восточной Европе от побережья Балтики до Карпат?

В.Л.Янин:

Могу сказать на это вот что. Я очень хорошо представляю себе роль северной Руси в транзите восточного серебра. Основной его поток шел через Новгород на Готланд и в материковую Швецию. Но если мы представим поэтапно историю этого потока, то станет очевидным, что самые древние клады восточных монет за пределами Руси концентрируются в южной Балтике. Первые контакты, прослеживаемые по материалам IX—X вв., это контакты внутриславянские. В дальнейшем мы постоянно выделяем в массе западных импортов Новгорода значительные западнославянские примеси, свидетельствующие о непрекращающихся контактах.

Красиво сформулировал весьма важную и вполне обоснованную мысль молодой писатель Борис Киселев: «Там, где Петр Великий рубил окно в Европу, в средневековье существовала широко открытая дверь».

Но я думаю, что дело не в чисто древнеславянских контактах Новгорода и его прародственников. Вспомним поздний летописный рассказ о Гостомысле: «Идите в город Малборк поискать князя». Это ведь реминисценции того, что уходит в глубокую древность. Эти контакты были разнообразными и многосторонними, отражая европейскую и, прежде всего, циркумбалтийскую общность.

А.Н.Сахаров:

Есть языческие контакты, религиозные.

В.Л.Янин:

Культурные контакты, прежде всего. Сначала на запад из Руси уходит восточное серебро, потом с запада в Русь приходит западноевропейское серебро, целиком оседающее на тер-

ритории Новгородской земли. Движение «туда и обратно» существует непрерывно.

А.Н.Сахаров:

Если нет больше желающих выступить, позвольте мне от имени нашего Ученого совета, от имени всех присутствующих выразить большую признательность В.Л.Янину за масштабный интересный доклад, который заставляет нас думать, расширяет наши исследовательские горизонты и помогает нам изучать не только историю древности, но и более позднего времени.

КУПЕЧЕСТВО И ВЛАСТЬ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ*

Купцов по праву называют первыми русскими предпринимателями, внесшими значительный вклад в становление рыночной экономики страны. Именно за счет купечества и разбогатевших «капиталистских» крестьян, занимавшихся промыслами, промышленным производством и торговлей, формировалась в XVIII–XIX вв. отечественная буржуазия.

Между тем до сих пор в историческом разрезе слабо изучена политика государства по отношению к купеческому сословию, особенно на ранних стадиях в эпоху средневековья (IX–XV вв.). Политика же властей оказала существенное влияние на формирование социальной психологии средневекового русского купечества, без учета специфики которой трудно разобраться в проблемах истории раннего предпринимательства, в причинах отсутствия в нашей стране в эпоху буржуазных революций на Западе мощного третьего сословия. Глубинные истоки отечественного купечества прослеживаются с IX–X вв., когда Русь активно подключилась к международной транзитной торговле, участников которой — воинов-дружинников и купцов в одном лице — можно по праву называть далекими предшественниками более поздних предпринимателей.

Одновременно с началом формирования феодальных отношений в восточнославянском обществе происходил процесс выделения группы людей, специализировавшихся на товарообмене, причем первоначально в основном на внешней торговле. Прибыльность международной торговли — древнейшего рода предпринимательской деятельности — опреде-

* Доклад на заседании центра истории России в средние века и раннее новое время ИРИ РАН 14 мая 1996 г.

лялась прежде всего весьма существенной разницей цен на ряд товаров (пушнину, кожу, рабов и др.) на внутреннем и внешнем рынках. С момента зарождения она совершалась при активном участии и под строгим контролем государства. Лишь с ведома великих киевских князей (при их прямом участии и под их контролем) организовывались в IX–X вв. дальние торговые экспедиции воинов-купцов в Византию, страны Востока и Запада.

С задачами укрепления позиций на международных рынках во многом была связана и внешняя политика молодого древнерусского государства, добивавшегося поставленных целей с помощью военных походов против Византии, Хазарии, Волжской Булгарии, Польши и заключавшихся мирных договоров. Так, по соглашениям 907 и 911 гг., заключенным после победоносного похода князя Олега, византийцы обязались в течение шести месяцев ежегодно выдавать русским гостям довольствие («месячину») разными продуктами, сколько угодно позволять посещать столичные бани, а на обратную дорогу снабжать якорями, парусами, прочими снастями и продовольствием. Только древние русы пользовались после 907-911 гг. огромной привилегией беспошлинно торговать в Константинополе, «не платяче мыта ни в чем же». В договоре же 944 г., подписанном после неудачного похода князя Игоря на Царьград, их права несколько ограничивались запретом закупать дорогие шелковые ткани («паволоки») больше, чем на 50 «золотников» — византийских монет. Не только приближенные лица и послы, но и купцы сопровождали вдову Игоря, княгиню Ольгу во время ее поездки в Константинополь и получили после императорских приемов денежные подарки — по 6 и по 12 византийских монет-милиарисиев. Согласно договору, подписанному в 971 г. в Доростоле великим киевским князем Святославом и византийским императором Иоанном Цимисхием, возобновлялись поездки купцов-русов в Византию. Постепенно, в процессе многократных торговых экспедиций древнерусские купцы приобретали необходимый опыт, учились предприимчивости.

Из какой же среды происходили первые русские купцы? Думается, промыслять довольно рискованной заморской торговлей, сопряженной с опасностью и длительными отлучками, могли в IX—X вв. преимущественно уже оторвавшиеся от своей общины люди — в первую очередь воины-дружинники.

Каждый год, когда наступала осень, великий князь киевский со своей дружиной отбывал в объезд покоренных восточно-славянских племен с целью сбора полюдья. Как бы продолжением полюдья являлся сбыт излишков дани, который не мог быть организован без участия членов дружины князя, отправлявшихся весной-летом в дальние военно-торговые экспедиции в Византию, Хазарию, Волжскую Булгарию, Германию, другие страны Востока и Запада. Для дружинников, с которыми князь делились частью собранных ценностей, характерны и личная заинтересованность в обмене, и необходимая торговцам мобильность, и умение постоять за себя, и защитить от разграбления дороге товары. Полифункциональность была их характерной чертой в IX—X вв., когда они занимались и военным делом, и сбором дани, и судом, и дипломатией, и торговлей, что дало веские основания некоторым ученым называть Русь этой переходной эпохи дружинным государством. В то время интересы княжеской власти и воинов-купцов из числа дружинников практически совпадали. Между ними не было острых противоречий, хотя могли иметь место конфликты относительно дележки дани и прибыли от международных торговых операций купечества.

В IX—X вв. процесс формирования купечества, как и других классов и социальных групп древнерусского общества, еще только начинался. Позднее, в XI в., представители дружинной верхушки, получив земельные владения и влившись в класс феодалов, постепенно отошли от непосредственной торговой деятельности. Наряду с ними с X в. на Руси уже выделяется и прослойка людей, для которых сфера обмена постепенно становится единственным занятием.

Лишь к середине XI в. купечество превратилось в окончательно выделившуюся профессиональную и социальную группу населения Древней Руси. Торговые экспедиции в Византию, Германию и другие страны Балтики и Востока утрачивают характер военных мероприятий общегосударственного масштаба. Хотя дальние поездки в заморские края и тогда продолжали оставаться небезопасными и рискованными, древнерусские купцы с этого времени приобретают более мирный облик. Их состав пополняется за счет выходцев из других слоев — городских и сельских ремесленников, оторвавшихся от общины свободных крестьян и даже холопов, выполнявших торговые поручения князей и боярства, за что получавших иногда свободу.

Уже в те далекие времена купеческая среда была неоднородна и состояла из нескольких прослоек, что отразилось и на торговой терминологии. Скажем, «гостями» в Древней Руси обычно называли иноземных купцов и русских торговых людей, занимавшихся обменом с зарубежными странами либо с другими княжествами. И в более поздние времена в феодальной России гости относились к самой богатой и привилегированной группе купечества.

Слово «купец» (и его вариант — «купчина») применялось на Руси в нескольких значениях. Во-первых, в отношении всех лиц, занимавшихся профессионально товарообменом. Во-вторых, в более узком смысле так называли коммерсантов, специализировавшихся на внутренней торговле. Наконец, в более поздний период (с XV—XVI вв.) наряду с обозначением рода профессиональной деятельности в источниках также обозначали термином «купец» и просто человека, совершавшего покупки, т.е. покупателя.

С XI в. уже не может идти речь о полном совпадении интересов княжеской власти и купечества. Государственная политика по отношению к нему приобретает противоречивый, двойственный характер. С одной стороны, князья по-прежнему были заинтересованы в сбыте с помощью купцов излишков своих натуральных доходов и в пополнении казны

за счет торговых сборов. Поэтому линия на отстаивание интересов купечества на международных рынках сохранилась при проведении внешней политики. Приведу в этой связи несколько примеров.

В.Н.Татищев включил в свою «Историю российскую» любопытные сообщения об ограблении в 1129 г. на территории Польши возвращавшихся из Моравии домой русских гостей: «Того же года ляхи пограбили едущих из Моравы купцов русских. Мстислав, уздав о том, послал Болеславу сказать, чтоб немедленно весь тот убыток заплатил, а сам велел войска собирать, грозя, если не заплатят и винных не казнят, с войски на них идти. Но Болеслав прислал послов и просил о мире, обеспечивая убытки заплатить и впредь купцов чрез их земли провожать и охранять. Мстислав же дал им мир и послов с честью отпусти». Сразу видно, что перед нами не само летописное известие, а его вольный пересказ историком XVIII в. Источник этого сообщения, не зафиксированного ни в одной из сохранившихся летописей, В.Н.Татищевым, к сожалению, не указан. Но, несмотря на это, никто из исследователей не сомневается в его достоверности, хотя ни в польских хрониках, ни в древнерусских памятниках письменности нет никаких намеков на конфликт между великим киевским князем Мстиславом Владимировичем и польским князем Болеславом III Кривоустым в 1129 г. В данном сообщении трудно усмотреть какие-либо мотивы домыслов или даже фальсификаций со стороны самого В.Н.Татищева. С исторической точки зрения оно вполне достоверно и может быть сравнимо с известием Ипатьевской летописи 1279 г. об ограблении в Польше русского купеческого каравана с хлебом, направленного волынским князем Владимиром Васильковичем из Берестья (Бреста) в земли западнобалтийского народа ятвягов в обмен на меха, воск, серебро.

Защищая интересы купечества (а значит, и свои собственные), правители древнерусских княжеств и земель в XII—XIII вв., стремились заключить на равноправной основе международные торговые договоры, обеспечивавшие инозем-

ным и своим гостям свободный путь, без уплаты проездных таможенных пошлин. В договорах Новгорода с немецкими городами (1191-1192 гг., 1269 г. и др.), Смоленска с Ригой и Готландом (1229 г.) также большое внимание уделялось урегулированию споров между купцами, наказаниям за уголовные преступления, нередко совершавшиеся в купеческой среде. Жизнь убитого «купчины» оценивалась в них в 10 гривен серебра, то есть, в весьма значительную по тем временам сумму, хотя и меньшую в сравнении с нормой штрафа в «Русской Правде» (40 гривен по статье 1 Краткой и Пространной Правды). В торговых соглашениях специально оговаривалось, что обе стороны на взаимной основе отказываются от применения таких мер, как конфискация товаров, арест и содержание купцов в тюрьмах. Впрочем, на практике эти запреты нередко нарушались. Стремясь не допустить лишних конфликтов, в договоре Смоленска с Ригой и Готландом 1229 г., даже регламентировали очередность перевозки товаров на волоке между Днепром и Западной Двиной. Древнерусские и немецкие гости должны были устанавливать ее по жребию, чтобы ни у кого не было обиды. На чужбине их запрещалось привлекать насильно к участию в военных походах, задерживать их выезд на родину с закупленным товаром. Обе стороны обычно гарантировали купцам свободный путь, на котором порой, увы, сами же воздвигали препятствия.

В подтверждение сказанному выше приведу одно интереснейшее известие Патерика Киево-Печерского монастыря. В период феодальных междоусобиц 1097-1099 гг. в результате установления торговой блокады прекратился подвоз соли в Киев по суше и водным путем из Галича и Перемышля. Этой бедственной для простого люда ситуацией и воспользовались оборотистые киевские торговцы, сумевшие заранее создать крупные запасы соли и взвинтившие цену на нее в пять раз, что вызвало возмущение горожан. Алчным солеторговцам покровительствовал великий киевский князь Святополк Изяславич, сам, по всей видимости, замешанный в спекуляции солью и получавший за счет нее дополнительные доходы. После

его смерти долго копившийся гнев простых киевлян против купцов-спекулянтов и ростовщиков вылился в мощное восстание 1113 г., когда многим из них не поздоровилось. Занявшему киевский престол Владимиру Мономаху пришлось пойти на существенные уступки городским низам, дополнив Русскую Правду статьями своего Устава и улучшив положение должников прежде всего за счет значительного уменьшения размеров взимавшегося ростовщического процента.

Беднота Новгорода Великого особенно страдала от резких колебаний цен на хлеб, в основном привозной. Собственного зерна малоплодородные почвы Новгородской земли давали недостаточно, особенно в неурожайные годы, когда Новгород зависел от хлебных поставок из Северо-Восточной и Южной Руси, а иногда даже морем из Германии. Во время междоусобиц князя подчас препятствовали подвозу хлеба в Новгород, чем усугубляли и без того бедственное положение рядовых горожан, которые не имели больших запасов.

Самое раннее летописное свидетельство о торговой блокаде Новгорода относится к 1137 г., когда «не было мира ни с суздальцами, ни со смольнянами, ни с полочанами, ни с киевлянами», поэтому в городе все лето стояли очень высокие цены на зерно. В такие моменты враждовавшие с Новгородом князья, нередко не ограничиваясь организацией вооруженных застав на коммуникациях, которые вели туда из Южной и Северо-Восточной Руси, запрещали своим купцам торговать с ним хлебом и прибегали к репрессиям против новгородских гостей. Их, например, приказал арестовать в 1161 г. в Киеве великий князь Ростислав Мстиславич. Через шесть лет властелин Владимиро-Суздальской Руси Андрей Боголюбский в союзе с Полоцком и Смоленском блокировал пути, по которым подвозилось зерно в Новгородскую землю. Точно также поступил его брат Всеволод Большое Гнездо в 1210 г. Пять лет спустя сын последнего, Ярослав Всеволодович во время страшного голода арестовал 2000 новгородских купцов и не пропустил из Торжка ни одной повозки с хлебом. В следующем году, потерпев сокрушительное поражение в Липицкой

битве от Новгорода и его союзников, мстительный князь, загнав несколько лошадей, прискакал в родовой Переяславль-Залесский и сразу же велел посадить в темницу 150 новгородских гостей, где те, задохнувшись, погибли. Вот еще один пример такого рода. В 1273 г. в период военных действий коостромского и тверского князей против Новгородской республики «в Новгороде бысть хлеб дорог, и у гостебников (т.е., купцов – В.П.) товар отымаша». Вот почему в договорную грамоту московского князя Юрия Даниловича и Новгорода с тверским великим князем Михаилом Ярославичем о мире (зима 1318-1319 гг.) была включена специальная статья: «А гости всякому гостити без рубежа (т.е., без конфискации товаров – В.П.); а ворота ти отворити, а хлеб ти пустити, и всякий ти гость пустити в Новгород; а силой ти гостя в Тферь не переимати». Подобная формула использовалась и в других договорах Новгорода. Правда, в реальной жизни соглашения такого рода далеко не всегда соблюдались, особенно во время острых столкновений, о чем повествует открытая при раскопках Твери берестяная грамота № 2 середины или второй половины XIV в. Находившийся в Торжке автор письма, некто Григорий, просил свою мать: «Узнай, пускают ли рожь новгородцам без пакости и пришли (весь) поскорей (перевод)». Такие ситуации подчас служили искрой для вспышки народных волнений, которыми изобилует история Новгородской феодальной республики.

Отношение в древнерусском обществе к купечеству было весьма противоречиво и колебалось от поддержки князьями гостей на внешних рынках до ущемления их имущественных прав и ограбления в период феодальных конфликтов, от признания нужности торговых людей до выражения открытой неприязни к ним со стороны бедноты.

Двойственно относившаяся к купцам древнерусская феодальная верхушка сама постоянно пользовалась их услугами для сбыта излишков и приобретения предметов роскоши, а также получала значительные доходы от таможенных и торговых сборов. В эпоху феодальной раздробленности число та-

можен-мытниц заметно возросло. И не было, очевидно, для гостя более ненавистной фигуры, чем мытник (мытарь), сборщик пошлины (мыта), нередко злоупотреблявший своим положением. Многие таможенники, пополняя княжескую казну, не забывали, очевидно, и о своем кошельке.

Помимо собственно торговли купцы в Древней Руси выполняли и другие поручения властей, например, снаряжение дружины и ополчения перед началом военных действий. Иногда в лихую годину их даже использовали в качестве воинов. Скажем, в 1195 г. они вместе с дружинами участвовали в походе против Чернигова, организованном могущественным князем Всеволодом Большое Гнездо, а в 1234 г. — отбивали нападение литовцев на Старую Руссу. И все же чаще власти находили применение их опыту, знаниям и возможностям не в военном деле, а в сфере дипломатии и разведки. Знакомство с иностранными языками позволяло им выполнять функции переводчиков. Под видом торговцев с давних времен в стан врага проникали лазутчики, приносящие ценную информацию. Приведу в этой связи лишь два-три летописных свидетельства, хотя в действительности их было гораздо больше. В более поздней Никоновской летописи под 1001 г. записано «Того же лета посла Володимер гостей своих аки в послех в Рим, а других во Иерусалим и в Египет, и в Вавилон, соглядати земель их и обычаев их». И хотя эта вставка явно включена в летописный текст средневековым русским книжником XVI в., и в 1001 г. великий киевский князь вряд ли отправлял купцов в качестве послов в указанные заморские страны, выполнение ими дипломатических поручений практиковалось с глубокой древности. Купцы участвовали в подготовке договоров Руси с Византией в X в. Во время похода коалиции южнорусских князей во главе со Святославом Всеволодовичем против половецкой орды хана Кончака (1184 г.) русские воины встретили «гость идущь против себе ис Половечь, и поведаша им (воинам. — В.П.), яко Половци стоять на Хороле». В следующем году возвратившиеся на Русь из степи купцы принесли печальную весть о поражении войска новгород-

северского князя Игоря Святославича, попавшего в половецкий плен. В условиях отсутствия организованной почтовой службы с надежными торговцами, очевидно, передавали письменные послания, в том числе и тайные.

Превратившись по мере накопления капиталов и расширения размаха торговых операций в более мощную экономическую силу, купечество начало выдвигать перед властями собственные требования, на которые волей-неволей приходилось реагировать. В противном случае власти приобретали в его лице влиятельного противника. Взбунтовавшиеся в 1176 г. владимирские бояре и купцы требовали от князя Всеволода Большое Гнездо казнить или выдать толпе на расправу ненавистных им ростовцев и суздальцев, находившихся в тюрьме. В начале XIII в. новгородский посадник Дмитр Мирошкинич пытался заставить купцов платить так называемую «дикую виру» — денежный штраф за человека, убитого на территории общины неизвестным преступником. Естественно, эта мера вызвала резкое недовольство торговцев, которые не входили в состав общины. В результате они активно участвовали в восстании 1207 г., которое закончилось низложением Дмитра Мирошкинича, выборами нового посадника и отменой незаконных поборов. Позднее, уже во второй половине XIII в., новгородское купечество сумело, наконец, освободиться еще от одной обременительной обязанности — «повоза», заключающейся в перевозке за свой счет людей и грузов князей.

Купеческая верхушка уже в XII—XIII вв. привлекалась к решению важных государственных дел. В 1137 г. во время конфликта Новгорода с князем Всеволодом Мстиславичем у его сторонников из числа бояр было конфисковано 1500 гривен серебра, выданных затем купцам «крутиться на войну», т.е. на приобретение военного снаряжения. Через четыре года, чтобы потребовать от Всеволода Ольговича прислать в Новгород княжить своего сына, в Киев направилась представительная делегация в составе епископа, послов и лучших гостей. Четверть века спустя, придя из Киева в Великие Луки, великий князь киевский Ростислав Мстиславич созвал совет с

участием видных («вячших») представителей новгородского купечества (1166 г.). А в 1215 г. сами новгородцы послали посадника, тысяцкого и десять наиболее влиятельных купцов приглашать князя Ярослава Всеволодовича. Незадолго до своей кончины в 1212 г. властелин Владимиро-Суздальской Руси Всеволод Большое Гнездо для решения вопроса о престолонаследии пригласил «всех бояр своих с городов и волостей, и епископа Иоана, и игумены, и попы, и купцы, и дворяне, и вси люди».

Определенное представление о положении купечества в древне-русском обществе позволяет составить памятник феодального законодательства XI–XII вв. — Русская Правда. Статья 44 Пространной Русской Правды свидетельствует о широком распространении торговли в кредит. Ее смысл заключался в следующем: купец купцу без свидетелей мог давать деньги на торговлю, если же должник отказывался их возвращать, кредитору достаточно было принести клятву. Без присутствия свидетелей и письменного оформления торговцы по закону оставляли свой товар на временное хранение, что явствует из статьи 45 Пространной Правды.

Великий князь киевский Владимир Мономах призывал своих сыновей в «Поучении»: «И боле же чтите гость, откуда же к вам придет». И далее пояснял, что гости, странствуя, разносят по всем землям добрую или дурную славу о человеке, с которым им приходилось сталкиваться. В записанных на Севере русских былинах («Дунай Иванович», «Про Соловья Будимировича», «Иван Гостиной сын» и др.) с почетом встречает князь в Киеве богатых заморских гостей, приглашенных наряду с боярами принять участие в княжеском пире.

Да, в народной памяти сохранились отголоски уважительного отношения к купечеству в Древней Руси. Но в действительности его права часто нарушались, особенно во время феодальных междоусобиц, когда практиковались и торговые блокады враждебных княжеств, и конфискация товаров купцов из других земель.

В эпоху средневековья заниматься в одиночку торговлей, особенно дальней, было весьма непросто. Общие занятия и экономические интересы, трудности заморских поездок, опасность ограбления и притеснения феодалов заставляли купцов объединяться. В своеобразные товарищества объединялись обычно купцы, ездившие постоянно в одну и ту же страну или торговавшие одним и тем же специфическим набором товаров. Члены купеческих гильдий иногда объединяли свои капиталы для закупки огромных партий товаров за границей, а затем с выгодой продавали их на монопольных условиях в родной стране. Сообща добивались они от властей различных таможенных и правовых льгот.

Подобные процессы происходили в XI–XII вв. и в древнерусской купеческой среде. В Южной Руси в этот период выделилась группа гостей-гречников, ездивших регулярно в Византию. Им приходилось объединять усилия и денежные средства для закупки или найма людей, матросов, для защиты своих корпоративных интересов как на Руси, так и в Византийской империи. Под 1168 г. в Ипатьевской летописи упоминается еще одна группа южнорусских купцов-залозников, совершавших торговые поездки по так называемому Залозному пути в Крым и на Северный Кавказ. Для защиты «гречников» и «залозников» от нападений половцев южнорусские князья направляли в район Днепровских порогов военные экспедиции.

Центром купеческих объединений обычно служил патрональный храм. Возможно, таким купеческим храмом была церковь Успения Богородицы Пирогощи, заложенная в 1131 г. на Торговище киевского Подола великим князем Мстиславом Владимировичем. При упомянутой в летописях под 1147 г. церкви св. Михаила (Новгородской божнице), очевидно, останавливались купцы из Новгорода, нередко посещавшие Киев.

Несколько православных купеческих храмов существовало и в Великом Новгороде. В 1156 г. на средства заморских гостей там была возведена церковь св. Параскевы Пятницы —

покровительницы торговли, через несколько лет на Софийской стороне построили Троицкую церковь новгородцы, торговавшие с западно-славянским городом Щецином на южном побережье Балтики в устье Одера. А в 1365 г. новгородские купцы и сборщики дани — «югорцы», добывавшие на Селзере пушнину, возвели в городе свой патрональный храм из камня, сохранившийся в отличие от предыдущих построек до наших дней. Деревянный храм св. Софии в Пскове был построен приблизительно тогда же местным купечеством. В Торжке с торговыми людьми были тесно связаны два храма — Спасский собор, получавший часть доходов от взвешивания воска, и Преображенская церковь. Новгородские солеторговцы (прасолы) объединялись в XIII—XV вв. вокруг церкви Бориса и Глеба в Старой Руссе, где имелись соляные источники.

К сожалению, летописи умалчивают о внутренней организации древнерусских купеческих корпораций, объединившихся вокруг патрональных храмов. Определенное представление о них дает единственный сохранившийся Устав церкви св. Иоанна Предтечи на Опоках в Новгороде, построенной в 1127–1130 гг. князем Всеволодом Мстиславичем. Историки датируют устав, или иначе Рукописание князя Всеволода, по-разному: от XII до XIV в., так как текст дошел до нас в более поздних списках. Последний его обстоятельный анализ, проведенный В.Л.Яниным, позволяет уверенно отнести оформление документа к концу XIII в., хотя отдельные его положения действовали и раньше, с XII в. «Дом святого великого Ивана» объединял зажиточных новгородских купцов-вошников, торговавших воском и другими товарами со странами Западной и Северной Европы.

Кто же мог стать полноправным членом Иванского купеческого товарищества — так называемым «пошлым» купцом? Каждый вступающий в него должен был сделать денежный взнос — пятьдесят гривен слитков серебра общим весом свыше десяти килограммов — в храмовую казну, т.е. в фонд корпорации, а также преподнести новгородскому тысяцкому рулон дорогого «ипрского» сукна, привозившегося из Фландрии. Звание

«пошлого» купца было наследственным и давало право занять почетное место купеческого старосты, о чем не могли даже мечтать другие торговцы, которые не имели возможности выполнить условия приема в Иванское объединение.

Долгие годы храм св. Ивана Предтечи оставался центром купеческой жизни всего Новгорода. На площади перед ним издавна проходили заседания торгового суда, разбиравшего тяжбы между купцами. В проекте договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готским берегом 1269 г., в частности, сказано: «А будет ссора между немцами и новгородцами, кончать ссору на дворе святого Ивана перед посадником, тысяцким и купцами». По мнению историка и археолога В.А.Бурова, этот суд первоначально находился в руках князя, а затем в XII в. перешел под эгиду новгородского церковного владыки. Разбором конфликтов между иноземными и местными купцами ведал также посадник, избиравшийся из числа самых родовитых бояр. Уже в конце XIII в. торговый суд обрел независимость и стал подчиняться, как и Иванская купеческая корпорация, только тысяцкому. Со временем в состав суда вошли наряду со старостами Иванского объединения представители непривileгированного купечества Новгорода.

Всеми церковными и торговыми делами «дома святого великого Ивана» занимались выборные: «три старосты: от житых людей и от черных тысяцкого, а от купцов два старосты, управливати им всякие дела иванская и торговая и гостинная и суд торговый». Ни посадники, ни новгородские бояре не обладали правом вмешиваться во внутреннюю жизнь Иванской корпорации. Лишь старосты из «пошлых» купцов, полноправных членов Иванского объединения, производили контрольное взвешивание товаров. Они же взымали пошлину за пользование пристанью на Волхове, примыкавшей к церковному двору. Это был еще один источник дохода «дома святого великого Ивана». Помимо значительных привилегий, члены купеческой корпорации — прихожане храма святого Ивана на Опоках — имели и ряд обязанностей. Они отвечали за устройство деревянной мостовой перед храмом, за свой

счет неоднократно его ремонтировали, заказывали иконы, отливали колокола.

Новгородские власти защищали интересы местных торговцев во время конфликтов между ними и заморскими купцами. Их виновниками, судя по средневековым документам из Любекского, Рижского и других архивов, были в равной степени и отечественные, и иностранные торговые люди. Новгородцы нередко лишались товаров в результате нападений пиратов на Балтике. И хотя по условиям торговых соглашений в качестве компенсаций за утраченное запрещалось конфисковывать товары у других купцов, не причастных к ограблениям или обману, на практике это положение часто нарушалось обеими сторонами, что порождало новые конфликты.

Летописцы неоднократно фиксировали случаи нападений немцев на новгородских и псковских гостей во время военных действий. В 1240 г. немецкие рыцари «сделали набег, убивая купцов и не доехав 30 верст до Новгорода». Через сорок три года опять случилось нечто подобное: «внидоша немци ратию, Невною в озеро Ладожское, и избиша новгородцев, обонежских купцов». Такие инциденты происходили не раз и позднее. Но и в мирное время в торговых отношениях Новгорода и Пскова с западными соседями хватало поводов для крупных ссор и обид. Они вызывали подчас даже взаимные запреты на торговлю, как было, скажем, в 1385-1391 гг. в отношениях Новгорода с Ганзой. Эта семилетняя торговая война завершилась в 1392 г. подписанием нового мирного договора (Нибурова мира), лишь на время сгладившего острые противоречия между ганзейскими и новгородскими купцами, продолжавшими конфликтовать и в следующем веке. Одна из причин столкновений заключалась в стремлении ганзейцев из-за конкуренции воспрепятствовать появлению русских торговых людей на рынках германских и прибалтийских торговых центров.

Особенно сильное возмущение у новгородского торгового люда вызывали частые нападения балтийских пиратов. В 1420 г. русские купчины Мирон, Терентий и Трифон, ограб-

ленные ими на Неве, были доставлены в ганзейский город Висмар на Балтике. Как только весть об этом достигла берегов Волхова, одиннадцать немецких купцов, находившихся в Новгороде, сразу же подверглись аресту. Вспыхнул очередной конфликт, вызвавший трехлетний перерыв в торговле. Не добившись удовлетворения своих законных претензий от властей ганзейских и ливонских городов, русские купцы сами вершили суд да расправу путем конфискации товаров других, ни в чем не повинных иноземцев, их ареста или избиения, опираясь на старинный обычай кровной мести и принцип коллективной ответственности за обиды.

Не надо думать, однако, что всегда правда была на их стороне. Среди новгородских и псковских торговцев тоже встречались люди нечестные, жулики, авантюристы, причинявшие ущерб немецким купцам. Наряду с мелкими проделками (вроде заполнения кругов воска горохом или камнями) они совершали и серьезные правонарушения, в том числе воровство и разбойные нападения.

Активную роль в мирном урегулировании торговых конфликтов играли высшие церковные иерархи Новгорода, используя для этого свой личный авторитет и являясь в глазах купцов, как отечественных, так и заезжих, гарантами честности и справедливости. В 1375 г. представители немецкого купечества обратились к владыке с жалобой на новгородца Максима Аввакумова, захватившего при содействии приставов имущество одного из их земляков, в 1412 г. — с помощью архиепископа взяли на поруки своего арестованного в Новгороде товарища.

Владыка участвовал и в заключении международных торговых соглашений. Самое раннее из них — договорная грамота Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами 1262-1263 гг. скреплена наряду с княжеской и государственной печатями Новгородской республики свинцовой печатью владыки Далмата. В одной из грамот начала XIV в. новгородцы обращаются к горожанам Любека с просьбой о присылке послов для заключения соглашения о проезде куп-

цов не только от имени князя Андрея, посадника и старост, но и владыки Новгорода. Направленное Новгородом Риге чуть позже (около 1303-1307 гг.) послание с требованием возврата украденного товара и выдачи грабителей начинается с благословения новгородского архиепископа Феоктиста, печать которого привешена к документу.

Торг Новгорода представлял собой своеобразную территориальную общину с самоуправляющимися рядами. Последние имели своих выборных старост, свои общественные помещения, культовые постройки, судопроизводство и специализировались на производстве и продаже определенных видов товаров. Все торгово-ремесленное население древнего Новгорода подразделялось на сотни — структурные единицы военной организации горожан, появившиеся еще в эпоху родового строя. «Пошлые» купцы входили в состав привилегированной Иванской сотни, а остальные — непривилегированной Купеческой, и, проживая в разных районах города, все равно в социальном и военном отношении группировались по своим сотням.

Два человека, избранные общегородскими купеческими старостами, представляли интересы торговых людей Новгорода. По-видимому, их пере выборы происходили ежегодно. Одна из новгородских грамот 1371 г. составлена «от архиепископа новгородского Алексея, и от наместника великого князя Андрея, и от посадника Юрия, и от тысяцкого Матвея, и от старост купеческих Сидора и Еремея, и от всех купцов новгородских». А в грамоте, подписанной в следующем году, стоят уже новые имена купеческих старост — Якима и Федора. Один из них выбирался членами Иванской сотни, второй — Купеческой. В соседнем Пскове, «младшем брате» Новгорода, в летописях XV в. упоминается то один, то двое купеческих старост. Наиболее яркая фигура из них — Яков Иванович Кротов. Любопытно, что происходил он не из купеческой, а из именитой боярской семьи, представители которой не раз занимали посадническое место. Боярин и купец Я.И.Кротов и сам стал псковским посадником, выполнял ответственные

дипломатические поручения, неоднократно выезжая в качестве посла в Новгород, Москву, Ригу, Тарту и Литву. Интересы боярства Пскова оказались тесно переплетены с торговлей. В 1465 г. под руководством Я.И.Кротова патрональную церковь св. Софии, вокруг которой объединялись псковские купцы, покрыли железом, весьма дорогим по тем временам материалом.

Купечество и Пскова, и Новгорода отличалось сильной дифференциацией в социальном и имущественном отношении. Торговые операции на международных рынках Балтики вели главным образом зажиточные новгородские купцы, члены привилегированной Иванской корпорации, занимались они также и ростовщичеством. Эти предприниматели, получая большие прибыли, обладали значительным капиталом и имели помимо городских усадеб сельские земельные владения. В подчинении у них работали по найму приказчики и зависимые люди. Облик таких купцов живо предстает перед нами в былинном образе именитого гостя Садко, который украшал свои «палаты белокаменны», возводил храмы, устраивал богатые пиры, мог выкупить все товары новгородские. Понятно, что интересы торговой верхушки и массы мелких торговцев, часто одновременно и производителей, существенно различались. Еще большей была пропасть между ними и боярской олигархией. К слову сказать, Новгород Великий являлся именно боярской, а не купеческой республикой, как ошибочно утверждали некоторые историки в прошлом столетии. В руках у боярства находились все бразды правления и важнейшие посты. Даже богатейшее купечество, добившись значительных торговых преимуществ, не получило боярских привилегий. В XIV—XV вв. узурпация власти усилилась, с интересами остальных слоев городского населения боярство особенно не считалось. Вот почему простой торгово-ремесленный люд Новгорода не очень желал с оружием отстаивать его независимость в решающей битве с московским войском на реке Шелони в 1471 г. Через семь лет Великий Новгород окончательно лишился своих вольностей и вошел в состав

Московского государства. С этого времени началась новая страница в истории новгородского купечества, как и торговых людей из других русских княжеств и земель, присоединенных в конце XV — начале XVI вв. к Московскому великому княжеству, деспотическая система власти которого заметно отличалась от вечевого строя Великого Новгорода и Пскова.

Для средневекового московского купечества XIV—XV вв. также была характерна значительная имущественная и социальная дифференциация, отразившаяся в наименовании представителей различных его групп. Высшую группу составляли занимавшиеся крупной международной торговлей «гости нарочитые», иногда в источниках именующиеся «купцами великими» и стоявшие гораздо выше на социальной лестнице «черных людей». Среди них выделялась особо привилегированная корпорация гостей-сурожан, привозивших дорогой шелк, красители и прочие экзотические товары из Сурожа — современного Судака, Каффы — Феодосии (Крым), Константинополя и даже далекой Италии. Они получали большие прибыли и пользовались значительными привилегиями. Очевидно, далеко не последнюю роль в возвышении гостей-сурожан сыграло выполнение ими торговых поручений московских великих князей и родовитого боярства, весьма заинтересованных в сбыте излишков своих натуральных доходов в обмен на дорогостоящие заморские товары.

Поездки гостей-сурожан из Москвы в Крым и обратно были весьма небезопасными: на Волге на них нередко нападали речные пираты-ушкуйники, а на степных дорогах — татарские отряды и казаки. На оживленных рынках Крыма нередко случались конфликты между самими купцами, между ними и местными чиновниками (итальянскими, а затем татарскими и турецкими), ведавшими торговлей. И московские великие князья стремились защитить экономические интересы своих сурожан. Так было, например, в 1474 г., когда последний консул Каффы Джоффридо Леркари приказал конфисковать товары московских гостей Гридки Жука и Степана Васильева «с товарищи» на значительную сумму в две тысячи

рублей серебром, чтобы возместить потери десяти каффинских торговцев, которых ограбили по пути из Москвы в Крым лихие разбойники. В качестве ответной меры правитель Московии Иван III запретил генуэзским купцам из Каффы въезд в свои владения. И позднее великокняжеская администрация не раз проявляла заботу о сохранении и передаче законным наследникам имущества московских гостей, умерших в Крыму, а также с помощью дипломатических средств протестовала против сбора с них завышенных таможенных пошлин и поборов в пользу литовских властей Киева, через который они иногда возвращались из Крыма в Северо-Восточную Русь.

Юг и Восток не были, конечно, единственными направлениями международной торговли Московского княжества. Ведущую роль в торговом обмене со странами Запада играла еще одна привилегированная группа — «суконники», нередко упоминавшиеся в источниках XIV—XV вв. вместе с сурожанами, но стоявшие на более низкой ступени в иерархии средневекового московского купечества. В отличие от сурожан в летописях и грамотах применительно к суконникам даже не употреблялся термин «гости». Значит, они и не пользовались такими же большими льготами. Как видно уже из самого названия, главным предметом их торговых операций являлось западноевропейское сукно, которое обычно закупалось на близлежащих рынках Новгорода, Пскова, городов Ливонии, Литвы, Польши.

Поездки русских торговцев в Великое княжество Литовское осложнялись введением там (например, в Минске, Полоцке, Смоленске) в 80-х гг. XV в. чрезмерно завышенных таможенных пошлин. Под предлогом объезда мытных застав и уклонения от уплаты пошлин тамошние власти, случалось, конфисковывали в свою пользу товары московских суконников, а то и попросту грабили их без какого-либо (даже надуманного) повода. Хотя право беспрепятственного проезда торговцев обеих сторон («путь чист») специально оговаривалось в договорах Москвы и Твери с Литвой: и в перемирной грамоте послов великого князя литовского Ольгерда Гедими-

новича с великим князем московским Дмитрием Ивановичем (1371 г.), и в договорной грамоте 1427 г. великого князя литовского Витовта и великого тверского князя Бориса Александровича. В последнем документе устанавливались места взимания таможенных сборов с тверских торговых людей в Литве — Витебск, Вязьма, Киев, Смоленск, Дорогобуж. «А гостем нашим гостити без рубежа и без пакости», — говорилось в докончании 1449 г. московского великого князя Василия II Темного с польским королем и великим литовским князем Казимиром и в подписанном тогда же договоре последнего с Тверью. Следует пояснить, что в отличие от современного русского языка слово «рубеж» в те давние времена имело еще одно значение — «конфискация товара». И, несмотря на все договорные обязательства, московским купцам на территории Великого княжества Литовского нередко приходилось сталкиваться и с «рубежом», и с «пакостями» властей.

Поездки русских торговцев в Литву осложнялись введением там (в Вязьме, Киеве, Минске, Полоцке, Смоленске и других центрах) в 80-х гг. XV в. чрезмерно завышенных таможенных пошлин и новых таможенных застав. В ряде городов Великого княжества Литовского в те времена применялось так называемое складское право (немецк. *Nedderlaghe*, *Nedirlag*, *Stapelrecht*), согласно которому проезжавшие, скажем, через Киев, Луцк или Полоцк купцы должны были обязательно останавливаться в них для полной или частичной распродажи товаров. С помощью подобных ограничивавших свободу торговли мер местное купечество стремилось стать основным посредником в торговле Запада с Русью и Востоком, получая за счет своего монопольного положения дополнительные прибыли.

Подробный перечень всех этих несправедливых, по мнению властей Московии, нововведений был изложен в наказе Михаилу Еропкину, которого Иван III направил в 1488 г. послом к польскому королю и великому князю литовскому Казимиру. Однако претензии московского государя не были удовлетворены. И через два года посольству М.С.Еропкина ко двору Казимира вновь пришлось жаловаться от имени Ива-

на III на то, что «нашим гостем Московские земли и Новгородские земли и Тверские земли колко силы починилося в твоей земле, и колко наших гостей пограблено, а на мытях на старых много лишних пошлин на наших гостях поимано и колко новых мытгов в твоей земле на наших гостях, где наперед сего мыты не бывали изстарины; и списки есмя к тебе посылали о тех делех, и ты тем делом ничему управы не учинил».

Поэтому в момент завершения объединения русских земель вокруг Москвы правительство Ивана III, чтобы защитить экономические интересы купечества (а, значит, и свои собственные), вело упорную дипломатическую борьбу с западными соседями за равноправные отношения в торговле. Особенного внимания требовали отношения поверженного уже Новгорода с Ливонией и Ганзейским союзом.

Здесь уместно подчеркнуть двойственность и противоречивость политики московского государя по отношению к самому новгородскому купечеству. С одной стороны, опасаясь крамолы и заговоров, Иван III не раз насильно переселял из Новгорода в другие отдаленные города Руси не только местных родовитых бояр, но и торговых людей. Их «выводы», сопровождавшиеся одновременным переселением в Новгород московских гостей, предпринимались два или три раза на протяжении 1487-1489 гг. и призваны были укрепить политическую опору государя Руси на только что присоединенной территории боярской республики. При этом московское правительство отнюдь не преследовало цель уничтожения всего новгородского купечества как мощной социальной и экономической группы населения. Ведь была «выведена» в Москву лишь часть его наиболее влиятельных и зажиточных представителей, явных и потенциальных оппозиционеров. Оставшиеся постепенно слились с московскими переселенцами.

Наряду с такими жесткими и крайне непопулярными в купеческой среде мерами Иван III немало сделал для защиты торговых интересов Новгорода Великого. В 1481 г. от имени великокняжеского наместника (а не посадника и владыки,

как прежде) был заключен новгородско-ливонский договор, многие статьи которого улучшили условия торговли и пребывания русских купцов в городах Ливонии. Новых уступок удалось добиться Руси и в договоре с Ганзой, подписанном в Новгороде в 1487 г. Ганзейская сторона, в частности, вынуждена была взять на себя ответственность за ограбления новгородских купцов на Балтийском море. Но в 1494 г. между Русью и Ливонией вспыхнул острый конфликт, затянувшийся на целых два десятилетия. Он сопровождался закрытием Немецкого двора в Новгороде, арестами купцов, конфискациями товаров, русско-ливонской войной, запретом на взаимную торговлю. Лишь в 1509 г. был подписан мирный договор с Ливонией на четырнадцать лет, а в 1514 г. после длительных переговоров — с Ганзой. В итоге в результате упорной многолетней борьбы властям Московии удалось значительно повысить статус и расширить права русского купечества в ганзейских городах.

Правда, и в самой Руси власти изощрялись в учреждении многочисленных торговых и проезжих сборов, существенно стеснявших деятельность купцов. Им также, как и в соседней Литве, запрещалось объезжать таможенные заставы, где взимались различные пошлины и прежде всего «мытго» с повозки или лодки, нагруженных товарами. За проезд по большим дорогам торговый человек уплачивал «костки», за пересечение реки — «мостовое» и «перевоз», с пристававших к берегу судов — «побережное». Лишь в редких случаях, когда мытника по каким-либо причинам не оказывалось на заставе, купец мог проезжать без уплаты пошлин, не опасаясь штрафа за уклонение от нее — «промыта». От таможенных и проезжих сборов освобождались товары великих князей и церковных учреждений (прежде всего монастырей), получивших специальные тарханские грамоты от властей. Пошлины взимались в великокняжескую казну или в пользу привилегированных монастырей в основном деньгами, но иногда и натурой — солью, зерном, иными товарами. В отличие от других торговцев

оборотистые монастырские купчины пользовались значительными льготами, особенно при перевозке товаров.

Регулированием торговой деятельности, надо отметить, не исчерпывались отношения купечества Северо-Восточной Руси с княжескими властями.

Разбогатевшие гости-сурожане занимались не только торговлей, но и ростовщичеством, давая в долг деньги менее удачливым торговцам и даже представителям аристократии. В составленной около 1481 г. духовной грамоте удельный князь Андрей Васильевич завещал наследникам отдать 300 рублей долга купцу Гавриле Салареву. Еще один из гостей-сурожан, Андрей Шихов, был кредитором удельного князя Юрия Васильевича, отдавшего в залог за 30 рублей серебром рулон дорогого заморского сукна. Занимаясь кредитованием родовитых особ, зажиточные московские купцы, очевидно, рассчитывали на необходимую для них помощь феодальной аристократии, в среду которой и сами стремились проникнуть. Это стремление выражалось и в заключении браков между представителями купеческих семей и родовитых боярских фамилий, и в приобретении купцами земельных вотчин.

Самые ранние сведения о купеческом землевладении в Московском княжестве относятся к эпохе Дмитрия Донского. Под 1375 г. русские летописцы поместили интересное сообщение о бегстве из Москвы в Тверь неполадивших с московским князем сына последнего тысяцкого Ивана Васильевича Вельяминова и богатого гостя-сурожанина Некомата (судя по имени, видимо, грека по происхождению). Вскоре Некомат знакомой дорогой отправился в Золотую Орду за ярлыком на великое княжение для тверского князя Михаила Александровича и успешно справился с поручением нового благодетеля, вернувшись в Тверь с ханским ярлыком и ордынским послом Ачихожею в июле 1375 г. Но в августе московский князь Дмитрий Иванович разбил войска Михаила Александровича и силой заставил его отказаться от великого княжения, затем приказал конфисковать села Ивана Васильевича и Некомата, а позднее казнил и самих изменников-перебежчиков. Под

1383 г. в московских и других летописях помещено лаконичное известие об этом: «Тое же зимы убиен бысть некий брех, именем Некомат, за некую крамолу бывшую и измену». Поплатившийся своей головой за политические интриги, Некомат, разумеется, был далеко не единственным землевладельцем из среды купцов. С известными в Московском княжестве купеческими фамилиями связаны названия сел — Ховрино, Саларево, Софрино, Тропарево. Немало земельных владений сурожан имелось и в подмосковном Дмитровском уезде, что зафиксировано в ряде грамот. Переведя из Москвы в Новгород в конце XV в. купцов Корюковых, Сырковых, Саларевых, Таракановых и других, Иван III компенсировал им потерю подмосковных земельных владений путем пожалования деревень в Новгородской земле.

Случай с Некоматом ярко иллюстрирует тесную связь верхушки купечества с московскими тысяцкими, в обязанности которых входили контроль за сбором налогов и торговых пошлин, организация ополчения, суд по купеческим делам. Торгово-ремесленные сотни и их старосты подчинялись тысяцким и по всем остальным вопросам жизни города. Хотя сами тысяцкие происходили из боярства, они считались представителями всех непривилегированных слоев горожан. И в этом отношении налицо определенные аналогии между функциями тысяцких в Новгороде и городах Северо-Восточной Руси.

Отменив в 1373 г. в Москве должность тысяцкого, которая обычно переходила по наследству, московский великий князь передал его функции сменяемому «большому наместнику», который также оказался тесно связан с купеческими кругами. В Москве, впрочем, ситуация осложнялась существованием с 1340 г. так называемой третной системы. Здесь у меня нет возможности (да и необходимости) углубляться в суть дискуссионного вопроса о том, что же представляли собой московские «трети». Одни исследователи полагают, что «треть» — часть доходов от Москвы, которые распределялись в разном соотношении между московским великим князем и его братьями — соуправителями города. По мнению других,

«треть» — определенная территориальная единица. Очевидно, следует подразумевать под третью и первое, и второе. В таком случае купцы, проживавшие в разных частях Москвы, были подсудны и подвластны в середине XIV—XV вв. не только большому наместнику, который должен был представлять интересы великого князя, но и двум другим «третникам», ставленникам его ближайших родственников — удельных князей.

А если это в действительности было так, тогда становится ясно, почему во второй четверти XV в. в период феодальной войны в Московском княжестве, часть зажиточных купцов перешла на сторону удельного князя Юрия Галицкого, соперника Василия II в борьбе за великокняжеский престол. Захватив на время Москву, к ним, «гостям и суконникам», и обратился в 1433 г. князь Юрий Дмитриевич за финансовой помощью, когда ему срочно понадобилось шестьсот рублей для уплаты ордынского долга Василия II. По договорной грамоте 1439 г. удельный галицкий князь Василий Юрьевич обязался не принимать в своих владениях московских гостей и суконников, участвовавших в заговоре против великого князя Василия II и бежавших из Москвы в Тверь. Они же помогали позднее, в 1445–1446 гг. еще одному сыну Юрия Галицкого, Дмитрию Шемяке, также претендовавшему на верховную власть в Московском княжестве и устраивавшему заговоры против Василия II Темного. Как предполагают, представители другой именитой купеческой семьи сурожан — Ховрины, наоборот, оказывали денежную поддержку Василию II в тяжелые годы после его изгнания из Москвы, ослепления и заточения в Угличе, чем способствовали его победоносному возвращению в столицу и поражению удельных князей. Очевидно, за оказанные тогда услуги получил великокняжеский казначей Владимир Григорьевич Ховрин необычный титул, с которым он упоминается в 1450 г. — «гость да и болярин великого князя». С середины XV в. по XVI в. представители рода Ховриных — Головины по традиции занимали почетную и важную должность великокняжеских и царских казначеев.

В этой связи встает закономерный вопрос: была ли обязательной государственная служба для московских купцов в XIV—XV вв.? Давно уже историки ведут спор вокруг одного из пунктов dokonчания московского великого князя Дмитрия Ивановича с его двоюродным братом, серпуховским и боровским князем Владимиром Андреевичем от 25 марта 1389 г. Этот пункт dokonчальной грамоты гласит: «А гости, и суконьников, и городьских люд(и) и блюсти ны с одиного, а в службу их не приимати». Он практически без изменений воспроизведен в dokonчании Ивана III с удельным князем угличским Андреем Васильевичем (1472 г.): «А гости, и суконников, и городцких людеи блюсти нам с одног(о), а в службу их не приимати». Это интересное условие вызвало немало противоречивых толкований.

Одни (например, С.М.Соловьев, В.Е.Сыроечковский, А.М.Сахаров) полагали, что здесь зафиксировано обязательство князей не принимать купцов и других горожан к себе на службу в качестве дружинников, т.е. феодальных слуг. Другие (М.А.Дьяконов, А.П.Пригара) под службой подразумевали обязанности гостей, близкие к их профессиональной деятельности (сбор таможенных пошлин по поручению властей, финансовое обеспечение). По мнению М.Н.Тихомирова, за термином «служба» в данном случае скрывается вассальная зависимость, и поступление на службу какого-либо горожанина ущемляло «права остальных, так как он переходил под власть дворского того или иного князя и тем самым нарушал корпоративные привилегии сурожан и суконников», значит, в dokonчаниях речь шла об охране великокняжеской властью прав этих богатых и влиятельных купеческих корпораций. Но мне кажется, ближе всех к истине все же Л.В.Черепнин, пришедший к наиболее верному выводу о том, что горожане (в их числе и купцы) «обладали определенной привилегией и в военном отношении», входя в состав городского ополчения под началом собственных воевод, и князь давали обещание сохранять эту московскую рать «как самостоятельную военную единицу, не смешивая ее участников со своими слугами».

Правда, надо отметить, что именитые гости-сурожане и суконники привлекались к военной службе лишь при чрезвычайных обстоятельствах, к примеру, в 1382 г., когда они участвовали в защите Москвы во время неожиданного нападения войск хана Тохтамыша. Один из них, суконник Адам, стоя на Фроловских (Спасских) воротах Кремля метким выстрелом из самострела насмерть поразил сына ордынского царевича. В 1433 г., спешно готовясь к битве с конкурентом в борьбе за московский великокняжеский стол Юрием Галицким, Василий II, «что было тогда около его людей, собра тех, да и москвичь гостей и прочих поим с собою», но с таким небоеспособным воинством потерпел сокрушительное поражение на Клязьме. Сын Василия II Темного, Иван III посылал в 1469 г. «сорожан и суконников, и купчих людей, и прочих всех людей московичь коих пригоже по их силе» в поход на судах против Казанского ханства. В обычное же время великие князья предпочитали использовать гостей-сурожан на ином, дипломатическом поприще. Ведь они обычно владели, кроме русского, греческим, итальянским, татарским языками, хорошо знали политическую обстановку и обычаи в соседних странах, имели там определенные связи. От них можно было всегда получить ценную информацию и полезные советы. Вот почему, отправляясь в сентябре 1380 г. навстречу ордынской рати Мамаю, великий князь московский Дмитрий Иванович (если верить более позднему «Сказанию о Мамаевом побоище» XV в.) захватил с собой в поход к Куликову полю гостей-сурожан, по-видимому, в качестве информаторов, переводчиков и послов. Как пояснил позднее один из летописцев, «видения ради: аще ли что Бог случит, имут поведати в дальних землях, яко сходници суть с землю на землю и знаеми и в Ордах, и в Фрязах (Италии — В.П.)». Показательно, что в отличие от них стоящие рангом ниже простые купцы из русских земель участвовали в битве в качестве рядовых ратников пешего ополчения.

Возможность выполнения московскими торговцами разведывательно-информационной функции учитывали и про-

тивники Руси. Через два года после Куликовского сражения, чтобы совершить внезапное нападение на Москву, по словам летописца, «царь Тахтамышь посла на Волгу татар своих и повеле избити вся гости русския, а суда их переимати на перевоз себе дабы не было вести на Русь». Столетием позже дипломатическая переписка таманского князя Захария Гвизольфи с Иваном III велась при посредничестве московских купцов Гаврилы Петрова и Семена Хозникова. Дипломатические услуги этому же московскому великому князю неоднократно оказывали и другие торговцы. Желая избежать уплаты таможенных пошлин на пути из Москвы в Крым и обратно, московские гости-сурожане и сами стремились войти в состав великокняжеских посольств, с которыми и путешествовать было, если не намного безопаснее, то хотя бы выгоднее.

В литературе давно уже обсуждается вопрос о том, представляли ли московские гости-сурожане и суконники XIV—XV вв. особые купеческие корпорации с определенными привилегиями, подобно гостям, членам Гостиной и Суконной сотен XVII в.? Если М.Н.Тихомиров, например, отвечал на него положительно, то В.Е.Сыроечковский, А.М.Сахаров, Л.В.Черепнин проявляли известную осторожность и скептицизм при рассмотрении данной проблемы. И хотя не сохранилось никаких документов (уставов), в которых были бы юридически оформлены их права, судя по косвенным данным, зачатки корпоративной организации у сурожан явно существовали. Ее члены имели определенные обязанности по отношению друг к другу, пользовались льготами и привилегиями (например, правом на приобретение земельных владений), очевидно, устраивали в складчину общие пиры (братчины), строили церкви. Таким патрональным купеческим храмом в Москве тогда являлась церковь Иоанна Златоуста, расположенная в позднейшем Белом городе в одноименном монастыре, известном с начала XV в. Согласно летописному свидетельству, в 1479 г. Иван III заложил в Москве новый каменный храм Иоанна Златоуста, повелев разобрать стоявшую на этом месте «прежде бывшую деревяную... бе же та церков изначала гостей

московских строение». Почему же она пришла к тому времени в запустение, по словам летописца, «оскудевати начят»? Очевидно, московские именитые торговые люди по каким-то причинам перестали считать ее своим патрональным храмом и отказались вносить денежные средства на содержание. Наличие у гостей-сурожан корпоративных привилегий подтверждается и более поздним документом — Новгородской таможенной грамотой 1571 г., по которой они были отменены: «А что была у сурожан государева жалованная грамота в проездах и о всяких государевых пошлинах, и государь тое грамоты отставил, а велел у сурожан имати все свои пошлины по старине». Неизвестно, правда, когда же получили ее сурожане; еще, находясь в Москве, или уже после переселения в Новгород в конце XV в.

Московские великие князья рассматривали торговлю (особенно дальнюю) как важную и чрезвычайно необходимую область занятий людей. Именно поэтому приносивших немалые доходы государству купцов старались не отрывать от торговли, хотя и давали им порой другие государственные поручения, чаще всего связанные с их профессиональными занятиями. Уже с рубежа XV—XVI вв. великокняжеская администрация стала привлекать их к организации таможенного дела Московии. Так, в 1497 г. Белозерскую таможду взяли на откуп за сто двадцать рублей в год купцы «Тит Окишов, да Есип Тимофеев, да Семен Бобр».

Многие историки справедливо отмечают незрелость в социальном плане московского купечества XIV—XV вв. Его верхушка, относившаяся к «лучшим людям», всячески стремилась возвыситься над основной массой населения городского посада («черными людьми») и слиться с боярскими кругами. Исходя из глубинных экономических интересов торговых людей, которым мешали феодальные перегородки, логично, казалось бы, предположить, что все они стояли за объединение русских земель и создание единого централизованного государства. Однако в реальной жизни все обстояло гораздо сложнее. Без сомнения, основной массе московского купечества должна была импонировать идея государственной цент-

рализации, но отдельные его представители проявляли колебания и далеко не всегда поддерживали московских великих князей, стремясь играть более самостоятельную политическую роль.

Наряду с другими группами посадского населения купечество боролось за свои корпоративные права. Не только в Новгороде и Пскове, где вече стало постоянно действующим органом власти, но и в Северо-Восточной Руси купцы вместе с прочими горожанами участвовали в стихийных вечевых собраниях, не раз созывавшихся во время волнений, особенно во второй половине XIII в. в Ростове Великом и других городах. Торговые ряды уже в XIV—XV вв., очевидно, возглавлялись купеческими старостами, хотя более надежные свидетельства о их деятельности в Москве появляются с XVI в. Они играли роль посредников в отношениях между властями и всем остальным купечеством, ведали разверсткой налогов между рядами и сотнями посадского торгово-ремесленного населения. Но в Северо-Восточной Руси купцы имели гораздо меньше политических свобод, чем в Новгороде Великом, Пскове, польских и литовских городах. Торговым людям из Польши, Литвы, как, впрочем, и других стран Центральной и Западной Европы были в диковинку порядки феодальных городов Московии, где не применялось так называемое магдебургское право, дарованное в 1390 г. Бресту, в 1441 г. — Слуцку, в 1494 г. — Киеву, в 1496 г. — Гродно, в 1498 г. — Полоцку, в 1499 г. — Минску. Оно освобождало горожан от феодальной зависимости, позволяло им выбирать раду (магистрат), куда обычно входили богатые купцы и ремесленники.

Ничего этого не было (да и не могло быть) в Москве и других городах Северо-Восточной Руси, где торгово-ремесленное население не пользовалось такими правами, как в соседних европейских странах. Представители купечества подобно другим формировавшимся сословиям рассматривались московскими властями как государевы слуги, обязанные выполнять любые поручения и беспрекословно подчиняться великокняжеским указам. Особые опасения у правителей

Московии вызывала купеческая верхушка, пользовавшаяся сильным влиянием наряду с боярством в только что присоединенных землях Новгорода, Пскова, Вятки, Смоленска. Ведь в ней видели опору реальной либо потенциальной оппозиции, противников новых московских порядков. Вот почему за присоединениями к Москве этих важных центров вскоре последовали насильственные переселения не только родовитых бояр, но и самых именитых купцов. После такой своеобразной перетряски купечество (особенно зажиточное) было поставлено на службу феодальному государству, использовавшему и его капиталы, и деловой опыт в своих собственных целях.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

А.В.Семенова:

Докладчик затронул очень важную и интересную проблему, актуальную и для более позднего времени. Можно ли на основе анализа собранных и обобщенных им материалов утверждать, что для феодальной России в отличие от других стран Европы была характерна специфическая форма отношений государственной власти и купечества? Второй мой вопрос касается преемственности купеческих капиталов в средневековой Руси: сохранились ли какие-либо свидетельства об этом для раннего периода истории русского купечества?

В.Б.Перхавко:

Изучая данную тему на отечественном материале, я пытаюсь в ряде случаев использовать данные об отношении к купечеству властей в других европейских странах в эпоху средневековья. Они тоже, как свидетельствуют источники, были далеко не идеальными. В Англии порой в пользу королевской казны конфисковались средства купцов, а их деятельность, например, в XIII–XIV вв., подвергалась жесткой государственной регламентации. Из Германии, Испании, Италии не раз изгонялись евреи, в том числе коммерсанты, лишавшиеся своего недвижимого и движимого имущества. Но

таких массовых переселений купечества, как на Руси в конце XV—XVI вв., пожалуй, не знало ни одно средневековое государство. А ведь при Иване IV «выводы» купцов нередко сопровождались не только грабежами их добра, но и казнями, как было, скажем, во время опричного погрома Новгорода зимой 1570 г. К тому же даже в соседней с Русью Литве многие города, как я уже говорил, получили в XIV—XV вв. магдебургское право, и представители их торгово-ремесленной верхушки участвовали в органах городского самоуправления — магистратах, играя тем самым более активную политическую роль и пользуясь гораздо большими правами, какими не обладали, например, русские купеческие старосты. Исключение, пожалуй, составляют Новгород Великий и Псков в эпоху их независимости.

Что же касается вопроса преемственности торговых капиталов, то на ранних материалах (до конца XV в.) проследить этот процесс практически невозможно из-за отсутствия соответствующей источниковой базы. Только с последней четверти XV в. появились статейные списки посольств, в которых упоминаются размеры убытков купцов во время поездок в Крым и Литву, что позволяет установить лишь оборотные капиталы у ряда представителей купечества на определенный момент. Но их нельзя сопоставить с более поздними данными XVI в., каковых практически нет в отношении потомков тех купцов, чьи имена фигурируют в более ранней дипломатической документации. Таможенные же книги в России известны только с начала XVII в. (Новгород).

Вообще нужно подчеркнуть скудость источников для изучения генеалогии средневекового русского купечества XIII—XV вв.

Н.А.Горская:

Исследует ли докладчик особенности отношений купечества с городскими властями?

В.Б.Перхавко:

Да, в процессе работы над данной темой этот весьма существенный момент находился в поле моего внимания, хотя со-

стояние источников (особенно для раннего периода) порой позволяет составить лишь самое общее мнение о специфике взаимоотношений купцов и властей русского феодального города.

Е. И. Кольчева:

У меня несколько вопросов к В.Б.Перхавко. Чем подтверждается вывод об обособлении купечества в XI в.? В чем же отличие терминов «купец» и «гость»? Слово «купец» ведь имело значение «человек покупающий товар», т.е. обозначало не только профессионального торговца. На мой взгляд, даже насильственные переселения представителей купечества в Москву с периферии нельзя называть репрессиями и тем более террором. В XVI в. все слои населения находились в зависимости от велико-княжеской и царской власти, и купцы были далеко не в самом худшем положении.

В. Б. Перхавко:

Выделение купечества к середине XI в. на Руси в качестве самостоятельной социальной и профессиональной группы населения подтверждается как свидетельствами письменных источников, так и археологическими данными. К этому времени дальние заморские поездки купцов утрачивают характер военно-торговых экспедиций, организовывавшихся ранее княжеской властью при активном участии дружины. Воин-купец уступил место профессиональному торговцу, а в погребальных комплексах все реже и реже с XI в. вместе встречаются предметы вооружения и торговый инвентарь в отличие от древнерусских дружинных погребений X в.

Теперь перейду к терминологии. «Гостями» в Древней Руси обычно называли иноземных купцов и русских торговых людей, занимавшихся обменом с зарубежными странами, либо приезжавших из других княжеств. Недаром это слово свыше десяти раз употреблено в «Повести временных лет», в которой отражена преимущественно внешняя торговля молодого древнерусского государства. А самих «гостей» в древнерусских источниках, например, в Новгородской летописи, именовали иногда также «гостебниками». И позже в феодальной

России они относились к самой богатой и привилегированной группе купечества.

Слово «купец» (и его вариант — «купчина») применялось на Руси в нескольких значениях. Во-первых, в отношении всех лиц, занимавшихся профессионально товарообменом. Во-вторых, в более узком смысле так называли коммерсантов, специализировавшихся на внутренней торговле. Наконец, в более поздний период наряду с обозначением рода профессиональной деятельности в источниках также обозначали термином «купец» и просто человека, совершавшего покупки, т.е. покупателя. Первоначально оно употреблялось реже, чем термин «гость», и в «Повести временных лет» в отличие от более поздних летописных сводов встречается лишь дважды.

Осуществлявшиеся на протяжении нескольких столетий насильственные переселения и прочие репрессивные меры в совокупности с мелочной регламентацией торгово-экономической деятельности в конечном счете оказали отнюдь не положительное влияние на создание облика первых российских предпринимателей, на формирование психологии их социальной неустойчивости и зависимости от государства, недоверия к нему. И хотя купцы относились к одной из самых мобильных групп населения, весьма существенны различия между добровольными их миграциями и принудительными перемещениями. Первые связаны обычно с поисками более выгодных условий жизни и торговли, новых рынков, с расширением масштабов экономической деятельности, когда торговый человек — сам хозяин своей судьбы, и в случае неудачи ему некого винить. Во втором случае он вынужден против своей воли подчиняться строгим предписаниям властей и все тяготы и негативные последствия относить на их счет. Ставшие обыденными экономические принуждение, насилие феодальных государей над личностью не прошли бесследно, наложив отпечаток на многие поколения купечества, характер и стиль поведения которого формировались в России в обстановке, далекой от духа свободного предпринимательства.

Л.В.Данилова:

Чем, по мнению докладчика, конкретно объясняется изменение социального статуса купечества в XV в.? Применимо ли выражение «дух свободного предпринимательства» в отношении средневековья?

В.Б.Перхавко:

Отвечая на Ваш вопрос, следует прежде всего уточнить, что речь идет не о XV в. в целом, а о периоде с конца этого столетия, когда завершается объединение русских земель вокруг Москвы, и купечество ранее самостоятельных княжеств и земель было поставлено на службу единому Российскому государству, власти которого нередко относились к нему потребительски.

Но в основном материалы, отражающие перемены в положении и судьбах русского купечества, относятся к XVI в., что выходит за хронологические рамки моего доклада. К тому же даже беглый их обзор занял бы слишком много времени.

Перехожу к ответу на второй вопрос. Думается, термины «предпринимательство» и «свободное предпринимательство» можно применять, говоря не только о капиталистической эпохе, но и о средневековье, когда существовало специфическое предпринимательство в рамках господствовавшего феодального уклада. Оно охватывало в XV–XVI вв. наряду с торговлей и другие сферы экономики – ремесленное производство, промыслы, в которых были задействованы лично свободные люди. Их предпринимательская деятельность в эпоху феодализма подвергалась жесткой государственной регламентации, но ростки свободного предпринимательства существовали даже в крестьянской среде на русском Севере, о чем убедительно свидетельствуют и данные источников, и выводы исследований А.И.Копанева, Н.Е.Носова.

В.Л.Назаров:

Каковы же главные особенности сословной организации купечества, и когда сформировалось на Руси крупное купечество?

В.Б.Перхаев:

В данном случае я могу говорить только о тех особенностях купеческого сословия, которые сложились к концу XV в., когда процесс его юридического оформления по существу еще только начинался в Московской Руси и был далек от завершения. Попытаюсь дать его весьма краткую характеристику. Торговля не была единственным занятием средневекового русского купечества. Оно активно участвовало и в других сферах жизни феодального общества. Особенно это касалось самых зажиточных и привилегированных групп купечества.

Разбогатевшие на торговых операциях гости-сурожане и суконники нередко занимались ростовщичеством, давая в долг деньги менее удачливым торговцам, а также кредитовали представителей феодальной верхушки.

Стремление зажиточного купечества достичь социального статуса аристократии нашло выражение и в заключении браков с представителями московских боярских родов, и в приобретении крупных земельных владений, что служило также выгодным средством помещения капиталов и прочнее стабилизировало их имущественное положение.

В опасную годину они привлекались к участию в общеродском ополчении, но чаще выполняли иные поручения московских великих князей — торгового и дипломатического характера. Для сурожан и суконников были характерны элементы корпоративной организации (особые привилегии, наличие патронального храма, складничество и др.). С конца XV в. к представителям купечества переходит сбор таможенных пошлин. Именитые московские купцы имели собственные политические интересы, что, в частности, ярко проявилось и в 1375 г. (случай с Некоматом) и в ходе феодальной войны в Московском княжестве (вторая четверть XV в.).

По имеющимся данным (статейным спискам русских посольств) выделение крупного купечества в Северо-Восточной Руси относится к XV в., в Новгороде Великом и Пскове этот процесс, повидимому, начался еще раньше.

С.М.Каштанов:

Использовал ли докладчик таможенные уставы как источник по истории купечества? Можно ли определить удельный вес русских и иностранных купцов в международной торговле Руси? Наконец, в какой степени власть учитывала в своей политике роль купечества в обществе?

В.Б.Перхавко:

Источниковая база, к сожалению, не позволяет, на всех этапах истории средневековой Руси точно определить соотношение между русскими и иноземными купцами во внешне-торговом обороте из-за отсутствия сопоставимых материалов.

Если производить подсчет свидетельств нарративных источников, вряд ли полученные данные будут объективными и репрезентативными ввиду избирательной фиксации этих чаще всего экстраординарных случаев с купцами в летописях и западноевропейских хрониках.

Мы не имеем древнерусских материалов, адекватных и синхронных, например: таможенным уставам верхнедунайских центров – Раффельштеттена (начало X в.), Энса и Маутхаузена (XII в.), в которых упоминается о купцах, приезжавших туда из Руси; Рижской долговой книге 1286-1352 гг., в которой засвидетельствовано немало имен русских торговцев. Поэтому любые заключения по этому вопросу неизбежно будут иметь предположительный характер.

Несомненно, правители древнерусского государства, русских княжеств и земель эпохи раздробленности учитывали интересы купечества при проведении внутренней и внешней политики, особенно в X в., когда они практически полностью совпадали с потребностями самой великокняжеской власти. Позднее, как я уже подчеркивал в докладе, отношение властей к купечеству становится противоречивым, характеризуясь как поддержкой, так и притеснениями. А уж уровень и того, и другого зависел от конкретной ситуации, прежде всего политической и социально-экономической. Но если говорить о соотношении в целом, то поддержка, по крайней мере, до конца XV в. преобладала, ущемлялась же в основном дея-

тельность «чужого» купечества, приехавшего из других княжеств и земель.

Л.В.Данилова:

Можно согласиться с докладчиком, что в IX–X вв. на Руси купечество еще не выделилось, характеризуясь слитностью с военно-дружинной сферой, что наблюдалось и позднее в Новгороде Великом. И на раннем этапе, когда его статус юридически полностью еще не оформился, существовало наряду с другими сословиями на Руси и купеческое сословие с определенными признаками. Правда, в средневековых документах далеко не просто выявить их. Чем, по мнению докладчика, объясняется практически полное отсутствие внимания к торговым людям, например, в первом русском Судебнике Ивана III?

В.Б.Перхавко:

Прежде всего хочу выразить согласие с тезисом Л.В.Даниловой о связи торговцев с военной сферой и в более поздний период в Новгороде Великом. Правда, речь должна идти главным образом о представителях одной специфической группы – «югорщине». Входившие в ее состав люди, ездившие в отдаленные северные области Восточной Европы и в Зауралье, т.е. в Западную Сибирь, занимались и сбором дани пушниной с угорских племен, и грабежами местного населения, и меховой торговлей. Такие военно-торговые экспедиции не раз предпринимались новгородцами в XI–XV вв. В то же время я не могу согласиться с мнением, содержащемся в вопросе о Судебнике Ивана III и отражении в нем роли купечества. Феодальное законодательство, начиная с Русской Правды, регулировало отношения между купцами (отечественными и иноземными), между ними и их кредиторами. Содержание 3 из 68 статей Судебника 1497 г. прямо связано с торговлей и купечеством: статьи 46 («О торговцах»), 47 («А кто купит на чужий земли ...») и 55 («О займах»). Как видим, какое-то внимание все же проявилось к купечеству и в этом памятнике феодального законодательства эпохи создания единого Русского государства.

С.М.Каштанов:

Мне хотелось бы услышать в начальной части доклада обзор источников, которые использовал В.Б.Перхавко, а также побольше теоретических обобщений. Советую докладчику продолжить целенаправленное исследование купеческой терминологии XI–XV вв., что может привести к интересным результатам и позволит точнее показать социальный статус купечества в средневековой Руси. Предлагаю также ограничить верхние хронологические рамки исследования концом XV в., когда начинается качественно новый этап в развитии русской государственности и социальных групп феодального общества, в том числе купечества.

В.Д.Назаров:

Мне кажется, огромный хронологический диапазон не дает докладчику возможности углубленно проработать ряд важнейших вопросов, связанных с историей средневекового русского купечества. Представляется целесообразным ограничить верхний предел исследования серединой XV в, когда ситуация изменилась с падением Византии. Требуется более дифференцированно подходить к рассмотрению взаимоотношений властей и купечества в XIV–XV вв. в Северо-Восточной Руси, с одной стороны, в Новгороде Великом и Пскове, с другой, хотя и там, и тут существовал разрыв между боярством и купцами, стремившимися проникнуть в этот высший слой. Сложность заключается в отсутствии в средневековой Руси документов, в которых были бы расписаны права и обязанности купечества.

В.Б.Перхавко:

Завершая ответы на вопросы, хотел бы еще раз подчеркнуть, что при рассмотрении роли купечества в средневековой Руси, его взаимоотношений с властями, требуется соблюдать дифференцированный подход, дифференцированный и в хронологическом, и в социальном, и в географическом плане. Русское купечество эпохи средневековья делилось на ряд групп. Естественно, положение самых привилегированных прослоек отличалось от социального статуса низов торгово-

ремесленного населения. Безусловно, необходимо еще больше учитывать специфику Новгорода Великого и Пскова, где деятельность купцов протекала в условиях, отличающихся от Московской Руси. Мне представляется также весьма перспективным углубленное исследование купеческой терминологии на основе сопоставления синхронных и асинхронных средневековых русских источников XI–XV вв. Вместе с тем не могу согласиться с предложением В.Д.Назарова ограничить верхнюю временную рамку исследования серединой XV в., поскольку такое сужение хронологии не позволяет проследить изменения в судьбах купечества в конце XV в. Наоборот, для сравнения с политикой властей в более поздний период целесообразно привлекать, на мой взгляд, материалы даже XVI в. В представленном здесь докладе проанализированы промежуточные результаты работы над данной темой, которые могут быть скорректированы в ходе дальнейших исследований.

НЕРАЗГАДАННЫЙ БАРКЛАЙ. ЛЕГЕНДА И БЫЛЬ 1812 ГОДА*

Опала, постигшая М.Б.Барклая де Толли в 1812 г., тяжело отозвалась на всей его дальнейшей судьбе — прижизненной и посмертной. Вероятно, ни один другой крупный русский полководец нового времени не был окружен такой плотной завесой пристрастных суждений, слухов, стереотипов, иногда чисто легендарного свойства, не изжитых в общественном сознании и поныне. Его имя было, в сущности, мифологизировано как в массовых, обыденных исторических представлениях, в художественной литературе, в мемуарной традиции, так отчасти даже и в научной историографии. В результате некоторые стороны военно-политической деятельности Барклая оказались скрытыми от современников, надолго оставаясь непонятыми и неразгаданными.

С наибольшей силой драматизм судьбы Барклая запечатлелся в знаменитом стихотворении Пушкина «Полководец» и в его же историко-публицистическом очерке «Объяснение», явившемся, как известно, полемическим ответом на резкую критику в печати 1836 г. в адрес этой поэтической апологии полководца. В центре внимания Пушкина — трагедия непризнанного современниками военачальника. Оба эти произведения были пронизаны пафосом установления не только нравственной, но и исторической справедливости в отношении Барклая: защищали его поруганную в 1812 г. репутацию и напоминали о его заслугах в деле спасения отечества.

Но пушкинскому пониманию облика Барклая противостояла другая тенденция — обросшее предрассудками, ксенофобское по своим социально-психологическим истокам предрассудке к полководцу.

Отчетливее всего оно сказывалось в регенерации пресловутой антитезы: «Кутузов — Барклай», по которой он низво-

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 11 мая 1995 г.

дился до положения посредственного и незадачливого генерал-иностранца, неспособного к самостоятельным и разумным стратегическим решениям и органически чуждого национальным интересам России. Естественно, что тенденция предубеждения к Барклаю всплывала на поверхность всякий раз, как в обществе оживлялись казенно-патриотические и патриархально-консервативные умонастроения. Естественно, что наибольшее созвучие эта тенденция находила в близких к ним течениях исторической мысли, в официальной или славянофильской историографии, например, в трудах видного русского историка 60-х – 70-х гг. прошлого века А.Н.Попова.

Известную дань предубеждениям к Барклаю отдал и Л.Н.Толстой в своем великом романе. Не вдаваясь сейчас в генезис толстовского взгляда на Барклая – он восходит к патриархальным основам мирозерцания Толстого и заслуживал бы специального рассмотрения, хотел бы только заметить, что в ряде сцен «Войны и мира» и в философско-исторических рассуждениях писателя Барклай обрисован с оттенком сарказма – как «непопулярный», не внушающий доверия «немец – главнокомандующий», сухой и ограниченный педант, а в черновых редакциях романа к нему был употреблен даже эпитет «ничтожный».

Нельзя не признать, что эти неприязненно-отталкивающие оценки объективно шли в разрез с проникновенным пушкинским истолкованием облика Барклая. При огромном же воздействии толстовской эпопеи вот уже почти 130 лет на историческое сознание русского общества, они, понятно, не могли не поддерживать живучести уничижительного отношения к Барклаю среди миллионов читателей романа.

С новой силой тенденция предубеждения к Барклаю неожиданно всплыла уже в близкое к нам время – после обнародования в 1947 г. одиозного и в научном отношении совершенно несостоятельного высказывания Сталина о том, что «Кутузов как полководец был, бесспорно, двумя головами выше Барклая де Толли». Сакраментальный тезис «о двух головах», надолго возведенный в ранг непререкаемой догмы,

послужил сигналом к пересмотру военного прошлого России и нашел своих адептов среди присяжных историков военного ведомства, на много лет монополизировавших изучение истории Отечественной войны. Сразу же явилось немало исторических работ весьма низкого профессионального уровня, иногда анекдотических по своему невежеству, где всячески превозносился Кутузов, великие заслуги которого, давно признанные русской исторической наукой и общественной мыслью, вовсе в том не нуждались, — за счет умаления и замалчивания полководческих усилий Барклая и его прямо-таки вульгарного поношения.

Таким образом, простая и ясная мысль Пушкина, развитая им в ходе полемики 1830-х гг., о бесплодности в историческом и нравственном плане противопоставления двух полководцев, творивших одно общее спасительное для России дело, еще раз была предана забвению.

Справедливости ради отметим, что в последние десятилетия отношение к Барклаю в историографии существенно, и будем надеяться, необратимо изменилось, появился ряд ценных и содержательных трудов, ему посвященных. Но в том, что касается его деятельности в 1812 г., и сегодня остаются еще во многом актуальными слова русского военного историка А.Т.Борисевича, сказанные в год столетнего юбилея Отечественной войны, о широком хождении на счет Барклая всякого рода «вообразительных сказаний, домыслов и толков».

Вот критическому разбору этих «сказаний» или, академически говоря, версий и посвящено настоящее сообщение*.

Далее я остановлюсь подробно лишь на одной из этих версий, на одном, но очень важном сюжете. Он связан с тем, как было представлено в историографии отношение к Барклаю русского общества в 1812 г. Специально, по первоисточникам этот вопрос никем не изучался, но из тех данных, ко-

* В нем резюмированы некоторые итоги исследования, в более полном виде представленные в моей книге: "Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года". М., "Археографический центр". 1996.

торые вот уже более 150 лет циркулируют в исторических трудах, однозначно складывается впечатление, что «ужасные гонения», как обозначил впоследствии Д.В.Давыдов, отношение к Барклаю в России в 1812 г., преследовали его с самого начала войны, стойко продержавшись в общественном мнении вплоть до ее окончания.

* * *

Но предварительно — одно замечание методического характера. Дело в том, что при изложении тех или иных «барклаевских» версий историки оперировали, как правило, небольшим числом одних и тех же показаний, почерпнутых нередко из деформированных авторской памятью позднейших мемуаров, причем — без должной источниковедческой аргументации. Ее же отсутствие компенсировалось обычно ссылками на их принадлежность «современникам» 1812 г. Уже одно это молчаливо и заведомо расценивалось гарантом достоверности и научной респектабельности тех версий, в пользу которых эти показания привлекались. Но ведь нетрудно понять, что в зависимости от того, был ли современник участником событий или сторонним наблюдателем, знавшим о них что-либо лишь из пересказов других лиц; записывал ли он свои впечатления сразу же, по ходу совершавшегося или годы и десятилетия спустя, — в зависимости от всего этого будут совершенно различными мера и качество его осведомленности

Критерий «современности» источника изучаемой эпохи слишком расплывчат, чтобы быть достаточным для историкотворческой ситуации 1812 г., равно как и нового времени в целом, когда какое-то одно событие чаще всего отображается *множественно целой иерархией разновременных возникших текстов*. Стало быть, следовало основываться на более дифференцированном методическом принципе, адекватном задачам реконструкции событийно-фактической стороны обрисованной выше ситуации. Суть этого принципа очень проста: речь идет о *вычленении* из всего массива доступных нам источни-

ков, освещающих положение Барклая в военно-политической обстановке 1812 г., по возможности полного корпуса *синхронных* свидетельств самой разной видовой принадлежности, возникших в хронологических пределах Отечественной войны, — деловой документации, в том числе всякого рода военно-политических записках, материалах прессы, публицистики, но главное — частных писем и дневников (от 1812 г. до нас дошли многие сотни писем участников и очевидцев войны и около 25 их дневников).

Именно в этих синхронных свидетельствах наиболее непосредственно и аутентично запечатлевавших историческую действительность 1812 г., события фиксировались в их реальных, а не вымышленных и искаженных впоследствии сцеплениях и динамике, по горячим следам — как бы стенографически. И лишь после выявления этого *первичного слоя информации* и перекрестного анализа его составляющих они дополнялись и корректировались мемуарными свидетельствами. Очищенные от позднейших наслоений эти последние, в свою очередь, обогащали первоначально воссозданную картину. Причем, нередко мемуарные свидетельства содержали такие уникальные сведения, которые одни только и могли заполнить ее лакуны и приоткрыть завесу над затемненными ранее обстоятельствами эпохи.

Охарактеризованные здесь методические установки* не заключают в себе, конечно, ничего принципиально нового — они давно присутствуют в разного рода пособиях по источниковедению. Все дело только в их последовательном применении и строгом соблюдении определенных исследовательских процедур. И это дало результаты весьма выразительные.

* См.: Тартаковский А.Г. Некоторые аспекты проблемы показательности в источниковедении. // История СССР. 1973, № 6; он же. Показания русских очевидцев о пребывании французов в Москве в 1812 г. / К методике источниковедческого анализа. // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. I.

Прежде всего выясняется, что, вопреки бытующим в историографии взглядам, в первые полтора месяца войны (примерно до начала августа) образ действий Барклая вообще не подвергался каким-либо нападкам в армейской массе, гражданском населении, столичной общественности. Во всяком случае, во всех известных нам дневниках, частных и деловых письмах, вышедших из этих кругов с начала кампании и до исхода июля, мы не находим ни одного упрека в его адрес. И это тем показательнее, что их авторы, подробнейшим образом фиксируя ход боевых действий, умонастроения войск и мирных жителей, как правило, не скрывали своего острого беспокойства отходом армии в глубь страны, некоторые из них отваживались даже на осуждение отступательных маневров и на прямые обвинения в том самого Александра I и А.А.Аракчеева, но характерно, что имя Барклая в этом обличительном контексте ни разу не было названо. Примечательно, в частности, отсутствие признаков малейшего недовольства Барклаем в дневниках и переписке гвардейских офицеров, особенно болезненно переживавших отступление.

Факт отсутствия информации сам по себе достаточно информативен. Упорное «молчание» относительно Барклая всех этих источников может быть, на мой взгляд, истолковано только в одном смысле: версия о широком распространении уже с самого начала войны осуждающих Барклая толков не находит подтверждения в приведенных ныне в известность синхронных показаниях современников.

Напротив, сохранилось немало свидетельств, обойденных вниманием историков, о том, что в июне-июле его деятельность как полководца в рядовых слоях армии оценивалась во вполне положительных тонах.

Надо сказать, что еще в конце XVIII — первые годы XIX вв. Барклай, прошедший почти все крупные кампании того времени, снискал неподдельное уважение офицерского корпуса и солдатской массы. Даже такой недоброжелатель

Баркляя, как Д.В.Давыдов, не мог не отметить, что «изумительным хладнокровием, невозмутимым мужеством и отличным знанием дела» он внушил «нашим солдатам пословицу: поглядя на Баркляя, и страх не берет». «По благородному характеру и по доброте сердца его отменно любили в армии», — отзывался о Барклае сам весьма далекий от любви к нему А.И.Михайловский-Данилевский.

И в июне-июле 1812 г. былая популярность Баркляя не была в целом поколеблена. В войсках отдавали должное его боевому опыту, предусмотрительности, заботе о поддержании боеспособности армии в ходе отступления и т.д. О том, что на Баркляя «сначала надеялись», вспоминал, например, его адъютант П.Х.Габбе — честный и правдивый в своих показаниях мемуарист. Особенно ценно в этом плане основанное на поданных записях 1812 г. свидетельство И.П.Липраиди — одного из самых осведомленных знатоков военно-политической истории России начала XIX в.: в начальную пору войны «армия в общем значении слова имела *полную доверенность* к Барклаю, «она [...] ежедневно видела его на коне перед собою с тою невозмутимостью в опасностях, которая одна привязывает подчиненных к своему вождю» (курсив мой — А.Т.).

Перелом в отношении к Барклаю наступил в связи с циклом событий по обороне и оставлению по его приказу в ночь с 6 на 7 августа 1812 г. Смоленска, сыгравших во всей дальнейшей судьбе полководца поистине роковую роль.

Сдача французам Смоленска вызвала по всей стране взрыв патриотического негодования и именно теперь — в армии с конца 1-й декады августа, в столицах и вообще внутри России не ранее 2-й декады — на Баркляя обрушиваются гонения, принявшие подлинный общественный, массовый размах: падение доверия в офицерском корпусе 1-й Западной армии, которой он командовал, резкая критика отступательных маневров, упреки в бездарности, нерешительности, недостатке патриотизма, личные выпады, брань, насмешки самого низкого пошиба и — что хуже всего — распolzавшиеся повсю-

ду слухи об измене, таившие для Барклая в накаленной атмосфере того времени самые непредсказуемые последствия.

Однако кульминация антибарклаевских настроений длилась в армии, как можно считать теперь доказанным, сравнительно недолго – до того, как в 20-х числах сентября оклеветанный полководец покинул главную квартиру, т.е. 5-6 недель. Правда, эти несколько недель нанесли Барклаю такую душевную травму, которую он не мог пережить уже до конца своих дней. Но так или иначе, в дошедших до нас после рубежа сентября-октября синхронных показаниях очевидцев нападки на Барклая перестают фигурировать.

Более того, с этого времени, особенно после тарутинского перелома в ходе кампании и освобождения Москвы, в военной среде намечается стремление к пересмотру недавних огульно-критических оценок полководческой деятельности Барклая, зреет понимание эффективности руководства им войсками и целесообразности летнего отступления. Весьма симптоматично в этом отношении замечательное по своей пронизательности письмо М.С.Воронцова из с.Андриского адъютанту полковника А.А.Закревскому. Оно было написано 22 сентября – в день отъезда Барклая из армии, как бы вдогонку ему. Вот что здесь сказано: «Михайла Богданович дурно делает, что просится в отставку: служба его нужна, первое, для государства, второе же, и для него самого. *Разные трудные обстоятельства обратили на него от многих негодование.* Это пройдет, все усмирится и ему во многом отдадут справедливость [...] меньше будут думать о Дриссе, об оставлении Смоленска и пр., нежели о том, что *ему мы обязаны тем [...] что он первый и он один причиной, что последовал роду войны [...], который мог нас спасти и должен, наконец, погубить неприятеля*» /курсив мой – А.Т./ Сочувственное отношение к Барклаю, признание его заслуг проникают с этого времени в офицерскую среду, а к концу года восстановление в общественном мнении его доброго имени находит уже опору в победоносном исходе кампании. Даже враждебный летом 1812 г. к Барклаю Н.Н.Ржевский в декабре с запоздалым сожалением

вынужден признать, «что единственный способ был победить» неприятелей — «их изнурением и завлечением внутрь России, *что мы прежде осуждали*» /курсив мой — А.Т./

Такова реальная динамика антибарклаевских умонастрое-ний 1812 г., с ее подъемами и спадами, претерпевавшая колебания в зависимости от хода боевых действий и изменчивости военно-общественного менталитета, — как видим, она не имеет ничего общего с тем, что можно и поныне прочесть в исторических трудах.

В свое время Е.В.Тарле заметил, что «агитация против Барклая шла сверху», но не подкрепил это документальными данными. В свете перекрестного анализа синхронных и мемуарных свидетельств прозорливое суждение маститого ученого находит свое полное подтверждение. Теперь можно считать твердо установленным, что первичным очагом антибарклаевских настроений в России явились в 1812 г. придворно-правительственная знать в столицах и военно-аристократи-ческая верхушка в армии.

Для этой высокопоставленной среды незнатный и не имевший «крещенной собственности» Барклай, лишь к 50-ти гг. неожиданно прославившийся в кампаниях 1806-1807 и 1809 гг., совершивший стремительную карьеру, обойдя чи-нами и должностями многих титулованных генералов, став-ший Военным министром и ближайшим сподвижником Александра I в пору апогея его либерально-конституционных устремлений, — для этой среды Барклай был неприемлемой, социально чуждой фигурой, незаслуженно возвысившимся выскочкой. Тем более, что жесткими мерами по наведению порядка в армейских делах и противодействием «прусской» системе воспитания войск он восстановил против себя влиятельные круги военной бюрократии, а своим личным поведе-нием не вписывался в принятые рамки этикета, пренебрегая нормами придворной жизни, держа себя с гордым и суровым отчуждением.

Неслучайно, поэтому, что скрытые нападки на Барклая со стороны ряда видных военных и сановников из царской

свиты дали себя знать еще накануне и в первые недели войны, однако присутствие в армии Александра I как-то их сдерживало, но с его отъездом из главной квартиры 6 июля 1812 г. положение Барклая, по отзыву его адъютанта В.И.Левенштерна, «стало еще более тягостным». После же соединения 1-й и 2-й Западных армий, в 20-х числах июля здесь складывается враждебная ему генеральская оппозиция, имевшая своим оплотом П.И.Багратиона, А.П.Ермолова и вел.кн. Константина Павловича. Квартирмейстерский офицер штаба 1-й Западной армии А.А.Щербинин считал даже возможным говорить о «заговоре» против Барклая. Его участники, не гнушаясь в средствах, добивались смещения Барклая и не раз обращались с требованиями на этот счет к Александру I, запугивая его тем, что в противном случае, неизбежны гибель армии и государства.

Характерно, что те же самые лица, которые составляли ядро глубоко скрытой оппозиции Барклаю еще в июле *исподволь* распускали в войсках компрометирующие его слухи. После же оставления Смоленска именно они наиболее рьяно выступали против Барклая и *публично*, клеймя его как предателя-иностранца по формуле «немец, а потому изменяет». Вел.кн. Константин Павлович сразу же по сдаче Смоленска так объяснял перед войсками и толпой местных жителей постигшую город участь: «Что делать, друзья! Мы не виноваты. Не допустили нас выручить вас. *Не русская кровь течет в том, кто нами командует*» /курсив мой – А.Т./

Именно таков был, по наблюдениям ряда участников войны, механизм распространения антибарклаевских слухов в армии – они шли цепочкой, через опосредствующие звенья: от генеральских штабных чинов – к рядовому офицерству, а от него – обычно на биваках и маршах – к солдатской массе.

Примерно также обстояло дело и в столицах: в городское простонародье эти слухи шли сверху, от высших, привилегированных слоев. По свидетельству Ф.В.Ростопчина, только после сдачи Смоленска, перед угрозой вторжения неприятеля в древнюю столицу вельможное московское барство

«решилось, для своего успокоения, отозвать бедного Барклая изменником» /курсив мой – А.Т./

Было бы, разумеется, упрощением полагать, что летом 1812 г. недоброжелательство к Барклаю вселялось в армию и мирных жителей лишь пропагандой сверху. Естественно, оно нарастало само собой и тем сильнее (особенно после Смоленска), чем дальше в глубь страны отходили русские войска, чем больше задевались их патриотические чувства. Тем не менее нельзя не видеть того, что *начальный импульс* был дан этому генеральской оппозицией и ее единомышленниками в столицах, заметно способствовавшими оформлению и легализации антибарклаевских настроений в России.

Что же до распускавшихся тогда антинемецких и вообще антииностранных слухов, то, если исключить шовинистическую пропаганду Ростопчина в Москве, в 1812 г., они не получили, видимо, сколько-нибудь сильного распространения, сосредоточившись главным образом на личности Барклая. Парадокс, однако, состоял в том, что именно в отношении него эти слухи были особенно беспочвенны – их мифологическая в данном случае природа выявляется с наибольшей отчетливостью.

В самом деле, Барклаи были выходцами из древнего шотландского рода, одна из ветвей которого – именно к ней и принадлежал будущий полководец – еще во второй половине XVII в. переселилась в Ригу, ставшую с 1710 г. частью Российской империи. Его ближайшие предки – это остзейцы на русской государственной службе. Мать же Барклая (равно как впоследствии – жена) была представительницей старинной шведской дворянской фамилии, и ничего специфически немецкого в семье не было. Но дело, конечно, не в том, каких кровей был Барклай, а в его собственном культурно-этническом самосознании, в его языковой практике и в реальных обстоятельствах его жизненного пути. Российский подданный в четвертом поколении, сын офицера русской армии, сам прослуживший в ней до 1812 г. несколько десятилетий, Барклай никакой другой родины, кроме России, вообще

не знал, ощущал себя русским гражданином и русским патриотом, говоря, что он «русский по рождению и со своей судьбой неотделим от России». Характернейшая деталь: в мае 1818 г. в Риге во время торжественной церемонии прощания с Барклаем — лютеранином по вероисповеданию — с одной стороны гроба стоял пастор, а с другой — православный священник, что символизировало не только уважение государственной церкви к покойному, но и его связь с русской религиозной традицией.

Только при крайнем возбуждении в 1812 г. национальных чувств в условиях глубокого военно-государственного кризиса Барклай мог быть воспринят как воплощение некоего чужеродного, инонационального начала.

Стоит сказать, что и в 1812 г. на его якобы иностранное происхождение обратили внимание далеко не сразу. Любопытно, что как вспоминал П.Х.Габбе, только «со вступлением армии на старинную русскую землю», когда «доверенность» войск к своему главнокомандующему ослабла», — *только тогда «заметили нерусскую его фамилию»*. /курсив мой — А.Т./ Еще определеннее высказался в этом смысле точный в своих наблюдениях К.Клаузевиц: на Барклая «стали смотреть как на иностранца» «лишь за несколько дней до прибытия Кутузова в главную квартиру», т.е. опять же после оставления Смоленска.

Преходящий, поверхностный, избирательный, так сказать, характер этих «антинемецких» настроений еще более прояснится, если мы коснемся одного частного, казалось бы, эпизода 1812 г., на который историки не обращали доселе внимания. Как выясняется из переписки этого времени секретаря царствующей императрицы Н.М.Лонгинова с С.Р.Воронцовым, дневниковых записей гвардейского офицера Ф.Я.Мирковича и секретных донесений московского оберполицмейстера П.А.Ивашкина, в те же августовские дни, когда Барклай со всех сторон обличался как немец-изменник, в столицах и армии стало распространяться известие о назначении вместо него на пост командующего 1-й Западной ар-

мией Л.Л.Беннигсена. И знаменательно, что весть о замене мнимого «немца» Барклая действительно немцем Беннигсеном, уроженцем Ганновера, «чужестранцем» в подлинном смысле слова, своего рода кондотьером, перешедшем на русскую службу еще в 1773 г., но так и не принявшим русского подданства, — сама эта весть не сопровождалась каким-либо национально-окрашенным протестом антинемецкого свойства. В таком же плане следует расценивать и высокую во время Отечественной войны репутацию других генералов русской армии с «иностранной фамилией», в частности П.Х.Витгенштейна — выходца из старого германского рода, так же, как и Барклай лютеранина по вере. Командуя отдельным корпусом, за активные боевые действия под Полоцком он снискал летом и осенью 1812 г. буквально всероссийскую славу и по своей популярности мог соперничать с самим Кутузовым, но, как видим, его немецкое происхождение этому ничуть не помешало.

Коротко говоря, дело было не в исконно присущей вражде русских к «немцам-иностранцам», а персонально в Барклае, точнее — в том, что, невзирая ни на что, он проводил отступательную линию, и в результате выросшая из недр французской революции наполеоновская армия начала вторгаться в крепостнический центр государства. А это в глазах помещичьего дворянства России было уже чревато угрозой новой Пугачевщины, разрушением вековых устоев социального бытия. Для военно-дворянской и придворно-аристократической верхушки, откуда инспирировались антибарклаевские настроения, ничего более страшного нельзя было придумать. По верному замечанию Е.В.Тарле, «ненавистный Барклай, ответственный виновник бесконечных отступлений» был для нее «изменником или в лучшем случае, позорным трусом». Именно этой глубокой социально-охранительной подосновой гонений на Барклая во многом объясняется и ускользающее обычно от историков сопряжение в дворянском сознании 1812 г. его имени с фигурой уволенного накануне войны в опалу и тоже обвиненного в измене М.М.Сперанского.

Сходные результаты дало применение тех же методических приемов при проверке на истинность и других блуждающих в исторической литературе «вообразительных сказаний» о Барклае.

Ввиду недостатка места кратко проиллюстрирую это еще на одном примере. Он связан с истолкованием обстоятельств отстранения Барклая от руководства вооруженными силами, что в силу естественного хода вещей предопределялось необходимостью назначить на театр военных действий единого главнокомандующего. Историки нескольких поколений единодушно сходились на том, что Александр I пошел на этот шаг не по собственной воле, а в результате оставления Смоленска под воздействием «всеобщего ропота», особенно сильного в армии и в столичном дворянстве. Между тем, назначение единого главнокомандующего было предрешено Александром I еще 5 августа, когда он учредил с этой целью Чрезвычайный комитет из высших сановников Империи. Смоленск же был оставлен только в ночь с 6-го на 7-е августа, а «всеобщий ропот» Барклая проявился и того позднее. Так что, ни то, ни другое никак не могло повлиять на данное решение царя. Как ни сильно было давление на Петербург враждебной Барклаю генеральской оппозиции, решающую роль в его устранении сыграло глубокое недовольство самого Александра I Барклаем, отказавшимся выполнять его предписания о переходе под Смоленском в наступление и продолжавшего, на свой страх и риск, осуществлять отступательный замысел. Это подтверждается документально. Так, из неопубликованных записок министра полиции А.Д.Балашева непременно следует, что Александр I именно потому учредил Чрезвычайный комитет, что был «недоволен [...] генералом Барклаем» и именно по его, Александра I, указанию в комитете был поставлен вопрос о несостоятельности Барклая как командующего 1-й Западной армией и смещении его с поста Военного министра.

В заключение несколько слов о том, что произошло с Барклаем после отъезда из армии. Под пером почти всех, писавших о нем, он исчезает с тех пор с исторической арены, как бы растворяется в частной жизни, обреченный на молчание, — до того, как в феврале 1813 г. снова появляется в главной квартире.

Разыскания в секретных в XIX в. государственных архивах и текстологическое изучение последующей судьбы рукописного наследия Барклая показало ошибочность этого расхожего мнения. Именно после отъезда из армии Барклай стремится заговорить в полный голос, развернув энергичную и целеустремленную борьбу за свою реабилитацию перед общественным мнением России. Тем самым раскрывается практически неизвестный доселе пласт биографии полководца и военно-политической истории эпохи 1812 г. в целом.

Побудительным к тому мотивом, помимо «дурных толков» в войсках и обществе летом 1812 г., о чем уже шла речь выше, явилась публикация в официальных газетах рапорта М.И.Кутузова Александру I от 4 сентября 1812 г. В одной из его фраз сдача Москвы французам объявлялась прямым следствием оставления Смоленска — таким образом Барклай выступал и виновником падения древней русской столицы. Но надо при этом учесть, что свой рапорт Кутузов предназначал лишь для сведения Александра I, а вовсе не для обнародования. В печати же рапорт с этой сакраментальной фразой, появился, как выяснилось много позднее, по указанию самого царя — объективно это было ничем иным, как актом сознательной дискредитации Барклая перед лицом всей страны.

Опровержение столь тягостного для него обвинения стало лейтмотивом и доминантой всех усилий Барклая по восстановлению своего попорченного авторитета. Они воплотились главным образом в серии его оправдательных записок, составлявшихся одна за другой в течение более полугода — с ок-

тября 1812 по апрель 1813 г. В них Барклай доказывал неизбежность принятого им способа ведения войны и решительно отводил клеветнические упреки в свой адрес. Одна из таких записок — хорошо известное историкам «Изображение военных действий 1-й армии» — была адресована царю, исключительно для его сведения. Остальные пять записок военно-публицистического характера Барклай, как теперь установлено, пытался обнародовать от своего имени в правительственной печати, упорно и методически требуя на то санкции царя. Натолкнувшись, однако, на явное нежелание Александра I допустить его публичное оправдание, Барклай, занимавший тогда уже высокие военные посты в союзных армиях, встает на путь скрытого от верховной власти распространения записок в рукописном виде и посредством анонимного продвижения их в печать, прибегнув к помощи доверенных сотрудников своего штаба, военных литераторов и издателя «Сына Отечества» Н.И.Греча. Таким образом, негласно, в обход царя, Барклаю удалось в первые послевоенные годы довести до российской читающей публики все свои оправдательные записки.

Единственно, что Барклаю не удалось, так это выступить с оправданием перед общественным мнением страны *от своего собственного имени* — тот предел, который по историческим условиям эпохи ему не дано было преступить. Именно в этом и заключается, на мой взгляд, истинный смысл загадочных слов Пушкина по поводу «Полководца» из его «Объяснения» 1836 г. о том, что Барклай не успел «оправдать себя перед глазами России».

В его решимости во что бы то ни стало оправдаться перед соотечественниками нашли свое выражение высоко развитые понятия о чести и достоинстве убежденного в своей правоте военачальника. Надо признать, что с такой непреклонностью и внутренней силой эти качества редко проявлялись в ту эпоху в придворной, военно-аристократической среде, а тем паче перед лицом самого императора. Но этот барклаевский прецедент предстанет в подлинном своем значении, если по-

смотреть на него в более широкой культурно-психологической перспективе — как на один из симптомов становления в русском обществе нового склада личности с ее возросшим нравственным и гражданским самосознанием.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

В.И.Буганов:

У меня есть три вопроса к докладчику. Первые два касаются проблемы Кутузова и Барклая, или же наоборот — Барклая и Кутузова.

Можно согласиться с утверждением о том, что стратегический план Кутузова — отступление и контрнаступление — это в общем-то продолжение стратегического плана, намеченного Барклаем? То есть этот план можно назвать планом Барклая и Кутузова.

Второй вопрос. Известное выражение, пущенное в ход киношниками, выражение Кутузова, когда он впервые прибыл в армию, сказавшего солдатам, стоявшим в строю: «С такими молодцами — да отступить?» — это соответствует исторической действительности или же это выдумка киношников, потому что после таких бравых слов отступление продолжалось?

И третий вопрос — насчет Барклая и немцев. По-моему, вы очень хорошо показали, что антибарклаевская кампания, инсинуации шли от придворных, от военных верхов и т.д. С этим можно согласиться. Но рядовые люди, солдатская масса? В связи с этим я хочу сказать, что «немец» в глазах простого русского человека еще со времен XVI—XVII века — это вообще иностранец, то есть «немой», не умеющий говорить по-русски. «Немец» — это и собственно немец, и датчанин, и шотландец, и т.д., любой иностранец. Не могло ли такое представление о Барклае сформироваться под влиянием

именно солдатской и армейской массы? Под влиянием массы малограмотной или неграмотной?

А.Г.Тартаковский:

Вы правильно говорите, что в принципе реальные действия Кутузова, (не то, что он там говорил — об этом я потом скажу), а его реальные стратегические действия — это и есть продолжение тактики Баркляя. Надо сказать, что на Баркляя были ужасные нападки именно в этот летний период. Самое интересное: после оставления Москвы Кутузов не в меньшей степени, чем Барклай, явился предметом самых яростных нападков. О них пишет Булгаков: не оправдал Кутузов всеобщих ожиданий, «что потеряно в Москве, того помещикам никакая сила земная возратить не может». То есть выступали против Кутузова с таких же ярых, откровенно прокрепостнических позиций. Эту линию на продолжение отступления, историческое решение Кутузова об оставлении Москвы Барклай поддержал, но все то, что произошло после этого, — вот это мог сделать только Кутузов. Это была совершенно неожиданная мысль — дезориентировать французов, побудить их отступить дальше, к Владимиру, а за это время он, повернув армии у Боровского перевоза круто на Запад, достиг Тарутино, что коренным образом изменило ситуацию: французы оказались в ловушке! Это было личное решение Кутузова. Все признают, что это был гениальный маневр именно по своей простоте и всеобъемлющему характеру его последствий. Он решал все проблемы военные вплоть до близости к резервам.

В.И.Буганов:

А у Баркляя таких решений не было?

А.Г.Тартаковский:

У Баркляя не было. Он это все понимал — что надо добиться решающего перевеса в силах. В чем сущность его тактики, его стратегии? Как опытный, образованный военный, он понимал, что наполеоновская армия — могущественная, невероятно боеспособная, основанная на новых цивилизационных принципах комплектования и т.д., и что русская армия

в том состоянии, в каком она тогда находилась, — она не может французской армии противодействовать. Отсюда и родился этот «скифский» план. Многие историки, если не большинство, вообще, отрицали то обстоятельство, что у Барклай существовал какой-либо свой план, когда он проводил отступление, и считали, что он отступал наощупь, хаотично, стихийно и т.д. Ничего подобного! За пять лет до войны он уже вынашивал этот план. Крупные, наиболее образованные, мыслящие русские военные понимали, что противостоять Наполеону российская армия может только таким путем: заманив французскую армию в глубь страны, изнузив ее и т.д. и т.п.

Вот это Барклай понимал не хуже Кутузова, и тут они были едины, но когда речь зашла о том, *как* изменить ситуацию в пользу России, Барклай считал, что нужно отступать и дальше. Он сказал, что пойдет на Владимир. Кутузов же полагал, что этого недостаточно, что тут нужен некий неординарный ход, т.е. Тарутинский марш-маневр, который он и осуществил. В чем гениальность Кутузова? В том, что он сумел изменить реальное соотношение сил путем такого неожиданного маневра. Вот, собственно, и все.

Чтобы упредить другие вопросы, хочу сказать, что все расхождения между Александром I и Барклаем заключались в следующем. Александр с самого начала поддерживал «скифский» план и готов был по предложению Чернышева даже основать базу под Москвой еще в конце июня — начале июля. Он поддерживал в этом смысле Барклай до того момента, когда наполеоновские войска вступили в коренные русские земли. Вот здесь он испугался и решил, что надо переходить в наступление, не понимая, что без изменения в соотношении сил этого делать нельзя. Он думал: вот дойдем до Смоленска, а дальше Смоленска отступать нельзя. А Барклай считал, что русская армия должна отступать до тех пор, пока не добьется решающего перевеса.

Теперь о словах Кутузова, сказанных по приезде в армию. Кутузов ведь не просто это говорил. Это не только в кино по-

казано. Об этом говорить и в мемуарах: это из эпохи 1812 года идет. Кутузов был хитрым человеком, необыкновенно дипломатичным. Потом учтите, что когда он приехал в армию, он еще не разобрался до конца в ситуации, хотя есть свидетельства о том, что как только он узнал, 11-го числа, выезжая из Петербурга, что взят Смоленск, то сказал: ключ к Москве взят.

Однако после этого он несколько раз менял свою позицию и считал, что можно было Москву отстоять и т.д. Потом он вник в состояние армии и понял, что никакого сражения французам пока давать нельзя, но вынужден был дать сражение фактически у стен Москвы – в Бородино.

О «немцах» в представлениях тех времен Вы очень интересно сказали, это правильно. Но ведь все-таки это начало XIX века, и русские, даже солдаты, знали, что такое немцы: их деды и отцы участвовали в Семилетней войне! Может быть, в XVII и XVIII веках так оно и было. Но дело даже не в этом, а дело в том, что европейски образованные люди, вельможи, дворянские интеллигенты, – они-то прекрасно знали, что такое «немец» и что такое не «немец», и что такое «остзеец». Ведь остзейцы – это не просто немцы, да и вообще не немцы. Это нечто особое. Да и сами они были все «немцы» в этом смысле: и А.Х.Бенкендорф, и К.Ф.Толь и многие другие.

Я бы с вами согласился, поскольку все это касается солдат, простых людей. Но когда речь идет о представителях высшего образованного сословия (а слухи о том, что Барклай «немец» шли «сверху вниз», их будировал среди солдат, например, А.П.Ермолов), то они все-таки знали, что такое «немцы». Это германцы, Барклай – это немец в смысле германец, но это не так важно, потому что в той ситуации существовало, что он чужестранец.

А.С.Сахаров:

Есть еще вопросы? Пожалуйста.

П.В.Зырянов:

У меня такой вопрос в связи с отношениями Барклая и Александра I. Дело в том, что немецкий историк Шиман пишет, что Александр I с большой неохотой назначил Кутузова на пост Главнокомандующего, и уже потом, на втором этапе войны, уже после того как Москва была оставлена, он еще неоднократно возвращался к идее о замене Кутузова Барклаем.

Верно ли это?

А.Г.Тартаковский:

По моим понятиям, да, это верно. Я пришел к этому независимо от Шимана, исходя из имеющихся материалов, из документов, из первоисточников. По-моему, это верно в принципе. Кутузов для Александра был абсолютно неприемлемым, и не из-за Аустерлица и т.д. Кутузов осуждал его за некомпетентное вмешательство в военные дела, он этого не скрывал. Но Кутузов был приближенным Павла, одним из самых близких к нему в последние дни: он был и на обеде, и на ужине 11 марта 1801 года. Он был одним из тех, кого Павел видел последним в своей жизни. Он еще сказал Кутузову фразу, смысл которой в том, что «скоро я умру». И Кутузов осуждал Александра за причастность к убийству Павла. И этого Александр I никогда не мог ему простить. Однако Александр не мог Кутузова не назначить, потому что в той кризисной ситуации дворянство и Москвы, и Петербурга высказалось единодушно за Кутузова. Барклая же он устранил по собственной инициативе.

Теперь, когда Москва была освобождена (это ноябрь месяц), идет наступление русских, французы изгоняются, Александр призывает Барклая: 24 ноября он пишет ему письмо, которым приглашает его в армию. Барклай в это время находится в своем имении в Прибалтике. Есть мемуарные свидетельства представителей высшей чиновничьей среды, которая окружала в это время Александра, что он хотел в преддверии начинавшихся заграничных походов если не поставить Барклая во главе всей армии, то во всяком случае противопоставить его Кутузову. И когда Кутузов умер, попробовали заме-

нить его Витгенштейном (это был чистый позор) — и опять назначили Баркляя. Но если бы был жив Кутузов, я не знаю, как бы все это произошло.

В.Д.Есаков:

Андрей Григорьевич, не кажется ли вам, что подавляющее большинство проблем, о которых вы сегодня говорили, вызвано не реальным процессом 1812 года, а привнесено в нашу литературу и в общественное сознание именно в результате тех извращенных представлений об отношении к иностранцам, космополитам, которые произошли в конце 40-х годов?

А.Г.Тартаковский:

Что-то я вас не понимаю. Я иду от XIX века, а не от XX.

В.Д.Есаков:

Кстати, то, что сказано Вами о критике Тарле, относится к 47-48-му году.

А.Г.Тартаковский:

Точнее не тогда, а в 1951 г. была заушательская критика книги «О нашествии Наполеона на Россию». (*В.Д.Есаков:* Это очень часто повторялось в 47-м и 48-м году).

Конечно, эта тема политизирована, особенно в результате мракобесных кампаний конца 1940 — начала 1950-х, я немножко намекнул на это. Но тогда вообще Бог знает что было, и что же, мы сейчас будем это повторять? Это всем нам достаточно хорошо известно. Это не предмет научного обсуждения. Я иду из XIX века. Повторяю, проблема идет оттуда. Ее окраска, оценка были политизированы, но сама проблема — из той эпохи.

В.А.Кучкин:

Масоны играли какую-нибудь роль в отношении к Кутузову?

А.Г.Тартаковский:

Отличный вопрос! Есть мнение, что в ту масонскую ложу, в которой был Кутузов, входили и те сановники, которые состояли членами Чрезвычайного комитета, призванного ре-

шать вопрос о назначении главнокомандующего. Это предположение, догадка. Это надо проверить. Больше ничего по этому вопросу я отвечать не буду, потому что время не позволяет. (*В.А.Кучкин*: На хороший вопрос можно отвечать и дольше...). Но хороший вопрос нуждается во времени, в специальном обсуждении.

В принципе я не исключаю влияния тех или иных масонских связей в этом отношении на реальные политические, военно-политические отношения того времени.

А.Н.Сахаров:

Андрей Григорьевич, есть ли какие-то следы Аракчеева в деле Барклая?

А.Г.Тартаковский:

Я книгу написал, она вся пронизана двумя темами: «Барклай и Александр» и «Барклай и Аракчеев». Я просто не могу сейчас говорить об этом – это особая тема. Я могу начать рассказывать, но не советую давать мне такую возможность... (*А.Н.Сахаров*: Но Аракчеев содействовал снятию Барклая?)

Нет. Он не мог содействовать снятию Барклая, потому что тогда он еще не был так силен. Его возвышение началось только 17 июня 1812 года. Он был членом упомянутого Чрезвычайного Комитета, он и Балашов были там представителями царя, но это ничего не значило, так как смещение Барклая было уже до того предрешиено Александром I. Что касается Аракчеева, то он всеми силами препятствовал возвращению Барклая в 1813 году, это был самый злобный ненавистник Барклая, который сыграл печально-роковую роль в судьбе его оправдательных записок. Дело в том, что все эти записки, все, что поступало к Александру I – все это он потом отдавал Аракчееву прямо по ходу событий. И получилось так, что у Аракчеева в архиве, в его имении «Грузино» собрались наиболее ценные, секретные военно-политические бумаги 1812 года. Они все были у него в архиве. Александр считал, что вот так он его отблагодарил за его службу и т.д. Аракчеев и сам считал, что это самый дорогой дар, который мог ему сделать Александр: он был хранителем таких ценных бумаг.

Короче говоря, Аракчеев до своей смерти держал под спудом все эти оправдательные записки, а окружающие были в полном неведении: никто о них от него ничего никогда не узнал. Это было одной из причин того, что эти оправдательные записки в первую четверть века после войны вообще не проникали в печать. На то были и другие причины, более широкого свойства. Но Аракчеев в данном случае был злым гением Барклая. Я мог бы о судьбе этих записок сегодня говорить подробно, в них личные качества Барклая, его человеческое достоинство проявляются очень сильно. Он аргументированно опровергает своих недоброжелателей. Если бы дошли тогда до публики, если бы были напечатаны в прессе, то, конечно, Барклай предстал бы совершенно в другом свете, и Аракчеев, понимая это, со своей злобностью не мог бы этого пережить.

А.Н. Сахаров:

Мне хотелось бы объяснить, как возникла идея сегодняшнего доклада. А.Г.Тартаковский написал ряд интересных статей о Барклае де Толли. Это было замечено нашей научной общественностью. Так и появилась идея попросить его познакомить нас с последними наблюдениями относительно данной исторической фигуры и ее места в истории Отечественной войны 1812 года.

Я думаю, что мы заслушали интересный доклад. Полагаю, что на этом конкретном примере конкретной судьбы были высвечены очень многие проблемы, тенденции всей российской жизни не только XIX, но и XX века, и даже дней, не так далеко от нас отстоящих.

Я считаю, что вопросы, с которыми сегодня нас познакомил А.Тартаковский, — это общие вопросы, касающиеся русского общества, русской армии, русских полководцев, русской пропаганды, российской историографии, которая в течение двух веков делала то, что считала нужным делать. Я полагаю, что постановка таких тем, которые кажутся темами довольно локальными, темами конкретными, помогают нам приоткрыть те совершенно не известные или малоизвестные страницы нашей истории, которые вдруг предстают перед на-

ми в каком-то совершенно ином — правдивом, объективном освещении, в чем так нуждается сегодня наша историческая наука, в чем так нуждается, я думаю, и наша широкая публика, потому что воздать должное людям России, патриотам России — людям, которых замалчивали, взгляды и дела которых искажали в угоду всякого рода политическим тенденциям, национальным тенденциям и прочим, — это, я думаю, святое дело.

Поэтому, думаю, все вы со мной согласны, мы должны поблагодарить Андрея Григорьевича за этот интересный доклад, который явился итогом его большой напряженной работы в последние несколько лет.

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В РОССИИ **(Вопросы идентификации и гносеологии)***

В наше время не надо никому доказывать, что все наиболее значимые сюжеты, темы и вопросы отечественной истории являются дискуссионными. В числе них и проблема становления парламентаризма. Существуют различные определения этой социополитической категории. В данном случае под парламентаризмом подразумевается государственное устройство, основанное на разделении властей при закреплении законодательной функции за особым представительным органом — парламентом. Естественно, что фазы, уровни, степени развития парламентарной модели бывают различными, как и приемы формирования и характер деятельности самого представительства в различных странах. Никакой абсолютной, идеальной парадигмы в реальности не существует, есть лишь более или менее устоявшиеся формы, которые в данный момент и могут казаться универсальными, но которые по прошествии некоторого времени неизбежно видоизменяются.

В сегодняшнем выступлении будут обозначены лишь некоторые эпизоды, понятия и элементы, затрагивающие сложную, многоаспектную проблему и которые, как представляется, являются особо примечательными и значимыми.

27 апреля 1906 года в России случилось историческое событие огромной важности — в Петербурге, в Таврическом дворце начала свою работу первая сессия Первой Государственной Думы. Это был законодательный орган, созданный на избирательной основе. В империи возникла принципиально новая государственно-правовая диспозиция, отраженная в новой редакции Основных Законов Российской империи, которые император Николай II подписал 23 апреля 1906 года. Все главные элементы парламентарной системы стали реальностью: законодательство, регулировавшее права и обязанно-

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН. 24 декабря 1996 г.

сти всех субъектов государственного действия, несменяемость судей, наличие двухпалатного представительного органа с законодательными правами. Россия переходила от авторитарного правления, к авторитарно-представительному. Самодержавно-думская система просуществовала с некоторыми изменениями до марта 1917 года, до падения монархии.

И уже почти сто лет ведутся споры, политические и научные дискуссии о том, стала ли Россия после преобразований 1906 года конституционной монархией? Как реформа 1906 года отразилась на облике власти, на ее прерогативах, на сути всей традиционной русской государственности? Можно ли считать вариант Основных Законов 1906 года конституцией? Стала ли сложившаяся дуалистическая система фактором стабилизации или, наоборот, вела к дальнейшему усугублению социальной обстановки? Какие цели и задачи ставили и как старались решать в новых условиях основные фигуранты политического действия? Почему в рамках думского парламентаризма не сложилось конструктивного и перспективного взаимодействия между правительственными кругами и «оппозицией Его Величества»? Это далеко не полный перечень тех вопросов, которые обсуждали, обсуждают и думается будут еще долго обсуждать.

На эти вопросы есть ответы. Их давали и непосредственные участники событий, как и историки в разное время и в разных странах. Существуют несхожие точки зрения, диаметрально противоположные подходы, объясняемые мировоззренческими пристрастиями авторов. В силу чрезвычайной политизированности восприятия отечественной истории, подобный ответ почти всегда являлся ответом не беспристрастного лица, а заинтересованной группы, фракции, партии; это всегда постулирование лишь «одной правды», абсолютной и окончательной. Но в русском политическом действии в конце концов проиграли все стороны и история никого не сделала носителем подобной истины (если даже она вообще существовала).

Интерес к истории русской государственности необычайно возрос в конце XX века, в момент резкого социального

разлома, в период судорожного поиска новых мировоззренческих рубежей и духовных ориентаций; в эпоху новой государственно-национальной самоидентификации России. Но исторические реминисценции, появляющиеся на эту тему в печати в большинстве своем не выдерживают научной критики. Все так же воспроизводятся старые представления, все так же звучат схоластические ярлыки «реакционно», «прогрессивно», хотя никто внятно так и не определил, что есть прогресс в истории вообще, а применительно к истории России в частности.

Стоит ли резкий, революционный цивилизационный прорыв тех жертв, которые стране приходилось приносить? Иначе говоря: какова цена преобразований. Подобный вопрос почти и не возникает. Самым ярким примером здесь, несомненно, остается восприятие «деяний Петра Великого». В соответствии с нерушимым канонем западной историко-графической традиции, господствующей, по крайней мере, уж более века у нас в стране, Петр I всегда превозносился «как истинный реформатор». Пресловутое «окно в Европу» служило индульгенцией для всех жестокостей, потоков крови и непрерывного насилия, столь характерных для петровской поры. Он оставил страну в параличе, все рассыпалось и разваливалось, и из продолжавшегося несколько десятилетий анабиоза России удалось выбраться по сути дела лишь в эпоху Екатерины II. Петр I ограбил и разорил третье сословие, затормозив процесс становления гражданского общества в России.

И через двести лет после Петра, когда к власти пришло самое крайнее, наиболее радикальное крыло отечественных западников в лице большевиков, на алтарь ускоренного цивилизационного прорыва было брошено всё и вся. И этот удар оказался столь мощным, что последствия его будут ощущаться необозримо долго.

Людей живущих в конце XX века и особенно тех, кто профессионально занимается отечественной историей, не может не озадачить то очевидное, что невольно бросается в глаза, но что часто стараются не замечать: поразительная жи-

вучесть проблем и дилемм. Многое из того, что волновало и озадачивало государственных людей сто лет назад, живо и сейчас, все так же стоит на повестке дня и ждет своего решения и главное — выбор исторического пути. Проблема парламентаризма имеет две основные ипостаси: идеологическую и институциональную. Ее уместно рассматривать в сопряженности этих двух начал. Тема парламентаризм и Россия значительно масштабней, чем может показаться на первый взгляд. В контексте отечественной истории, в контексте судьбы России онтологическое значение ее огромно и ее по праву можно отнести к стержневым проблемам русской истории.

По сути дела речь ведь идет об облике, смысле и импульсах власти, создававшей и несколько веков охранявшей неповторимый исторический феномен, называемый Россией. В 80-е годы XIX века Владимир Соловьев написал: «Русский народ создал государство могучее, полноправное, всевластное; через него только Россия сохранила свою самостоятельность, заняла важное место в мире, заявила о своем историческом значении. Это государство живо и крепко всеми силами стомиллионной народной массы, видящей в нем свое настоящее воплощение». К этому определению известнейшего философа, одного из самых ярких представителей западнического направления отечественной общественной мысли, подчеркнувшего смысл исторического бытия России, уместно добавить следующее: только благодаря сильному государству русский этнос сохранил свою самобытность и подарил миру русскую культуру.

Государственническая тема применительно к отечественной истории всегда интегральна. Для XIX — начала XX веков она включает ряд более частных, но взаимосвязанных сюжетов: историю либерализма в России, становление и структурирование гражданского общества, утверждение гражданских прав, проблему соотношения общих и групповых интересов, соответствия традиции и новации в государственной политике и в общественной мысли. Но в основе всего этого сюжетного комплекса, стержнем конституционно-парламентарной

исторической коллизии неизбежно являются приемы представительства интересов отдельных социумов на государственном уровне.

Оставляя в стороне патриархально-традиционные формы представительства, такие как народное вече и земские соборы, остановимся на некоторых узловых пунктах этого вопроса применительно к XIX веку. Именно в эту эпоху мысль о благотворности конституционно-парламентарного правления из области предложений и благопожеланий перекочевала в область политической практики, обрела реальные законодательные и организационные формы в целом ряде стран.

Россия не осталась в стороне от подобной новации. Сама по себе мысль о необходимости установления в стране регулярного общественного строя, построенного на твердом и незыблемом законе по существу никогда не оспаривалась. Но конкретные интерпретации этой идеи простирались в широком диапазоне мнений: от полного неприятия русской исторической традиции до неприкрытой государственной сервильности. Подобная мировоззренческая полифоничность — продукт уже XIX века.

В предыдущий период лишь осваивались главные идеи и основополагающие принципы социального правоведения. Еще Екатерина II вынашивала план создать «хранилище законов», подразумевая под этим свод гражданских нормативных правил. Она сочувствовала и принимала близко выводы Монтескье: об органичности исторического развития, о произвольности законов, о соответствии их с характером народа, условиями страны.

Но рядом с Монтескье, существовал Руссо, расставлявший акценты совсем иначе, прокламировавший идею о непреходящем соответствии «духа законов — духу времени», из чего делал вывод об уважении лишь к такому закону, который отвечал данной формуле. Но Руссо, как пламенный эгалитарист, признавал уместность и другого: свергать деспотов для установления равенства и справедливости. Робеспьер считал Руссо своим духовным наставником и его радикальные теории стали знаме-

нем насилия, теоретическим оправданием кровавых злодеяний якобинцев. В России одним из первых и наиболее одиозным эпигоном этой радикальной концепции являлся несостоявшийся «русский Робеспьер» — Павел Пестель.

В конце XVIII — начале XIX веков в России впервые обозначились два главных направления в восприятии русской государственной традиции. Первое сводилось к тому, что предметность форм и норм есть неперемное условие государственной деятельности. В ряду наиболее заметных представителей этого течения, которое условно можно обозначить как государственно-эволюционное, находился император Александр I и Николай Михайлович Карамзин. Именно их, вместе с Екатериной II, можно считать родоначальниками государственно-либерального направления, проявившегося так ярко в ореоле своих достижений и неудач в эпоху Александра II, в 60-е — 70-е годы XIX века.

Второй же подход был куда более радикальным и принимал лишь те положения, правила и учреждения, которые отвечали «духу времени», или так называемому «прогрессу», трактуемому весьма субъективно. Провозвестником этого направления можно считать А.Н.Радищева, писавшего в «Путешествии из Петербурга в Москву»: «Не дерзай никогда исполнять обычая в предосуждение закона. Закон, каков ни худ, есть связь общества. И если сам Государь велел тебе нарушить закон, не повинуйся ему, ибо он заблуждается себе и обществу во вред». Хотя Радищев и не отрицал, что в России «Государь есть источник законов», весь пафос его сочинения направлен на подтверждение тезиса Руссо о том, что есть «законы всем во благо», а есть «во вред».

От Радищева иногда выводят первородство русской интеллигенции, той ее части, которая придерживалась левых убеждений и принципов и которую отличал откровенный нигилизм в отношении национальной правовой традиции. Вполне обоснованно видеть в Радищеве родоначальника либерально-радикального направления, занявшего в начале XX века господствующие позиции в общественной мысли, пуб-

лицистике, и можно сказать, и во всей политологии того времени, во многом определявшей общественную ситуацию в России.

Уместно заметить, что все общественные понятия в большей или меньшей степени условны, а применительно к исторической реальности различной поры одна и та же дефиниция далеко не всегда включает в себе схожий смысл. Это касается и такого важного определения как либерализм. В политическом обращении этот термин появился в XIX веке. Именно в первой половине XIX века Россия обрела первых «либералистов», ставших еще через полвека законодателями общественной моды и общественных настроений. Сам же термин «либерал» утвердился в 60-е годы XIX века, в период реформ, сторонников которых и окрестили таким образом; за их же противниками утвердилась презрительная кличка «охранители».

В европейской политической традиции либерал — это приверженец свободы личности, сторонник правовой государственной системы, построенной на защите гражданских прав и политических свобод индивидуума. В Западной Европе либерализм развивался в рамках сложившегося гражданского строя, основанного на сильном среднем сословии и развитой городской цивилизации. Вообще либерализм есть порождение городской цивилизации, его утверждение и распространение связано не только с доминированием города в экономической и социальной жизни, но и во всем строе государств. Там, где либеральные идеи приобретали форму политической доктрины или программы, переходили в государственную практику, города включали если и не большую, то во всяком случае значительную часть населения.

В России дело обстояло иначе. Она являлась страной традиционной сельской культуры и самобытной цивилизации и показатели городского населения здесь измерялись совсем другими величинами. Для начала XIX века это около 7 процентов, а для конца века лишь 13 процентов. Только накануне

не первой мировой войны городское население приблизилось к 20 процентной отметке.

В России либерализм, оторвавшись от первоосновы, приобрел очень несхожие со своим европейским оригиналом черты. Толерантность, безусловное уважение к собственности, неприятие насилия для достижения политических целей — это родовые признаки европейского либерализма у русских эпигонов пиететом не пользовались. Чем дальше, тем больше у русского либерализма начали проступать радикальные и даже тоталитарные черты. Это трагическая ориентация со всей очевидностью обнаружилась, когда либералы начали создавать свои политические структуры.

Но некоторые признаки мировоззренческих приоритетов вполне отчетливо просматривались и раньше. В 1880 году Константин Леонтьев написал специальную работу «Чем и как либерализм наш вреден?», где заметил: «Либерализм, как идея по преимуществу отрицательная, очень растяжима и широка... У либералов все смутно, все спутано, все бледно, всего понемногу. Система либерализма есть, в сущности, отсутствие всякой системы, она есть лишь отрицание всех крайностей, боязнь всего последовательного и всего выразительного... Множество людей либеральны только потому, что они жалостливы и добры; другие потому, что это выгодно, потому, что это в моде». Леонтьеву вторил Салтыков-Щедрин, в ту же эпоху с сарказмом писавший, что в России расплодилось так много либералов, что «ими заборы можно подпирать».

Если даже отбросить полемические издержки, то нельзя не признать, что в одном Леонтьев безусловно прав: либерализм возникал, развивался и существовал как течение, умонастроение, мироощущение сугубо отрицательное. В России все плохо, все никуда не годится, все надо перестраивать. Так часто писали иностранцы о России, того же мнения придерживались и отечественные либералы, которых называли еще «русскими европейцами», но которых без натяжек можно называть «русскими иностранцами».

Не либерализм был плох сам по себе и не те приемы, нормы и те принципы, которые он исповедовал, которые он стремился утвердить в России, чтобы установить порядок, при котором законы соответствовали бы «духу времени». Плохо было лишь то, что в расчет почти никогда не принимался «дух народа», специфика страны, очевидная эндемичность России.

В своих записных книжках Александр Блок, имея в виду отечественных либералов, писал, что это «умные, но бескрылые люди». Поэт несомненно ошибался. Крылья в данном случае были. Они-то как раз и позволяли русским «европейцам и джентельменам» возноситься в своих мечтах так высоко, что уж и земли-то не различали. Если развивать блоковскую метафору, то можно сказать, что это была умная, крылатая птица, которой не доставало лишь одного — ног. Русским либералам-оппозиционерам всегда не хватало того, что отличает прожектера от реального политика: умения стоять на русской земле и чувствовать ее, эту землю.

Вскоре после прихода к власти большевиков начались мучительные прозрения. Страстный ненавистник самодержавия Петр Струве сделал для себя удивительное открытие и написал в 1918 году: «Один из замечательнейших и по практически-политической, и по теоретически-социологической поучительности и значительности уроков русской революции представляет открытие, в какой мере «режим» низвергнутой монархии, с одной стороны, был технически удовлетворителен, с другой — в какой мере самые недостатки этого режима коренились не в порядках и учреждениях, не в «бюрократии», «полиции», «самодержавии», как гласили общепринятые объяснения, а в нравах народа, или всей общественной среды, которые отчасти в известных границах даже сдерживались именно порядками и учреждениями».

Удивительно не то, что Струве ранее не знал русской реалии, так называемого «исторического материала», из которого либералы намеревались вылепить совершенную западноевропейскую правовую модель. Удивительно, что многие другие

так и не уразумели той истины, которая была доступна пониманию Екатерины II за полтора века до того.

На русском кладбище на Олышанах в Праге покоится прах известнейшего деятеля «активистского крыла» кадетской партии, участника многих важных событий, лидера большинства Первой Государственной Думы Ивана Петрункевича, умершего в 1928 году. По желанию вдовы на надгробной плите высечены проникновенные пушкинские строки:

*«Свободы сеятель пустынный
Я вышел рано, до звезды».*

Эту эпитафию можно воспринимать не только как надгробное слово, адресованное усопшему; это и эпитафия всему российскому либерализму, так легкомысленно, так бездарно проигравшего по всем статьям свою историческую партию. Эти деятели пришли до срока, они оказались воистину преждевременными людьми.

Но все либеральные политические дебюты, провалы, прозрения и эпитафии появились позднее, а завязка драматического сюжета, его пролог обозначились в начале XIX века, в эпоху «александровской весны». Именно тогда зазвучали голоса о необходимости введения в России конституционного правления, о необходимости учредить представительные институты. И первую программу подобного рода преобразований предложил Михаил Сперанский.

Его идеи захватили воображение немалого числа людей в России: от Чаадаева и классических западников 40-х годов, до Сергея Витте и Павла Милюкова включительно. Находившийся при власти и во власти почти четыре десятка лет, современник крупнейших событий, такой человек не мог не ощущать колебаний «духа времени». Взгляд и представления его менялись. Можно даже утверждать, что существовало как бы несколько Сперанских. В контексте темы о предыстории парламентаризма в России, интересен тот, который предложил сумму социальных и политических преобразований в первое десятилетие XIX века.

Сперанского мало занимали чистые идеи и их общественная проповедь. Он не был мыслителем, а являлся и по должности, и по предназначению высокопоставленным чиновником, стремившимся внедрить в политическую практику некоторые принципы, представлявшиеся особо значимыми. Наиболее полно взгляды Сперанского отражены в его записке 1809 года. Она называлась «Введение к уложению государственных законов» и предназначалась для Александра I. Подвергая уничижительной критике тиранию и все виды «рабства», он выступал за введение конституции, за разделение функций властей, за учреждение высшего представительного органа. По его мнению, права гражданские хотя и могут существовать без прав политических, но в таком случае не могут быть надежно обеспечены. Его главная идея сводилась к тому, что «правление, доселе самодержавное, поставить и учредить на твердом законе».

Политические права, по мысли Сперанского, должны были получить лишь имущие, то есть преимущественно и главным образом дворяне. Он, конечно же, знал, что еще в эпоху Екатерины II, эта социальная группа получила, так сказать, гражданскую сатисфакцию. Жалованная грамота 1785 года, а еще ранее манифест 1782 года, а еще ранее, при Петре III, Указ о вольности дворянства 1762 года наделяли дворян универсальными гражданскими правами: освобождением от государственных повинностей, правом владения и свободного распоряжения собственностью, правом судебной защиты, правом общественного самоуправления.

Но Сперанский знал и другое: Павел I рукой самодержца ограничил некоторые из этих прав. Хотя Александр I восстановил все в первоизданном виде и добавил некоторые новые штрихи, но возможность поворота к самовластью, очевидно, заставила Сперанского выдвинуть идею о непеременимом законе. Здесь нет нужды и возможности подробно говорить о прочих его предложениях. Отметим лишь принципиально важное: его желание создать «правильную монархию» вполне понятно и объяснимо, и такая мысль была действительно со-

звучна «духу времени». Но то, что он конкретно предлагал, было попыткой синтезировать гражданский кодекс Наполеона с самодержавием, православием и крепостным правом. И эта попытка ни при каких условиях не могла быть удачной. Его умозрительные построения большей частью являлись лишь либеральной маниловщиной.

Сперанского иногда представляют чуть ли не отцом-основателем либерально-государственного течения в высших коридорах власти. Думается, что это не совсем правильно. Ранний Сперанский — это прожектор, считавший, что юридические нормы важнее социальных и экономических условий и проблем, в области которых он как раз-то практически ничего и не предложил. Сначала надо создать «разумные», «правильные» законы, а лишь затем приступить к решению всех прочих задач. Это не соответствовало курсу реформаторства, который осуществляла власть на протяжении XIX века и начала XX, и который олицетворяли Н.Н.Новосильцев, П.Д.Киселев, Александр II, а позднее — П.А.Столыпин. Исходные установки здесь были совершенно иными: постепенное социальное реформирование, изменение хозяйственных и общественных условий, норм и институтов, а лишь затем, по мере вызревания условий и необходимости, проводить преобразования на высшем политическом уровне. Образно говоря, если у Сперанского телега стояла впереди лошади, то реформаторы-государственники расставляли все по-другому, предлагая более медленный, эволюционный путь.

Подход раннего Сперанского приняли позднее те, кто находился в оппозиции к власти — русские радикал-либералы, как раз и выступавшие за исходное кардинальное политическое переустройство, без которого, как многие были искренне убеждены, никаких улучшений в других областях жизни добиться невозможно. Это радикально-либеральное течение нашло свое законченное воплощение в главной партии российского либерализма: конституционно-демократической или кадетской.

Действительно: в России еще не сложилось адекватных социальных условий, еще не было общественных элементов, способных стать субъектом права и носителем права в европейском понимании этой категории, а уже якобы требовалось устанавливать широкие демократические процедуры и наделять либеральными правами тех, кто пользоваться ими не умел и не хотел. В начале XIX века еще были живы воспоминания о бесславном провале екатерининской Комиссии об уложении, созданной для выработки свода законов, где заседали представители сословий. Почти за два года работы, кроме препирательств, сетований на тяжесть жизни, она себя ничем не проявила, утвердив лишь одну норму: регламент поднесения императрице адреса.

Гражданское общество везде формировалось постепенно, правовые нормы и институты утверждались шаг за шагом, при установлении определенного паритетного кондоминиума между исторической властью и третьим сословием. В России, которая, как утверждалось, «отстала», требовали идти совсем другим путем.

Конечно, сослагательное наклонение не может быть методом познания истории. Но неизбежно возникают вопросы, ответить на которые без такого приема невозможно. Ну, хорошо, утвердили бы конституцию во времена Александра I, провели бы цензовые выборы и создали бы так называемых «народных избранников» в Государственной Думе. А дальше? Ведь в конце концов главный вопрос, стоявший всегда при начале реформирования государственных институтов и структур: эффективность деятельности государственной машины. Что, ускорилось бы экономическое развитие, убыстрилась бы социальная эволюция? Сомнительно. Сперанский предлагал, чтобы власть разделила права и обязанности с дворянской олигархией, которая одна только и могла доминировать в составе «народных избранников». А олигархическое правление ничего никогда не улучшает, а по большей части лишь консервирует.

Важнейшим моментом является не представительство само по себе (конституции и декоративные представительства

могут существовать и при абсолютистских, и при тоталитарных режимах), а то, что могли предложить власти те, кто находился вне ее и путем конструирования системы представительства оказался бы у руля правотворчества. Ничего оригинального, конструктивного дворянство предложить не могло, а то, что появлялось «на рынке идей» и что соответствовало «духу страны» принималось и без шумных ассамблей. И не случайно, из перечня мер Сперанского Александр I решил внедрить лишь то, что не нарушало традиции преемственности, а служило улучшению работы государственного аппарата. В России появились министерства и Государственный Совет.

Удивительно, что и через сто лет положение во многом напоминало александровскую эпоху. Программа, принятая кадетской партией, в ряде принципиальных пунктов противоречила европейскому либеральному канону, отдавая дань традиционному русскому политическому прожектерству. По сути дела, существовавшая к 1906 году реальная система власти просто отбрасывалась, на смену ей кадеты выдвигали совершенно иную конструкцию, построенную на всесии парламента, избранного всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Кадеты ратовали за немедленное введение широких демократических процедур в стране, где большая часть населения не умела ни читать, ни писать! Но кадетов русская реалья не смущала. Они шли еще дальше по пути своего радикализма и даже, что является совершенно немыслимым для партии либеральной направленности, подыгрывая левым элементам, признавали насильственное отчуждение частной собственности, а именно — земли.

Антилиберализм кадетов проявился не только в прокламированных стратегических целях, но и в тактике, в их повседневной практике. Кадеты не только не поддержали столыпинской политики, политики, направленной на поддержание мелкого собственника, частновладельческого хозяйства, в перспективе того самого гражданина, способного стать опорой всеобщей либерально-правовой трансформации России, но выступали резко против «методов и форм». Сам принцип в

теории они разделяли. Но будучи продуктом интеллигентной среды, где по образному выражению Федора Достоевского господствовала «идеология государственного отщепенства», не могли принять и одобрить политику государственной власти. Русские либералы в критический момент оказались заложниками своего отщепенского мировоззрения и объективно оказались союзниками тех, кто ратовал за разрушение.

И в отечественной историографии, и в зарубежной бытовало и до сих пор бытует мнение, что на арене общественной борьбы в России действовало как бы три главные силы, или, в соответствии с ленинской терминологией, «три лагеря»: реакционно-охранительный, буржуазно-либеральный, радикально-социалистический. В действительности, чаще всего противодействовало два течения: традиционно-государственное и оппозиционно-революционное.

Вся политическая деятельность главной силы русского политического либерализма — кадетской партии — тактика, приемы и методы вели не к реформированию существующего, а к крушению. В этой связи не будет гиперболой считать, что лидер кадетов Милюков был куда ближе к Ленину, чем к Столыпину. Руководство кадетов постоянно подчеркивало, что у их партии «врагов слева нет», а после крушения монархии, выступая в Таврическом дворце, Павел Милюков прямо заявил, что «мы и наши друзья слева одержали совместную победу». И это не было только неудачным выражением.

Демагогическое словоблудие оказалось для них дороже и выше того самого «здорового смысла», на котором базировался европейский либерализм. Но «друзьям слева» кадетские страдалыцы за «народное счастье» были не нужны. Для будущего России политическая альтернатива тогда формулировалась так: или крайний радикализм, олицетворяемый самой дееспособной фракцией в лице социалистов-большевиков, или же авторитарно-либеральная монархия. Но лидеры политического либерализма легкомысленно считали, что есть третий, «их путь». В этом отношении Ленин был куда умнее и реалистичней, чем лидеры либерализма.

Через несколько десятилетий, когда все, что происходило в России в начале XX века, уже принадлежало истории, один из именитейших либеральных деятелей Василий Маклаков написал: «Но, что показала либеральная общественность в лице кадетской партии в эпоху Первой Государственной Думы? Она оказалась способной только мешать; мешала в их деле и революционерам, и реформаторам... А своих государственных людей она не выдвинула, потому, что свою созидательную силу они могли бы показать только в сотрудничестве с исторической властью; а этого кадетская партия не захотела». Соглашаясь в целом с умозаключением Маклакова, трудно признать лишь его утверждение о том, что кадетская партия «мешала революционерам». Если отбросить мелочи, то в главном кадеты не только не мешали, но своей умной и беспощадной критикой власти, всех ее начинаний, своей конфронтационной тактикой они эту самую власть раскачивали и способствовали крушению.

По сути дела сколько-нибудь значительной либеральной партии в России так и не возникло (ее нет и до сих пор). То же, что самоопределяется таким образом или обозначается в традиционной историографии и публицистике (в первую очередь кадеты) к этому родовому определению имеет в лучшем случае отношение лишь касательное. Это как с масонами: масоны в России были, а масонства, как общественно и политически значимой величины, не существовало (во всяком случае никто не доказал наличие подобного политического фактора).

За более чем десятилетний период нахождения на ведущих ролях в самодержавно-парламентарной системе кадеты не сумели предложить ни одного рационального законопроекта. Здесь опять проявился русский исторический парадокс: носителем либеральной программы стала не пресловутая общественность, а правительство, или то, что всегда называлось бюрократией.

Возникшая в реальности думская парламентарная модель стала результатом мучительных раздумий, размышлений в высших коридорах власти и драматических коллизий 1904-

1906 годов. Эта тема оказалась в центре общественного интереса. Когда появилась в апреле 1906 года новая редакция Основных Законов, очерчивавшая права и компетенцию всех государственных структур, то сразу разгорелись споры о том, соответствуют ли новая правовая ситуация «европейской демократической норме» или нет. Собственно, по-настоящему дискуссии возникали лишь в стенах самой Думы, в Государственном Совете и в частных собраниях. Публично, в прессе серьезного разговора и не было. В тот период подавляющая часть газет и журналов (по разным оценкам от 70 до 90%) придерживалась кадетской или околкадетской ориентации и не проявляла ни уважения, ни интереса к доводам и аргументам своих правительственных оппонентов. В реальной политической жизни русские либерал-кадеты куда чаще проявляли себя не как «оппозиция Его Величества», а как «враги Его Величества» и всего исконного миропорядка.

О несовершенстве и ограниченности законодательных норм и степени представительства, как и о конкретном структурировании и деятельности всех четырех Дум существует обширная историография.

В данном случае обозначим лишь два аспекта: во-первых, насколько новая иерархия власти отвечала «потребностям страны», которые в рациональных категориях обозначить невозможно; и второе — привела ли думская монархия к стабилизации общественно-политической ситуации. В первом случае есть все основания считать, что то, что получило реальное воплощение в 1906 году, можно считать пределом возможно; далее начиналась не модернизация государственной машины, а ее слом.

Что же касается стабилизирующей роли, то здесь вряд ли можно дать однозначный ответ. Дума существовала, действовала в столь напряженный период отечественной истории, что порой она выступала и как фактор стабильности, а нередко давала импульс радикализации антигосударственных настроений и антиправительственного движения в стране. Это особенно ярко проявилось в последний период существова-

ния монархии, в 1915-1917 годах, когда Государственная Дума превратилась в легальный центр антиправительственной (антигосударственной) деятельности и пропаганды.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Ю. И. Кирьянов:

Вы сказали, что кадеты не дали ни одного законопроекта. А вот в период первой мировой войны, в 1915 году, они создали Прогрессивный блок и выступали с требованием Министерства общественного доверия. Как к этому относиться с позиции Вашего высказывания?

В. П. Данилов:

Кадетское течение было единым, или существовали все-таки левое и правое крыло, по-разному или одинаково относившиеся, например, к Столыпину и к столыпинским реформам?

А. Н. Боханов:

Прежде чем говорить о Министерстве общественного доверия, я хочу затронуть один принципиальный момент. Когда были изданы законы о Государственной Думе, то одно из положений, а именно статья 14-я, гласила: «Члены Государственной Думы пользуются полной свободой суждений и мыслей по делам, подлежащим ведению Думы, и не обязаны отчетом перед своими избирателями». Критикуя Основные Законы, вынося беспощадные уничижительные вердикты российскому законодательству и всему порядку организации и деятельности Думы, ни один из «просвещенных и либеральных» никогда не заикнулся о несуразности второй части статьи 14-ой, законодательно утверждавшей политическую безответственность депутатов. Это положение было очень удобным. Думцы ни перед чем и ни перед кем отчета не держали и, являясь по сути собранием безответственных деятелей, тре-

бовали создания ответственного перед ними правительства! Многие не несли даже моральной ответственности и перед Богом, так как русские либералы (не говоря уже о радикалах) в подавляющей массе являлись стойкими атеистами (слова Бог и Церковь были не из их лексикона).

Система социального представительства была очень условной. Поэтому считать, что кадеты представляли и выражали «интересы страны» — значит игнорировать реальные социальные условия, в которых кадеты, их лозунги и программы, имели ценность для очень ограниченного круга лиц. Вряд ли эта величина даже в период наивысшего расцвета кадетизма достигала и 10% населения. При любых прямых и всеобщих выборах (о чем они говорили и писали непрестанно) кадеты неизбежно оказались бы партией ничтожного меньшинства и ни при каких условиях не могли рассчитывать стать во главе правительства.

Но здесь важно не это (выборы в Учредительное собрание в 1917 году наглядно продемонстрировали социальную неуместность кадетской партии), а другое — что же реально могли предложить стране либеральные интеллектуалы? Предложить же они ничего не могли и все их декларации — всего лишь набор красивых фраз и слов. Только один пример.

В своей программе кадеты записали, что для ликвидации крестьянского малоземелья допускается за счет государства отчуждение «частновладельческих земель с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой (не рыночной) оценке». Ну, допустим, что во имя «исторической целесообразности» нарушили незыблемый либеральный канон, признали необходимым административными (не финансовыми) мерами перераспределять землю, но тогда надо объяснить: как эту меру реализовывать, кто ее будет реализовывать, из каких средств (за «счет государства» — это за счет кого?) и в какие сроки; надо было сказать, кто и как будет устанавливать «нерыночную оценку». Но всего этого как раз кадеты и не объяснили. Для них главное было «попасть в тон» общественным настроениям, завоевать популярность, все же ос-

тальное для них являлось несущественным. И эта партия социальной безответственности намеревалась своими министрами «осчастливить» Россию!

Конечно, внутри кадетской партии существовали различные фракции, происходили внутрипартийные дискуссии, иногда выплескивавшиеся и на страницы газет. С одной стороны там были И.Петрункевич и Ф.Родичев (левое крыло), а с другой — В.Маклаков (правое крыло). Где-то между ними находился П.Милюков. Все они далеко не всегда одинаково воспринимали тактическую линию кадетской партии и различные аспекты государственной политики. Но в главном, в своих узловых стратегических ориентирах и тактических приемах эти разногласия не носили принципиального характера. Это в частности касалось и солидарно-критического отношения к Столыпину и его курсу социальной модернизации. И по целому ряду других ключевых моментов их позиции соответствовали общеинтеллигентской, либеральной традиции отчуждения от власти. Здесь существенных различий, скажем, между Милюковым и Маклаковым не наблюдалось. К чести последнего стоит сказать, что этот некогда влиятельный политик, очевидец и участник важнейших политических событий, в эмиграции нашел в себе силы и мужество критически переоценить и свою, и своих прежних единомышленников деятельность.

Вообще, критическая самооценка не свойственна русской политической культуре, а число раскаяний очень невелико. В эмиграции разгорелась полемика между Милюковым и Маклаковым по поводу дней миновавших, но не ушедших. Маклаков высказывал критические суждения и по поводу тактики кадетской партии, и по поводу общественного поведения интеллигенции. Милюков же рьяно защищал правоту «кадетского дела» и во всех последующих бедах России винил лишь царскую власть, в радужных красках рисуя деятельность своей партии в период создания Думы в последующие годы. Свои очевидные ошибки и провалы так и не признал.

Конечно, спектр либеральных течений на русской политической сцене кадетской партией не исчерпывался. Существовали и другие, и наиболее заметной среди них являлась партия «Союз 17 октября». Октябристов с большим основанием можно относить к традиционно-европейским либеральным партиям. Однако это течение в общем-то являлось не партией в строгом смысле этого слова, а скорее — общественным движением, объединявшим очень несхожие по-своему социальному положению и политическим пристрастиям группы. Это своеобразная амальгама, а не партийная структура, которая, тем не менее, на небольшом отрезке времени, в период Третьей Думы (1907-1912), смогла конструктивно воздействовать на социальную обстановку, оказывая поддержку правительству П.А.Столыпина. Однако эта поддержка была далеко не безусловной, а вскоре, еще до гибели П.А.Столыпина, сошла почти совсем на нет.

Если кадеты считали Манифест 17 октября «лукавой декларацией», то октябристы видели в Манифесте Конституцию и считали, что в этого момента Россия получила широкие демократические процедуры и политические свободы, а раз так, то они должны стать «непреложным законом» для всех инстанций и государственных служащих. Такой подход нельзя не назвать деструктивным. Ведь ни при каких условиях Манифест 17 октября 1905 года конституцией назвать было нельзя. Это лишь — декларация власти.

В.Я.Гросул:

Несколько месяцев назад вышла книга четырех наших университетских коллег «Становление российского парламентаризма». Хотелось бы знать мнение докладчика об этой книге. Авторы ее понятия «конституционный период», «конституция», «парламент» ставят в кавычки.

Второй вопрос. В докладе говорится о Государственной Думе, но о Государственном Совете почему-то не упоминалось. Но как разуметь так называемый «парламент» в этом контексте, поскольку обе так называемые «палаты» готовили

законодательные предложения, а не сами законы. Как это понимать?

А.Н. Боханов:

Сначала по поводу кавычек. Здесь ничего необычного нет. Так всегда поступали и Милюков, и Ленин, их единомышленники и многочисленные эпигоны. Поэтому уместней обсуждать, выражаясь языком музейных работников, не «копийный материал», а оригиналы. Необходимо сначала прояснить, что собственно включает в себе понятие конституция. Термин этот достаточно условный. Чаще всего под ним подразумевается совокупность правовых актов, определяющих политическое устройство государства, функции и взаимодействие главных элементов государственной системы.

Это отнюдь не значит, что в конституционном государстве обязательно существует некий компактный кодекс норм, на обложке которого начертано слово «конституция». Например, в Англии до сих пор подобного Основного Закона не существует, но вряд ли кто может усомниться, что это правовое государство. В то же время при Сталине, в эпоху абсолютного произвола и бесправия, в нашей стране имелась «конституция», прокламировавшая самые широкие права. Поэтому сам по себе спор о том была ли в России конституция или ее не было мне представляется схоластическим.

Значительно важнее понять другое: что за преобразования произошли в России в 1905-1906 годах. Споры по этому поводу разгорелись сразу же после появления Манифеста 17 октября 1905 года и с новой силой возобновились после издания новой редакции Основных Законов от 23 апреля 1906 года. Одни уверяли, что раз было сохранено само понятие «самодержавие», то ни о каком конституционном строе говорить не приходится и все эти законодательные нововведения лишь «лже-конституция».

Другие же, наоборот, указывая на основополагающие законодательные положения, считают, что конституция в России была и что с 1906 года страна стала конституционной монархией. Правда, никто не спорил с тем, что царь сохранял

огромные властные прерогативы. Из этого некоторые заключали, что абсолютизм лишь поменял свое обличье, а другие, ссылаясь на различные примеры из истории других стран, утверждали, что подобное положение не было исключительным и что это тип не «парламентской», а «дуалистической» конституции, или основного закона, характерного для переходного периода от авторитаризма к классическому парламентаризму. Последняя точка зрения представляется наиболее исторически достоверной.

Много было потрачено сил и времени на то, что можно назвать «войной слов». Либералы придрались к сохранившемуся в законе понятию «самодержец» и постоянно упрекали власть, что она не пользуется словом «конституция», которое действительно было нелюбимо царем и его окружением. Но ведь в конце концов дело было не в словах, а в сути происшедшего социального реконструирования. Основные Законы в 1906 году претерпели качественные изменения. Титул «самодержец» сохранялся лишь как дань исторической традиции и лишился своего единого содержания. Сами либералы-кадеты признали, что этот титул не противоречит понятию «конституция» и без оговорок подписали депутатскую присягу, где были слова о «верности самодержцу».

С Манифеста 17 октября и Основных Законов 1906 года облик власти, характер всей государственной системы претерпел существенные изменения. Впервые в истории император был как бы «вписан» в законодательно-правовую систему координат. Ему законодательно вменялось в обязанность соблюдать определенные правила поведения в вопросах политических. В России действительно начиналась конституционная эпоха.

Что же касается Государственного Совета, то он несомненно являлся составным элементом зарождавшейся парламентарной модели и его деятельность в новых условиях — чрезвычайно интересная и до сих пор почти неисследованная тема.

Когда у нас говорят о парламентаризме, то главный интерес фокусируется на Государственной Думе, фактографичес-

кая сторона истории которой очень хорошо описана. Но целиком складывавшуюся парламентарную модель, ее предысторию редко кто анализировал. В числе наиболее примечательных работ можно назвать книгу эмигранта В.Леонтовича «История либерализма в России», которая вышла несколько десятилетий назад за границей. Стараниями А.И.Солженицына это исследование появилось сравнительно недавно и в России.

Я думаю, что книга Леонтовича очень важная и нужная. Значение ее не в том, что там приведены какие-то неведомые ранее факты, а в том, что автор показал пример преодоления биполярного взгляда на русский общественный процесс. Ведь многие десятилетия бытовало мнение, что в России все было слишком примитивно, или как писал Милуков, «элементарно», и никакие глубокие и основательные изучения тут не требовались. Власть — это неизменно плохо, общественность (либеральная) — почти всегда хорошо. Подобные схемы привезли за границу эмигранты первой волны и их взгляды потом почти буквально воспроизводились различными зарубежными авторами. Эта направленность вульгарной «руссологии» господствует и до ныне в западной историографии (увы, распространены подобные писания и у нас!).

Леонтович же идет другим путем, пытается непредвзято разобраться в сложных и противоречивых коллизиях русской истории XVIII—XX веков.

Касательно же самого механизма законотворчества, то, действительно, обе палаты готовили законопроекты, которые становились законами лишь после утверждения их монархом. Но это обычная практика многих стран, и здесь ничего «специфического» я не вижу.

И еще об одном уместно сказать. Помяная часто кадетскую партию и ее лидера Милукова, я отнюдь не склонен приписывать им некую демоническую роль. Они лишь титул, исторический фокус куда более значительного явления. Кадетское объединение явилось продуктом определенной Среды, существовавшей задолго до возникновения конституци-

онно-демократической партии. В этой среде формировалась специфическая этика, мораль. Последние десятилетия перед 1917 годом здесь, безусловно, господствовало негативное отношение к власти и реальным социально-политическим условиям России. На политической арене либералы открыто заявили о себе лишь в XX веке, но их влияние ощущалось в социальной жизни значительно раньше. Можно даже говорить о психологическом либеральном терроре как о важном факторе русской жизни.

Примечательный в этом смысле эпизод описан в дневнике А.С.Суворина. Дело происходило в 1880 году, в день покушения Млодецкого на Морис-Меликова. Влиятельный журналист и маститый писатель беседовали о терроре и отвечали на вопрос: оповестили бы они полицию, если бы узнали, что готовится покушение на членов императорской фамилии. И оба ответили — «нет». Поясняя свою позицию, Ф.М.Достоевский заметил: «Мне бы либералы не простили. Они измучили бы меня, довели до отчаяния». Выдающийся писатель, уже почти на краю могилы, все еще боялся террора «либеральной общественности», отравившей жизнь многим людям в России, которые не хотели играть по правилам «русских европейцев».

В.С.Лельчук:

Верно ли, что Россия была обречена на тот путь, каким она и пошла в дальнейшем?

А.Н.Боханов:

Да.

М.Г.Вандалковская:

Приемы и методы, которыми пользовались кадеты, Вы рассматриваете как элемент парламентаризма?

Второй вопрос. Вы говорили о столыпинской реформе. Но ведь у либералов и кадетов много высказываний о том, что столыпинская реформа не дает никакого эффекта, поскольку она ведет к дифференциации крестьянства и к обострению в России классовой борьбы. Что Вы можете сказать по этому поводу?

А.Н.Боханов:

С 1906 года в России сложилась принципиально новая социально-политическая ситуация и русские либералы получили возможность открыто и громогласно популяризировать свои взгляды и представления. Возникавшая парламентарная система открывала здесь огромные политические возможности. Кто знал Милюкова раньше? Узкий круг интеллигенции. Когда же он в 1907 году стал депутатом Думы, получил все-российскую трибуну, то его имя вскоре стало известно всей стране. Хотя ничего конструктивного лидер кадетов не предлагал, но та многолетняя разоблачительная буффонада, которую разыгрывали кадеты под началом своего лидера, вызывала жгучий интерес «прогрессивной общественности» и читателей кадетских газет и журналов.

Их парламентская тактика не вела к общественной стабилизации. С чего началась работа Первой Государственной Думы? С истерической речи И.Петрункевича, в которой тот призывал власть, «во имя мира и согласия», объявить всеобщую амнистию. Но ведь амнистия по делам политическим была уже проведена после Манифеста 17 октября 1905 года. Так кого же надо было теперь амнистировать? А тех, кто участвовал в вооруженных нападениях с конца 1905 по апрель 1906 года. Кадеты требовали предоставить свободу уголовно-революционным преступникам, бомбистам и террористам, на счету которых были сотни жизней. Но разве кадетов подобные «мелочи» интересовали? Они их не занимали ни тогда, ни потом, и партия так и не осудила кровавые «деяния» своих «друзей слева». И такую партию традиционно именуют либеральной!

Что же касается сетований кадетов на неэффективность столыпинской реформы, на ее «жестокость», то здесь уместно сказать следующее. Во-первых, курс столыпинских социальных преобразований был рассчитан на длительную перспективу и никакого сиюминутного «эффекта» дать не мог, о чем и сам премьер не один раз говорил с трибуны Государственной Думы.

Во-вторых, столыпинская реформа действительно была чрезвычайно болезненной и здесь заключена важнейшая причина того, что власть очень долго не решалась приступить к кардинальной перестройке крестьянского землевладения и землепользования. Можно, конечно, спорить «рано» или «поздно» начались подобные преобразования, но невозможно не признать, что мера эта была необходимой. Она была нацелена на капиталистическую трансформацию аграрного сектора экономики и то, что кадеты на этот курс нападали, лишний раз подчеркивает, что эта партия по-настоящему буржуазной не была.

Н.А.Горская:

Чьим же детищем был русский парламентаризм начала XX века? Ставите ли Вы подобный вопрос и правомерен ли он вообще?

А.Н.Боханов:

Вопрос, конечно, правомерен. Конкретно выработкой законодательно-правовых основ представительства занимался царь, высшие сановники империи, ученые-правоведы. Можно обозначить здесь несколько этапов. Первый, условно называемый «булыгинский», приходился на первую половину 1905 года, когда формулировались главные принципы формирования и компетенция будущей Государственной Думы. Второй этап, который условно можно обозначить как «виттевский», начался с издания Манифеста 17 октября 1905 и закончился в апреле 1906 года. Существовал еще и третий этап, «столыпинский», связанный с корректировкой избирательного закона в 1907 году. На каждом этапе происходили совещания, многодневные обсуждения разных предложений и идей, и материалы этих совещаний (частично опубликованные) дают богатый материал для анализа умонастроений в высших коридорах власти и для характеристики политических представлений власть имущих.

Иногда в литературе встречаются указания на то, что в основу представительства были положены «идеи Сперанского». Подобное утверждение мне не кажется обоснованным. В

значительно большей степени, чем Сперанский, предложивший в свое время путаную и нежизнеспособную систему, здесь сыграли роль некоторые идеи другого русского государственника Н.Н.Новосильцева, отраженные в его «Уставной грамоте Русского Государства».

Ю.А.Петров:

Если либералы «качали лодку» и подрывали тем государственные устои России, то следует ли из этого, что другая сторона – правительство, эту «лодку» не раскачивала?

А.Н.Боханов:

Появление парламентарной системы – продукт развития либеральных идей; результат социального эволюционного процесса, заканчивавшегося конструированием определенного государственного института, фокусирувавшего интересы различных социальных групп. Это как бы теоретический постулат. На практике же часто все выглядит не совсем так. Это как раз и произошло в России. Либералы не хотели и не умели сотрудничать с властью, не стремились изыскать компромисс. Компромисс с правительством противоречил всему мировоззрению русской либерально-радикальной интеллигенции. По отношению к власти и государству они объективно выступали как нигилисты-ниспровергатели, хотя вряд ли действительно это сами осознавали. Мы же смотрим на те процессы по прошествии десятилетий, когда прояснилось многое из того, что современники или не замечали, или чему не придавали значения.

Что касается «другой стороны», то я далек от мысли идеализировать и правительственный курс, и конкретных государственных деятелей. Уместно подчеркнуть, что вне зависимости, так сказать, от «качества» самой государственной власти и ее носителей, начиная с 1906 года власть готова была пойти на сотрудничество с общественностью. Сам факт учреждения Государственной Думы и все попытки создать дееспособный законотворческий коллективный орган служат тому подтверждением.

В данном случае особый интерес представляет тема, затронутая уже не раз: возможно ли было конструктивное и перспективное сотрудничество между правительством и политическими деятелями кадетского толка. На этот вопрос можно ответить однозначно: нет. Ответственность власти базировалась на уважении традиции, на признании особой социальной природы России и на необходимости соблюдения преемственности форм и норм. За русскими же либерал-радикалами было лишь отрицание, или, как писал один современник, «шум и мишура».

А.Е.Иванов:

Вы полагаете, что «древо» парламентаризма совершенно было чуждо русской общественно-политической почве и более того: сама идея парламентаризма была не содержательной, а разрушительной, деструктивной, приведшей в сущности к расшатыванию и уничтожению традиционного государства?

А.Н.Боханов:

Я никогда не говорил, что такое «древо» было чуждо русской политической почве. Я подчеркивал лишь, что те модели, те лекала, те последние разработки новейшей европейской политической мысли, которые предлагали утвердить в России русские либералы — были несвоевременными и в этом смысле деструктивными. Естественно, что раз существуют различные социальные группы, то рано или поздно, но неизбежно встает вопрос о представительстве интересов. Чем дальше шло развитие, структурирование гражданского общества, формирование обособленных социумов, тем настоятельней требовалось изыскать некую историческую формулу, способную привести к балансу этих интересов. Поэтому парламентаризм, как система выражения и отражения сепаратных интересов, рано или поздно, но должен был появиться. И в 1906 году он стал реальностью и в России.

Конечно, уместно размышлять на тему: та эта форма или нет, вовремя она появилась, или нет. Ведь существовали разные уровни и стадии: в России — одни, в Австрии — другие; в

Англии — трети. Но порой умозаключения о пресловутом «несовершенстве» парламентарных форм построены на недооценке общенсторического материала. Уж сколько копий было сломано по поводу существования 87-ой статьи Основных законов, позволявшей императору в период между сессиями Думы издавать указы и формы законов. Сколько было произнесено гневных слов, сколько вынесено беспощадных вердиктов самодержавию. А ведь подобные нормы существовали в других странах. И даже уже в новейшее время, в конституции Французской Пятой республики, принятой на референдуме в 1962 году, существует схожая статья.

Можно сослаться и на другой пример. При сопоставлении прерогатив верховной власти и представительства в России и Германии, обнаруживается много общего. Конечно, это не одинаковые модели, но очень близкие. Существовали различия, специфические нюансы, объясняемые и культурными традициями, и историческими условиями, но при этом Николай II имел не на много больше полномочий, чем император Вильгельм II в Германии.

В.П.Данилов:

Здесь сравнение не очень корректное.

А.Н.Боханов:

Ну, почему же? С каких это пор сравнительно-исторические сопоставления стали так называться? Мне кажется, что некорректность состоит в другом: в изображении России неким безнадежным анклавом темноты, невежества и жестокости. Когда подобное постулируют профессора из Гарварда или Принстона, то это понятно и объяснимо. Но ведь аналогичное тиражируют без устали и многие отечественные авторы, в том числе и авторы учебников. Ведь еще А.С.Пушкин призывал записных отечественных западников уважительно относиться к прошлому, к делам своих предков. О каком уважении можно говорить, когда в некоторых опусах светлые страницы прошлого олицетворяют лишь деятели типа Пестеля, Добролюбова, Ленина и им подобные.

Конечно, много было в России и плохого, и темного, и жестокого. Кто же с этим спорит. Но прошлое надо восстанавливать во всем его многообразии, с учетом реальных обстоятельств времени, его нравов. Россия всегда являлась частью мирового сообщества. Думается, что давно пора рассматривать внутрироссийские процессы в контексте политических и социальных процессов в других странах. До сих пор подобные сопоставления, если и делаются, то почти неизменно ограничиваются набором ряда экономических характеристик, отражавших цивилизационные показатели развития в тот или иной период (выплавка чугуна и стали, протяженность железнодорожного полотна и т.д.). А что происходило в социальной жизни стран, которые по объему производства металла и, извините, по количеству ватерклозеттов, обгоняли Россию?

Ну, почему, например, повествуя об ужасах крепостного права, не упомянуть о том, что в «самой-самой» высоко чтимой нашими западниками Америке существовало настоящее рабство и работорговля, когда крепостная зависимость в России уже была упразднена. При этом крепостное право в России было отменено мирным путем, а для ликвидации работорговли в США понадобилась кровопролитная гражданская война, унесшая жизни почти 600 тысяч человек (значительно больше, чем Россия потеряла на полях сражений за весь XIX век). Или, скажем, почему, описывая тяжелое положение народов в России, не привести данные о том, сколько миллионов подданных Британии погибло от болезней и насилия, например, в Индии? Повествуя о жестокостях власти в России, уместно было сопоставить статистику казней по политическим мотивам, допустим, в России и Франции и попутно рассказать, что в демократической Франции в XIX веке не считалось зазорным, как в средние века, публично, на площадях лишать людей жизни. Или, когда пишут об этноконфликтах в России, то было уместно сообщить о том, сколько негров ежегодно в США линчевалось уже после ликвидации рабства (такие подсчеты существуют и цифры эти ужасающие). И так далее.

Естественно, тут обозначены, может быть в излишне полемической форме, лишь некоторые приемы сбалансированной оценки русского исторического материала. Но, думается, что сам метод сравнительно-исторических исследований открывает большие возможности.

Б.С.Итенберг:

Почему в своем выступлении Вы обошли вниманием вторую половину XIX века, когда возникали различные конституционные проекты?

А.Н.Боханов:

Многие важные моменты на пути от идеи конституционно-представительного правления в начале XIX века до ее реализации в начале XX века мной в данном случае упомянуты не были. Все этапы этого длительного процесса, разнообразные предложения, проекты в одном выступлении обозначить было просто невозможно. Моя цель состояла в том, чтобы сфокусировать внимание на начальной стадии возникновения исходных идей, и на конечной, когда эти идеи получили свое реальное институциональное воплощение. Все остальные периоды и направления общественной мысли без сомнения являются чрезвычайно интересными. И здесь, Вы совершенно правы, 60-70-е годы во многих отношениях весьма примечательная эпоха, закончившаяся так называемым проектом Лорис-меликовской конституции. О том времени написан целый ряд интересных работ.

С.В.Тютюкин:

В каком направлении, по Вашему мнению, эволюционировал наш парламент с 1906 по 1917 год? Стоял ли он на месте или совершенствовался, как-то менялся?

Второй вопрос. Каков, с Вашей точки зрения, коэффициент полезного действия этой системы за 12 лет? Бывший председатель недавней Думы И.П.Рыбкин в своей книге нашел много позитивного в деятельности Государственной Думы начала XX века.

И последний вопрос. Кто из отечественных парламентских деятелей дореволюционного периода лично Вам больше всего импонирует?

А. Н. Боханов:

За двенадцать лет существования Думы известные эволюционные изменения происходили. Они обуславливались и изменениями законодательных норм (Первая и Третья думы формировались на основе разных систем представительства) и политической обстановкой в стране. Однако не только внешние факторы определяли эти процессы. Внутри самого парламента складывались определенные традиции, приемы деятельности, касавшиеся как отношений между фракциями, группами, комиссиями, президиумом, верхней палатой в лице Государственного Совета, так взаимодействия с органами исполнительной власти.

Однако самая большая заслуга парламентарной модели состояла в том, что возникла новая политическая ситуация, при которой все должны были учиться жить и действовать по-новому. Не всегда это получалось и далеко не все овладели сложным искусством политической толерантности, но кое-какой примечательный опыт был накоплен.

Что касается вопроса о, так сказать, КПД, то трудно однозначно ответить, насколько законотворческий процесс в России стал качественнее. Здесь требуется отдельный, большой разговор. Но вот, что этот процесс не стал более быстрым в этом трудно сомневаться. Общеизвестно, например, что Государственная Дума потратила почти два с половиной года на обсуждение столыпинской аграрной реформы и утвердила ее принципиальные положения лишь в середине 1910 года, хотя она к тому времени уже реализовывалась три года.

Если же говорить о думских деятелях, которые лично мне импонируют, то стоит сказать вот о чем. У каждого историка наверное есть свои любимые и нелюбимые герои, но, думается, что следует, при рассмотрении больших исторических проблем стараться преодолевать личные симпатии. По этой причине я бы не хотел называть конкретных фамилий.

А.Н.Сахаров:

От имени Ученого совета благодарим Александра Николаевича за интересный, проблемный, несколько даже для нас неожиданный доклад. По существу он поставил вопрос не только и не столько о парламентаризме, сколько о том, как этот парламентаризм вписывался в историю России в целом, как парламентаризм сотрудничал с теми, кто был слева и справа. По существу это вопрос о государственной власти в России, о сущности российского самодержавия. Доклад коснулся многих проблем, над которыми мы работаем; это вопрос общеисторический, даже общецивилизационный. Этот вопрос непосредственно затрагивает и современное историческое развитие России. Поэтому наблюдалось некоторое шоковое состояние аудитории, что проявилось и в вопросах, и в отсутствии комментариев по этому докладу, потому что надо было поднимать и обсуждать глобальные проблемы российской истории.

Я думаю, что это весьма полезное дело, которое содействует развитию науки, особенно проблем истории России XIX—XX веков, познанию современной российской истории. Все это, конечно, требует дальнейшего осмысления, отработки всех затронутых проблем в институтских научных центрах, с дальнейшим выходом уже в прессу, на научные публикации. Мы надеемся, что работа, которая ведется сейчас Александром Николаевичем по новой теме, утвержденной в нашем Институте, с которой он сегодня вышел в первый раз на большую аудиторию, в дальнейшем получит реализацию в статьях и монографиях.

ГУЛАГ В СИСТЕМЕ ТОТАЛИТАРНОГО ГОСУДАРСТВА*

Прежде всего я хотела бы поблагодарить членов Ученого совета за предоставленную мне возможность сделать доклад по теме исследования, которое, хочу оговориться сразу, еще не закончено. Цель моих научных изысканий — изучить ГУЛАГ как социально-экономический феномен советского государства, проследить экономическую и социальную взаимозависимость ГУЛАГа и тоталитарного государства. В качестве главных направлений научного поиска мною выделены две проблемы: лагерная экономика и кадры ГУЛАГа.

В литературе встречаются различные толкования термина «лагерная экономика» — от расширительного, подразумевающего всю советскую социалистическую экономику с ее репрессивно-бюрократическими методами управления, до конкретно-исторического, имеющего в виду экономическую деятельность лагерей и колоний. В моем понимании, лагерная экономика — это особая система хозяйства, основанная преимущественно на использовании различных видов принудительного труда, прежде всего труда заключенных. В центре данной проблемы — вся хозяйственно-производственная деятельность НКВД-МВД. Исследуются, в частности, такие вопросы, как этапы развития и причины кризиса лагерной экономики, ее эффективность и рентабельность, производительные силы и производственные отношения в условиях применения принудительного труда и многие другие.

Понятие «кадры ГУЛАГа» также неоднозначно. В моей трактовке, оно не ограничивается составом служащих Главного управления лагерей и колоний, а включает в себя более широкий круг людей, чьи профессиональные обязанности были так или иначе связаны с осуществлением карательной политики и деятельности репрессивных органов тоталитарно-

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 20 октября 1994 г.

го государства. Свою задачу при исследовании данной проблемы я вижу в том, чтобы выявить количественный, социальный и национальный состав лагерных кадров, нарисовать социальный портрет работника ГУЛАГа, изучить его менталитет, психологию, нравственный облик.

Учитывая сложность намеченных задач, их масштабность и новизну, я не задаюсь целью подробно рассматривать состав и условия содержания заключенных, их смертность, побег и т.д. Эти и другие вопросы, касающиеся судеб заключенных, освещаются, главным образом, в контексте решения основных задач.

В силу своей специфики исследование базируется преимущественно на неопубликованных материалах. Архивные изыскания, проведенные мною в ряде бывших партийных и государственных архивов, позволили обнаружить комплекс уникальных документов, отражающих деятельность партийных, комсомольских и профсоюзных организаций ГУЛАГа. Среди этих документов — стенограммы закрытых партийных конференций НКВД и ГУЛАГа, протоколы партийных и комсомольских собраний отдельных лагерей и колоний; отчеты, сводки, донесения политотделов; резолюции профсоюзных собраний гулаговских работников и многое другое, что позволяет исследовать ГУЛАГ не только «изнутри», но и «снаружи», раскрыть его место и роль в истории советского общества.

Названные документы никогда ранее ни в российской, ни в зарубежной литературе не использовались по причине их строгой секретности. К сожалению, многие партийные материалы по-прежнему находятся на секретном хранении, поэтому я не всегда имею возможность давать ссылку на источник информации.

Среди документов, с которыми мне приходится работать, есть еще одна группа уникальных материалов — я называю ее «эпистолярное наследие ГУЛАГа» — это письма заключенных, отправленные на волю, как правило, нелегально, часто с риском для себя и того, кто помогал пересылке. Эти письма поступали в адрес общественных организаций, редакций цент-

ральных газет, партийных и советских органов, оттуда их пересылали в ЦК КПСС, где принималось соответствующее решение. Работать с этими документами чрезвычайно трудно в эмоциональном плане, поскольку они соединяют в себе боль и надежду, протест и отчаяние многих тысяч людей одновременно. Приведу в качестве примера строки из письма, адресованного редактору газеты «Известия». Заключение Н.И.Иванов пишет о советских концлагерях: «Там варварски отнимают человеческую жизнь. Ни один гитлеровец, американец в Корее и ни один первобытный варвар не подвергал человека экзекуциям, как над советскими заключенными в местах заключения... Ни один писатель и поэт не сможет описать это варварство, что происходит в советских лагерях». Письма заключенных зачастую бывают очень информативны, причем сведения, изложенные в этих документах, часто опровергают официальную информацию.

Есть еще одна очень важная группа документов, которая отражает работу центральных партийных органов, особенно тех структур, которые курировали деятельность ГУЛАГа. Эти документы весьма разнообразны, среди них можно найти самые неожиданные, начиная от шифрограмм Сталина с предложениями расстрелять ту или иную группу людей, до отчетов прокуратуры и материалов всевозможных ревизий. Сохранились, например, материалы фронтальной проверки крупнейшего лагерно-производственного комплекса «Енисейстрой» — это 6 объемных томов, в которых бригада работников ЦК КПСС подробнейшим образом зафиксировала все достижения и недостатки лагерного хозяйства, осветила кадровую ситуацию, проанализировала уровень рентабельности и т.д.

Как видим, источниковая база достаточно репрезентативна и позволяет вести исследование в заданном направлении.

Что касается историографии ГУЛАГа, то я позволю себе не останавливаться на этом вопросе, поскольку считаю, что он заслуживает отдельного рассмотрения.

Теперь обратимся непосредственно к предмету исследования. Лагерная экономика как особая система хозяйства

сложилась не сразу. В первые годы советской власти принудительный труд рассматривался, главным образом, как категория карательная, и в меньшей степени — как экономическая. Ленинские декреты предписывали наказывать взяточников, спекулянтов и прочих врагов народа «наиболее тяжкими, неприятными», «тягчайшими» принудительными работами. Учитывая классовый, а позднее и экономический характер проблемы, советская власть уделяла значительное внимание вопросам организации принудительного труда.

К середине 1921 г. в 122-х лагерях НКВД насчитывалось 352 производственные мастерские и 18 совхозов. Кроме того, Главное управление принудительных работ НКВД для организации труда заключенных арендовывало предприятия, а также формировало из заключенных артели, которые работали по подряду. Интересно отметить, что заказы разрешалось принимать только от советских организаций. Было бы неверно утверждать, что принудительный труд заключенных играл сколько-нибудь существенную роль в экономике страны в годы гражданской войны или в период нэпа. Однако именно в те годы закладывались основы будущей лагерной экономики, ставшей впоследствии существенной частью хозяйственной системы Советского Союза.

Широкое использование труда заключенных на строительстве ряда важных народно-хозяйственных объектов началось с начала 30-х годов. Однако говорить о планомерной и крупномасштабной экономической деятельности ГУЛАГа можно лишь со второй половины 30-х годов, точнее с 1938 г., когда резко возросла численность заключенных и заметно удлинились сроки наказания. Если в 1936 г. в СССР насчитывалось 13 лагерных комплексов, то весной 1938 г. их стало уже 33; только за зиму 1937/38 гг. НКВД организовал 13 новых лагерей, преимущественно лесного профиля, в которых разместил более 600 тысяч вновь поступивших заключенных.

Все последующие годы, вплоть до начала 50-х годов, происходил непрерывный рост количества лагерей и колоний. При этом, как отмечал позднее министр внутренних дел

Н.П.Дудоров, «дислокация исправительно-трудовых лагерей, их организационная структура и размеры лагерных городков, в которых содержатся заключенные, определялись, как правило, интересами хозяйственной, производственной деятельности».

Валовой объем промышленной продукции, выпускаемой ГУЛАГом, увеличивался довольно быстрыми темпами: в 1938 г. лагерная экономика дала продукции на 1,5 млрд. руб., в 1939 г. — на 2,5 млрд. руб., в 1940 г. — на 3,7 млрд. руб., план 1941 г. составил 4,7 млрд. руб. При этом доля так называемого «ширпотреба» в общем объеме промышленной продукции ГУЛАГа была относительно невелика и составляла в планах на 1941 г. 1,1 млрд. руб.

Накануне войны удельный вес некоторых видов продукции, выпускаемой предприятиями НКВД, в общем объеме народного хозяйства страны составлял: никеля 46,5%, олова 76%, кобальта 40%, хромитовой руды 40,5%, золота 60%, лесоматериалов 25%.

Кроме промышленной продукции, заключенные производили и сельскохозяйственную. В 1940 г. в хозяйствах ГУЛАГа насчитывалось большое количество мясопродуктового скота: более 60 тыс. коров, 290 тыс. овец и свиней. Крупнейшим мясозаготовительным предприятием страны считался совхоз-лагерь Карагандинский. Основанное на принудительном труде хозяйство Карлага приносило значительные убытки — по 20-30 млн руб. ежегодно, отходы скота исчислялись десятками тысяч голов.

Перечислить все, что добывал и производил ГУЛАГ практически невозможно. К 1940 г. лагерная экономика охватывала 20 отраслей народного хозяйства, среди которых ведущими были цветная металлургия (на ее долю приходилось 32,1% всей товарной продукции ГУЛАГа); лесозаготовка (16,3%); топливная промышленность (4,5%).

Наряду с промышленным производством важнейшим элементом лагерной экономики было капитальное строительство. В 1940 г. на долю НКВД приходилось 11% всех капи-

тальных вложений Советского Союза. Объемы капитального строительства НКВД ежегодно возрастали: в 1938 г. они составляли 3,1 млрд. руб., в 1939 г. — 3,6 млрд. руб., в 1940 — 4,4 млрд. руб. В плане на 1941 г. значилось 7,4 млрд. руб.

Резко повышая плановые задания на 1941 г., правительство рассчитывало не только на увеличение количества заключенных и усиление их эксплуатации, но и на значительный рост производительности труда, который был обусловлен, по мнению совнаркомовских экономистов, мощным развитием материально-технической базы лагерной экономики. Еще в апреле 1938 г. гулаговские начальники жаловались, что лагеря «совершенно не снабжены механизмами», а уже в апреле 1941 г. на III партийной конференции НКВД С.Н.Круглов, в тот период начальник отдела кадров, с удовлетворением отмечал: «За последние два года правительство СССР выделило для строек НКВД большое количество оборудования и транспортных средств». Однако, несмотря на интенсивное техническое оснащение лагерных строек и предприятий, большинство из них государственных заданий не выполняло, и дело было не только в том, что практически все строительство велось без смет и проектов.

Почему же не сбывались мечты госплановских чиновников о значительном росте производительности труда в системе НКВД? Конечно, прежде всего потому, что никто не учитывал ни принудительного характера труда, ни хищнического, расточительного характера лагерной экономики. Подневольный труд заключенных оказался значительно менее эффективным по сравнению с аналогичным трудом вольнонаемных рабочих. Уровень производительности труда на стройках НКВД был ниже, чем на стройках союзных наркоматов в среднем на 50%. Не справлялся ГУЛАГ и с плановыми заданиями по снижению себестоимости. Часто фактическая себестоимость лагерного производства в несколько раз превышала плановую. Например, 1 кубометр земли на строительстве северного тракта Чибью-Крутая должен был по смете стоить

1 руб. 6 коп., а фактически его стоимость, по подсчетам лагерных экономистов, составляла, как минимум, 6 рублей.

Говорить о развитии лагерной экономики и ее «достижениях» можно очень много, но картина все равно будет неполной, если мы не посмотрим на нее глазами гулаговских кадров, тех самых, которые организовывали производство, руководили, проверяли, охраняли, конвоировали и т.д. На закрытых партийных собраниях рядовые и руководящие сотрудники центрального аппарата ГУЛАГа в порядке критики и самокритики высказывали в довольно свободной форме собственное мнение о хозяйственной деятельности своего ведомства. Я позволю себе процитировать несколько наиболее типичных и характерных высказываний, обозначив дату собраний и не называя имен выступавших.

Апрель 1937 г. «Мы знаем, что подчас у нас в лагерях заключенные работали совершенно без выходных, сплошную тридцатидневку...»

Апрель 1938 г. «Корень зла в том, что лесные лагеря организовались, а деньги правительством не были отпущены... Не хватает лошадей, механизация поставлена плохо».

«Успехами ГУЛАГ не может похвалиться, особенно по лесу. При тех затратах, которые мы сделали, мы могли бы иметь больше... Наши лагеря организовывались без системы, некоторые капитальные здания построены на болоте, их теперь переносят».

Июнь 1938 г. «Деньги у нас есть. Партия и правительство оказали нам большую помощь специалистами. Направлено свыше 1200 человек в лагерь».

«Наши гулаговские организации страдают колоссальным перерасходом средств. Отдельные наши лагеря имеют до 40 миллионов рублей перерасхода».

«За 1937 г. в результате хозяйственной деятельности Ухтпечлаг имел 40 млн. руб. убытков, плюс за первые 6 месяцев 1938 г. еще 18 миллионов убытка... План задается заведомо с убытком. Получается, что даже при 100% выполнения плана все равно будет 5 миллионов рублей убытка».

«Мы строим гиганты, но как мы строим? В 1937 г. мы имели 240 млн. убытка только по строительству».

«ГУЛАГ — это «богатый дядюшка», балует деньгами стройки и лагеря».

Август 1938 г. «Мы работаем с заключенными, может быть, за редким исключением, враждебными Советской власти, в составе этих заключенных мы имеем до 70% осужденных за контрреволюционные преступления...»

«В ГУЛАГе много фактов вредительства: ненужные перевозки заключенных с места на место, неорганизованность санитарной работы, враги вносили инфекцию, портили рабочую силу, растрчивали лагерные деньги».

«Враги на Дальнем Востоке втирали нам очки, что движение на железной дороге Волочаевка-Комсомольск в основном уже открыто, на самом деле ничего подобного не было».

«На Ухте сообщают: «Ура! Новый фонтан нефти открыли!», на самом деле никаких фонтанов нефти нет».

Апрель 1939 г. «По ГУЛАГу около 60 млн. руб. неликвидов. Сейчас мы имеем совершенно свободные, открытые двери к несгораемому шкафу, к государственным деньгам».

Май 1941 г. «Вопросы питания, имеющие существенное значение в жизни лагеря, надо организовать таким образом, чтобы и питание являлось стимулом для лучшей производительности труда заключенных».

Прошу простить меня за столь обширное цитирование, оно обусловлено прежде всего тем, что названные документы позволяют представить реальное положение дел в лагерной экономике, передают колорит эпохи и в своей совокупности раскрывают менталитет кадров ГУЛАГа. Кроме того, выступления, аналогичные процитированным выше, звучали на протяжении более десяти лет; и в конце 40-х, и в начале 50-х годов на партийных собраниях ГУЛАГа говорили об одном и том же: об убытках и производственных потерях, о хроническом невыполнении планов, о фактах очковтирательства и массовых приписок, о плохом использовании «рабсилы» и необходимости бороться за сохранность «рабочего фонда».

С первых же дней войны ГУЛАГ организовал на своих предприятиях выполнение заказов для нужд фронта, перестроив производство всех промышленных колоний на выпуск боеприпасов, спецукупорки, обмундирования и другой военной продукции. К концу войны ГУЛАГ занимал второе место в Союзе по выпуску осколочно-фугасных мин и спецукупорки для боеприпасов. Среди заключенных начали активно выявлять специалистов и квалифицированных рабочих с тем, чтобы отправить их на работу в оборонную промышленность. В годы войны ГУЛАГ обеспечивал рабочей силой 640 предприятий других наркоматов, в то время как до войны заключенные выделялись только 350 предприятиям. Для обслуживания наиболее важных оборонных предприятий ГУЛАГ организовал 380 спецколоний, заключенные которых участвовали в производстве танков, самолетов, боеприпасов и т.д.

Я не буду подробно останавливаться на «достижениях» лагерной экономики в период войны — о них уже неоднократно писали в литературе, причем в некоторых работах делались попытки придать этим достижениям совершенно неуместный героический пафос. Отмечу только, что для миллионов униженных, морально подавленных, физически истерзанных заключенных работа в ГУЛАГе действительно была подвигом. Только во имя чего они совершали этот подвиг, и кто его оценил?

Во второй половине 40-х — начале 50-х годов советская система концлагерей достигает своего апогея. Это проявляется не только в значительном росте числа заключенных, но и в той экономической роли, которую начинает играть ГУЛАГ в послевоенные годы.

Еще накануне войны на базе производственных отделов ГУЛАГа были созданы в качестве самостоятельных главков несколько Главных управлений лагерей: лесной промышленности, железнодорожного строительства, горно-металлургической промышленности, промышленного строительства, шоссейных дорог и другие. Это были структурные подразделения НКВД, подчиненные непосредственно наркому. ГУЛАГ как главный источник рабочей силы выполнял в основном

функции, связанные с обеспечением режима содержания и изоляции заключенных.

В послевоенные годы в системе МВД создается ряд главков, непосредственно связанных с развитием оборонной промышленности, таких как Главное управление слюдяной промышленности, Главное управление «Главспецнефтьстрой». МВД монополизировало добычу алмазов, асбеста, апатитов, резко активизируется добыча цветных металлов.

В 1949 г. МВД выпустило промышленной продукции почти на 20 миллиардов рублей. На его долю приходилось по 100% добычи платины, слюды, алмазов; более 90% золота, свыше 70% олова, 40% меди, свыше 35% сажи, 33% никеля, 13% леса. Валовая продукция промышленности МВД СССР в 1949 г. составляла более 10% общего выпуска продукции в стране. Во что обошелся государству труд заключенных? Чтобы ответить на этот вопрос, заглянем в баланс доходов и расходов МВД СССР на 1949 г. — самый благоприятный в экономическом отношении. Расходы МВД были определены в размере 65,8 млрд руб., из которых собственными доходами предполагалось покрыть 33,5 млрд руб., остальные 32,3 млрд руб. министерство запрашивало из союзного бюджета. Требуемые ассигнования из государственного бюджета в первую очередь предназначались на содержание органов и войск МВД, лагерей для военнопленных и заключенных, состоящих на союзном бюджете — 20 млрд руб.; на покрытие расходов, непокрываемых собственными доходами, по содержанию заключенных — 4 млрд руб. и на капитальное строительство — 7,6 млрд руб. в доход же союзного бюджета МВД намечало сдать в 1949 г. 2,7 млрд руб., из них 2,2 млрд руб. от использования труда военнопленных и заключенных.

По сравнению с 1948 г. расходы, финансируемые из союзного бюджета, увеличились на 5,1 млрд руб. Основная часть этой суммы пошла на создание в 1948 г. пятнадцати новых лагерей особого назначения, на ограждение которых только одной колючей проволоки ушло 800 тонн. На 1 января 1949 г. в системе МВД насчитывалось 67 самостоятельных

исправительно-трудовых лагерей с десятком тысяч лагерных отделений и лагпунктов и 1734 колонии, в которых содержалось 2,4 млн. заключенных, из них 2 млн. человек трудоспособных. Более половины (почти 56%) составляли осужденные в возрасте от 17 до 30 лет.

Кроме заключенных, в системе МВД работали также вольнонаемные специалисты. В основном это были инженеры и техники различных отраслей промышленности и транспорта, специалисты сельского хозяйства, медицинские работники, юристы, экономисты, работники просвещения. Именно они считались главными исполнителями тех грандиозных задач, которые правительство ставило перед министерством. Место заключенных в экономической деятельности МВД определялось терминами «рабочий фонд», «рабсила» и даже «рабгужсила». Большинство вольнонаемных специалистов относились к среднему звену начальствующего состава и имели низшие офицерские чины.

С начала 50-х годов явственно обозначился кризис лагерной экономики. МВД катастрофически не справлялось с растущим объемом работ, хотя сметы по ГУЛАГу составляли уже несколько миллиардов рублей. «Великие стройки коммунизма» требовали для их осуществления огромного труда, причем труда добросовестного, квалифицированного, чего не могли дать подконвойные кадры. Было очевидно, что без применения сложной и разнообразной техники практически невозможно решить ни одну из поставленных перед министерством задач. Для использования дорогостоящего оборудования, которым все чаще оснащались стройки и предприятия, требовались надежные грамотные кадры, обладавшие достаточной производственной культурой и заинтересованные в результатах своего труда. Такими кадрами, как известно, лагерная экономика не располагала. В 1951-52 гг. ни одно из крупных лагерно-производственных управлений план не выполнило. «Величайшие стройки народного процветания», как их величали в газетах, сдавались в эксплуатацию с огромными недоделками значительно позже намеченных сроков. Анализируя

причины сложившейся ситуации, руководитель Главпромстроя Герой соцтруда А.Н.Комаровский пришел к однозначному выводу: «основной причиной является низкий уровень производительности труда».

О том, что лагерная экономика убыточна, что ГУЛАГ наносит государству значительный материальный ущерб, знали все, кто сталкивался с этой проблемой вплотную, но открыто на эту тему заговорили только после смерти Сталина. Во второй половине 1953 г. ЦК КПСС предпринял ряд проверок ГУЛАГа, которые позволили в какой-то мере определить его подлинную экономическую ценность. По сведениям заместителя начальника финансового отдела ГУЛАГа Рубанова, содержание лагерей и колоний в течение ряда лет не окупалось доходами от трудового использования заключенных, и ежегодно ГУЛАГ получал значительные суммы из государственного бюджета.

Вред ГУЛАГа определялся не только материальными убытками. Лагерная экономика сформировала у миллионов советских граждан устойчивое негативное отношение к труду. Туфта (зэки расшифровывали это слово как Техника Учета Фиктивного Труда) стала нормой производственной деятельности не только в ГУЛАГе, но и на воле. ГУЛАГ привил советскому обществу мысль, что можно работать, не получая за труд вознаграждения, приучил советских людей, в частности, ученых и специалистов, довольствоваться нищенской зарплатой и не требовать достойных условий труда. ГУЛАГ надолго затормозил развитие производительных сил в советской экономике. Лагерные производственные отношения — отношения раба и господина — развратили немалую часть советского общества. Сотни тысяч людей, служивших в системе ГУЛАГа в качестве охранников, начальников, политработников и т.д., считали вполне естественным жить за счет повседневной эксплуатации сограждан, превращенных в рабочий скот.

На этом я хотела бы закончить освещение сюжетов, связанных с лагерной экономикой, и перейти ко второй части моего исследования — проблеме кадров ГУЛАГа. Что же

представляла собой эта социальная группа, объединенная профессиональной принадлежностью к репрессивной системе тоталитарного государства?

В конце 30-х годов самым многочисленным в составе НКВД был аппарат Главного управления государственной безопасности (ГУГБ), на долю которого приходилось более 40% общего количества кадров комиссариата. На 1 мая 1938 г. в центральном аппарате ГУГБ насчитывалось 2159 штатных сотрудников, из них 1316 коммунистов, 328 комсомольцев и 515 беспартийных. В моем распоряжении есть материалы, отражающие социальный, национальный, половозрастной состав членов партийной организации ГУГБ, а поскольку все оперативные и руководящие работники состояли в рядах ВКП(б), то я сочла возможным использовать эти сведения для общей характеристики чекистских кадров.

По социальному происхождению все сотрудники традиционно делились на три категории: крестьяне составляли 10,2%, служащие — 43,5%, рабочие — 46,3%. Следует заметить, что реальной картины социального происхождения такое деление не давало, т.к. многие кадры происходили из семей мелких торговцев, не крупной буржуазии, низших чинов офицерства, ремесленников, духовенства и т.п. К какой категории из трех они себя причисляли, я точно сказать не могу.

Наибольшую возрастную группу — 66,3% — составляли зрелые кадры в возрасте от 31 до 40 лет. Численность женщин в аппарате ГУГБ была примерно такой же, как и в других госучреждениях, на их долю приходилось 10,3%.

Образовательный уровень сотрудников был невысок: лиц с высшим образованием насчитывалось 8,8%, со средним — 30,3%, остальные кадры (60,9%) имели образование в объеме нескольких классов средней школы. Для неграмотных при НКВД работала ликбезовская школа.

Национальный состав руководящих и оперативных кадров ГУГБ был достаточно разнообразным. Наиболее многочисленную группу составляли русские — 64%, далее шли евреи — 16,6%, украинцы — 7%, латыши — 3,3%, белорусы —

2,1%, армяне – 1,5%, остальные 5,5% составляли кадры более полутора десятка национальностей.

Что касается профессиональной подготовки личного состава ГУГБ, то можно сказать, что применительно к оперативным кадрам такого понятия в тот период вообще не существовало. Чаще всего в органы шли работать люди, не имевшие ни специальности, ни образования, но наделенные обостренным «классовым чутьем» и имевшие вкус к подобной работе. Достаточно типичной можно считать такую производственную характеристику: «Дубовик А.Д. пришла на работу неграмотной, курьером; взялась за учебу, учится без отрыва от производства в средней школе, принята в члены ВКП(б), переведена на оперативную работу».

Жаловаться на отсутствие заботы со стороны партии и правительства или собственного руководства кадрам госбезопасности не приходилось никогда. Даже рядовые сотрудники оперативных отделов НКВД имели объем материальных благ, значительно превышавший средний по стране уровень потребления. Система Главспецторга обслуживала семьи личного состава не только продовольственными, но и промышленными товарами. К услугам чекистов были спецателье по пошиву одежды и обуви, многочисленные столовые, клубы, подмосковные и курортные дачи, дома отдыха, санатории, спецполиклиники и многое другое, о чем простые советские граждане не смели и мечтать. Единственным нерешенным вопросом оставался квартирный, но и он был бы легко решен, если бы не постоянный приток новых кадров.

Целенаправленная политика льгот и привилегий делала службу в органах НКВД привлекательной для всех, кто стремился любыми путями подняться на вершину социальной пирамиды. Карьеристские устремления и беспринципность определенных слоев молодежи умело использовал в своей кадровой политике Л.П.Берия. Он привлек в органы госбезопасности тысячи новых энергичных сотрудников, одновременно уничтожив мощный кадровый пласт, служивший в

свое время инструментом утверждения режима личной власти Сталина.

В 1939 г. из оперативного состава НКВД было уволено 7372 человека, в том числе из центрального аппарата 695. За это же время чекистские кадры как в центре, так и на местах пополнились на 14500 человек. На работу в центральный аппарат поступили 3460 человек. 76% всего нового пополнения пришли из партийных и комсомольских организаций, более 60% вновь прибывших имели высшее или неоконченное высшее образование. Это были молодые, политически и социально активные кадры, преимущественно русской национальности.

Весной 1939 г. по решению 18 съезда ВКП(б) в НКВД сформировалась единая партийная организация. В феврале 1940 г. партком наркомата объединял 112 первичных парторганизаций, в которых состояли на учете 6731 человек. По социальному происхождению все партийные кадры делились на три группы: к рабочим себя относили 42,5% коммунистов, к служащим — 47,8%, крестьянское происхождение указали 9,7%. Как видим, по сравнению с 1938 г. несколько возросла категория служащих и соответственно уменьшилось количество рабочих.

Анализ возрастных групп показывает, что в целом кадры НКВД помолодели, а количество женщин несколько уменьшилось. Заметно повысился образовательный уровень партийных кадров. Коммунисты с высшим образованием составляли 20%, а с низшим и начальным — 39%. Весьма значительные изменения произошли в национальном составе. Во-первых, резко возросла доля русских, они составили 80,2% от общего количества партийных кадров. Во-вторых, значительно сократилось количество евреев, их осталось 6,3%. Национальные группы украинцев и белорусов практически не изменились. Что же касается представителей других национальностей, то их доля сократилась весьма существенно, количество латышей, например, которых традиционно было относительно много в аппарате ВЧК-ОГПУ, вообще сократилось до

0,1%. Таким образом, мы видим, что, несмотря на общесоюзный статус НКВД, его кадры формировались преимущественно из русских слоев населения, что вполне соответствовало возрождавшимся имперским традициям Российского государства.

На фоне элитарного положения сотрудников органов госбезопасности кадровая ситуация в ГУЛАГе выглядела совсем по-иному. Чтобы наглядно представить сложившуюся ситуацию, послушаем мнение заместителя начальника ГУЛАГа И.И.Плинера. Вот выдержки из его выступления 8 апреля 1937 г. на отчетно-выборном партийном собрании ГУЛАГа: «За последние 4-5 лет мы добивались того, чтобы получить людей и нам людей все-таки не давали. Нам давали отсев от других отделов, нам давали по принципу — на тебе боже, что нам не гоже... И в лучшем случае нам давали таких, которые спились — раз человек спился, дают его в ГУЛАГ. Когда я говорил, кого вы нам даете, мне отвечали: «Бросьте, вы перековырываете преступников, а этот человек не совсем пропащий». По этому признаку нам давали людей, по этому признаку у нас укомплектованы большинство аппаратов в лагерях. С точки зрения аппарата НКВД, самое большое наказание, если кто-то провинится, — это посылка его в лагерь на работу... К комплектованию кадров нашей системы враги подходили по-вражески; давали нам всякую сволочь, иногда фиксировали: из органов уволить, направить на работу в систему ГУЛАГа, иногда и без этой оговорки». Следует заметить, что подобная практика комплектования лагерных кадров существовала не только в 30-е годы, но и в последующие.

Конечно, ГУЛАГ пополнялся не только сточными водами госбезопасности. Приходили люди и со стороны. Одним из основных источников комплектования лагерных кадров в предвоенный период стали партийные мобилизации. В начале 1938 г. на руководящие должности в лагеря было направлено свыше 3-х тысяч коммунистов и более 1200 специалистов, только что окончивших вузы.

Менее, чем за два года, на службу в лагеря и колонии поступило более 150 тыс. новых работников, почти втрое увеличился состав управленческих кадров ГУЛАГа. Интересно проследить динамику роста численности сотрудников центрального аппарата Главного управления лагерей ОГПУ-НКВД за 30-е годы: 1930 г. — 87 человек, ноябрь 1932 — 253, август 1935 — 527, ноябрь 1937 — 936, май 1939 — 1562 человека. Почти 18-кратное увеличение количества управленческих кадров центрального аппарата ГУЛАГа объяснялось не только многократно возросшим числом заключенных, но и тем, что к концу 30-х годов ГУЛАГ превратился в огромный хозяйственный комбинат, который выполнял производственные задания по 20 отраслям народного хозяйства.

Наиболее многочисленную группу лагерных служащих составляли стрелки военизированной охраны. По существовавшему положению, штаты ВОХР до 1939 г. исчислялись из расчета 5% к лагерному населению, позднее эта норма была повышена до 7%, а после войны до 9 и более процентов. На 1 января 1949 г. в военизированной охране ГУЛАГа состояло 165 тыс. человек, в том числе 8 тыс. офицеров и 157 тыс. сержантов и рядовых. Следует заметить, что практически никогда штаты ВОХР не были укомплектованы полностью. В охрану не хотели идти прежде всего из-за объективно тяжелых условий службы и ее крайне низкой престижности. Вместе с тем, бывали случаи, когда человек отказывался служить конвоиром по чисто моральным соображениям — не хотел быть сторожевым псом.

Комплектовался личный состав ВОХР на 95% из бывших красноармейцев. Младшие командиры Красной Армии считались в ГУЛАГе «золотым фондом», а саму армию кадровики называли не иначе, как «университетом для всех организаций». В период становления и укрепления лагерной системы условия службы военизированной охраны были значительно хуже, чем в Красной Армии. Начальники охраны жаловались: «Мы пополняем вчерашними красноармейцами, а в наших лагерях их сажают на чечевицу, сажают в землянки, люди начи-

нают пьянствовать, иметь связь с заключенными и прочее. Мы имеем чрезвычайно много самоубийств».

Среди охранников всеми способами культивировалась ненависть к заключенным, внушалась мысль, что перед ними жесточайшие враги советского народа, особо опасные государственные преступники, поощрялось жестокое обращение с осужденными, строго карались всякие намеки на гуманность. В результате солдатам владели только два чувства — звериные страх и ненависть, что тяжелейшим образом сказывалось на жизни лагерников. В мемуарной литературе и архивных документах можно встретить тысячи примеров изошренного самодурства охранников, их бесчеловечно-жестокое отношения к заключенным, тупого служебного рвения и моральной деградации. Краткую, но весьма емкую характеристику дал в 1939 г. лагерным охранникам один из чиновников ГУЛАГа. По его мнению, «в охрану набирались люди не то, что второго сорта, а последнего, четвертого сорта...»

Руководство НКВД хорошо понимало, что аполитичная, малообразованная, неквалифицированная масса лагерных кадров ни в коей мере не соответствовала важности стоявших перед ней государственных задач. Пытаясь хоть как-то поднять авторитет и социальный статус работников лагерей и колоний, Л.Берия в конце 1943 г. издал приказ о присвоении личному составу ГУЛАГа специальных и воинских офицерских званий. Младшему командному составу военизированной охраны и некоторым категориям работников лагерного сектора присваивались звания спецслужбы НКВД. Начальствующему составу подразделений ГУЛАГа и старшим командирам ВОХР присваивались соответственно специальные звания государственной безопасности и воинские офицерские звания. Присвоение старшему и среднему комсоставу офицерских званий, введение ношения погон для всего личного состава заметно повлияли на менталитет лагерных командиров. Они не только ощутили свою социальную значимость, но и стали рассматривать службу в лагерной охране как пожизненную профессию, пусть трудную, но достаточно авторитетную и

денежную. Лагерный мир удерживал в своей орбите постоянно более трехсот тысяч кадров всех уровней и специальностей. Ежегодно ряды сотрудников ГУЛАГа пополнялись на несколько десятков тысяч человек.

Тоталитарный режим вовлек в свои преступления множество людей. Однако провести четкую грань между палачами и жертвами не всегда удается. Советское общество и ГУЛАГ переплетены гораздо теснее, чем может показаться на первый взгляд. Кадры ГУЛАГа, несмотря на всю их специфичность, жили по нормам советского общества; творя произвол и беззаконие, они в любой момент могли сами оказаться в жерновах репрессивной системы. Лагерные кадры не были изолированной группой лиц. Они жили в обществе, воспитывали детей, общались с родными и близкими и тем самым транслировали субкультуру насилия, сформированную в лагерном мире, на семью и общество в целом. За годы существования ГУЛАГа в числе его работников побывало более миллиона советских граждан. Лагерная служба помогла обрести социальную значимость и не последнее место в обществе людям, которые в силу своей неразвитости, малограмотности, крайне низких моральных качеств не имели шансов на успех ни в каких других сферах деятельности. Их социальный статус всецело зависел от крепости существовавшего режима, именно поэтому кадры ГУЛАГа были одной из важнейших опор тоталитарной власти.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Ю. П. Шаранов:

Вы сказали об эпистолярном наследии ГУЛАГа, то есть о письмах заключенных, которые шли в адрес официальных инстанций – в редакции газет, журналов и т.д. А попадались ли Вам письма частные, личного характера? Ведь в практике «троек» помимо пресловутой формулировки «десять лет без

права переписки», что означало расстрел, были и другие приговоры, которые позволяли заключенным переписываться с родными и близкими.

Г.М.Иванова:

Безусловно, частная переписка существовала. Письма, которые отправлялись законным путем, проходили строгую цензуру, но в архивах я таких писем не обнаружила. Скорее всего их отсутствие объясняется именно тем, что они адресовывались частным лицам. ГУЛАГ находился под покровом строгой секретности. Все, кто так или иначе соприкасался с лагерным миром, были связаны подписками о неразглашении. Я беседовала с людьми, у которых могли бы сохраниться письма из ГУЛАГа, но ни у кого таких писем нет; по-видимому, люди просто боялись их хранить.

Те письма, которые отложились в фондах центральных партийных архивов, а я работала именно с ними, абсолютно никакой цензуре не подвергались, поскольку их отправляли из лагеря нелегально. Их передавали чаще всего через вольнонаемных работников, с которыми заключенные контактировали на производстве, или через «освобождающиеся руки». В любом случае нелегальная передача писем из ГУЛАГа была связана с большим риском и для того, кто писал, и того, кто помогал пересылке. Поэтому многие письма без подписи, анонимные, некоторые опущены в почтовые ящики совсем не в тех регионах, где находились лагеря. После того, как такое письмо попадало в поле зрения партийных органов, оно могло в течение нескольких лет пролежать без всякого движения, а потом вдруг ему давали ход, начинались проверки, увольнения неугодных сотрудников ГУЛАГа и т.д.

Ю.С.Борисов:

Как я понял, Вы тщательно продумываете все дефиниции, т.е. понятия, трактовки. основные цели Вашего исследования и прочее. В связи с этим, как вы относитесь к такому часто встречающемуся в публицистике определению ГУЛАГа как символа власти?

Г.М.Иванова:

Я бы не сказала, что это определение выражает суть ГУЛАГа. Я рассматриваю ГУЛАГ как социально-экономический феномен советского государства, как одну из опор тоталитарного режима, но отнюдь не как символ власти.

Вопрос из зала:

Почему вы доводите исследование ГУЛАГа до 1953 г.? Разве последующие годы и события – это не ГУЛАГ? Например, люди получали по «десятке» в 1956 г. и выходили из лагерей в 1966 г. Это что, разве не ГУЛАГ?

Г.М.Иванова:

Я доведу исследование до 1956-57 гг. Что же касается вопроса о хронологических рамках существования ГУЛАГа, то на этот счет существуют различные точки зрения. По мнению исследователя ГУЛАГа француза Ж.Росси, прошедшего в сибирских лагерных бараках почти четверть века, «из всех концлагерных систем, включая концентрационные лагеря Гитлера, советский ГУЛАГ был не только самым долговечным, просуществовав 73 года, но и самым точным воплощением создавшего его государства». Это мнение поддерживают и некоторые другие исследователи, которые считают, что ГУЛАГ существовал в течение всех лет советского государства. Но я все-таки склонна рассматривать ГУЛАГ в тех его рамках, когда он существовал как официальное государственное учреждение, т.е. с 1929 по 1956 гг.

Вопрос из зала:

Каков удельный вес экономических подразделений, соответствующих кадров да и вообще экономики в структуре и деятельности ГУЛАГа?

Г.М.Иванова:

С первых лет существования ГУЛАГа его руководству и кадрам приходилось решать двуединую задачу: обеспечить охрану и режим содержания заключенных, а также выполнить большой комплекс производственных заданий. В зависимости от спускавшихся сверху установок на первый план в работе

ГУЛАГа выходили то задачи укрепления режима, то хозяйственные вопросы. По мере роста экономического потенциала ГУЛАГа увеличивалось число дипломированных кадров, преимущественно технических специальностей. Появился даже новый термин «чекист-хозяйственник». Позвольте процитировать мнение министра внутренних дел С.Н.Круглова по этому поводу. «Мы с вами не только военные, не только оперативники, — убеждал он своих подчиненных, — но мы должны быть и хозяйственниками, и нечего нам чужаться хозяйственной работы, мы должны ее полюбить, потому что мы строим экономику социалистическую, мы создаем экономику коммунизма». Как видите, экономические приоритеты здесь налицо.

В.П.Дмитренко:

Тема, которая сегодня вынесена на обсуждение, относится к числу новых, малоизученных проблем, и это вполне подтверждается нашими вопросами. Все прекрасно понимают, что мы только дотронулись, причем одними из первых, до этой гигантской глыбы, которая всех нас обжигает эмоционально. Эта тема трудна не только профессионально, но и по-человечески. Сейчас перед нами стоят чрезвычайно сложные проблемы, и мы должны в ходе коллективного обсуждения решить, насколько правомерна предложенная постановка проблемы, правильно ли выбран круг источников и т.д.

А.К.Соколов:

На мой взгляд, предложенную тему надо всячески приветствовать и поддерживать. Аспекты исследования определены достаточно четко, следует лишь более строго подойти к выбору источников, установить их определенную иерархию, решить, какие источники на данный момент нужнее и важнее, а какие относятся к теме лишь косвенным образом и их следует использовать во вторую очередь.

И еще одно пожелание — избегать каких-либо эмоциональных, а тем более идеологических оценок в ходе исследования.

Еще у Вас получается такая вещь: преобладает лагерная статистика только относительно обслуживающего персонала, лагерных кадров, а относительно заключенных ее не хватает.

В.Б.Жиромская:

Я считаю, что раскрытие статистики состава заключенных необходимо. Этот вопрос заслуживает очень серьезного отношения. Можно соглашаться с официальной статистикой или не соглашаться, но изучать ее надо.

Г.Д.Алексеева:

Мне кажется, что нельзя подходить к изучению данной темы, не оговорив, не определив соотношение политических и уголовных элементов в лагерной системе. Без такого разграничения любая работа будет носить абсолютно ненаучный характер. Это совершенно очевидно. Будучи ребенком, я жила рядом с лагерем и видела, что там, где инженеры, посаженные по политическим статьям, работали и строили авиационный завод, там уголовники воровали, грабили эшелоны с продуктами, устраивали побег, поджигали этот лагерь. Требовались значительные дополнительные силы, чтобы справиться с ними. Это была совершенно чудовищная вещь. В моего отца стреляли раз восемь или десять.

Что же касается писем, то на вопрос, как попадали нелегальные письма адресатам, могу ответить: очень просто. Нам, детям, родители давали письма-«уголки» и говорили: «Вот будешь идти там-то, опусти это письмо; будешь идти по этой улице, опустишь второй «уголок», будешь идти по другой — опустишь третий «уголок». То есть это были как бы военные письма, где стоял адрес нашего барака, нашей семьи. И не мужа, а дети и жены опускали эти письма. И там написана подлинная правда.

Главное в ГУЛАГе — это не партийные организации. Это — партийно-сусловско-пономаревский подход. А главное — это люди, которые там жили. Мне кажется, что без сотрудничества с работниками архивной комиссии КГБ, мы вообще никогда ничего не изучим и не поймем, потому что это бессмысленное совершенно занятие — тратить наше время, тра-

тить наши силы на изучение этих партдел в этих парторганизациях. Для нормального человека совершенно очевидно, что работать в ГУЛАГе могли только садисты и мерзавцы, которые делали карьеру, одевали своих жен в норковые шубы, катались на роскошных машинах. Мы были детьми и бывали в их квартирах, мы видели, как они живут по сравнению с нами. Туда могли идти работать только мерзавцы, карьеристы и садисты. А заниматься парторганизациями и их составом, по моему совершенно бессмысленно, потому что мы еще детьми знали людей, которые там жили и умирали.

С.Д.Мякушев:

По-видимому, перед автором стоит в первую очередь проблема чисто источникового плана. Если рассматривать ГУЛАГ в общих чертах, как элемент репрессивной структуры государства, т.е. не заключенных, а кадры, то действительно, документы партийных организаций могут дать представление о таких сторонах жизни лагерных служащих, о которых вы никогда ни из каких приказов не узнаете. Но все-таки без материалов Главного Управления по кадрам обойтись нельзя. Там есть материалы по личному составу. Другое дело, что они куцые, получить их крайне тяжело, составлялись они плохо, но тем не менее, личные дела там есть и их выдают.

Все дело в том, что ошибочный выбор источниковой базы может исказить вообще всю картину, потому что Вы получите либо откровенно служебные документы, либо получите, изучая лишь письма заключенных, зверства охраны, хотя известно, что часовой на вышке был связан присягой, и он был просто обязан стрелять в беглецов. И попробуйте это оценить по-другому. Здесь вопрос об источниках, по-моему, приобретает самодовлеющее значение. Иерархия источников нужна обязательно. Если Вы будете изучать не только кадры, но и тех, кто сидел в ГУЛАГе, а это предпочтительнее, чем изучение только охраны, то такой подход вполне имеет право на существование. Но это чудовищная задача, я думаю, что одному человеку она просто не по силам.

И еще, нужно быть более осторожной в оценках, избегать политизированности.

В. П. Дмитренко:

Сегодня перед нами стоит ряд острейших проблем и одна из них — ГУЛАГ. Я думаю, мы вполне оценили важность обсуждаемой проблемы; ее новизна требует повышенного исследовательского и профессионального мастерства. При анализе таких политически заостренных тем проявляется степень нашей объективности и научности, но вместе с тем, мы не можем отказаться от использования соответствующих характеристик при изучении таких явлений, как ГУЛАГ. Конечно, эта тема является — я хочу повторить — целой глыбой. Сегодня в нашем понимании истории она выходит на уровень, аналогичный пониманию таких фундаментальных проблем, как индустриализация, коллективизация. Подчеркивая масштабность изучаемого явления, я хочу отметить, что в каждом из таких явлений существует целая гамма возможных направлений исследования. Право автора избирать собственное направление, но не забудем и о праве читателя спросить, в какой степени материал, которым пользуется автор, дает основания для тех выводов, суждений и заключений, которые он предлагает. Здесь важно установить определенную зависимость, соответствие между типом, характером источника и теми выводами, которые вытекают из информации, содержащейся в этом источнике.

Сегодняшний доклад показывает, что эта тема не может быть ограничена рамками только статьи, а должна быть темой фундаментального научного исследования. Нужно брать курс на подготовку специальной монографии, посвященной проблеме ГУЛАГа.

А может быть, нам стоит подумать о создании специального сборника, посвященного тем новым источникам, которые сегодня включаются в научный оборот. Как ими пользоваться? Какую информацию они дают? Сегодня мы знаем массу примеров, когда выявление двух, трех, четырех, десятков новых документов дает возможность некоторым исследо-

вателям говорить о появлении у них новых концепций, новых оценок, нового взгляда. Оправдано ли это? Дает ли данная группа документов основание предлагать какие-то целостные развернутые характеристики этапов, процессов, явлений? Видимо, проблемам источниковедения следует посвятить специальное коллективное исследование.

Сегодняшнее обсуждение было очень полезным и плодотворным. Оно показало нашу крайнюю заинтересованность в научном решении данной проблемы, выявило потребность отойти от тех конъюнктурных, политизированных, зачастую крайне односторонних оценок, которые еще, к сожалению, преобладают при оценке таких явлений, как ГУЛАГ.

СССР В УСЛОВИЯХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ*

Предваряя основное содержание доклада, необходимо сделать ряд пояснений. Первое касается хронологических рамок; они ограничены периодом, который начинается в середине 40-х годов, когда Советский Союз впервые был воспринят как вторая сверхдержава мира, и завершается 1991 г., т.е. распадом СССР. Второе связано с состоянием отечественной историографии. Мы можем назвать большое количество научных трудов, подготовленных в последние годы и обстоятельно раскрывающих внешнеполитическую деятельность Кремля в условиях конфронтации двух систем. Но лишь в единичных случаях российские авторы опубликовали монографии, посвященные внутренней политике КПСС и советского государства того же периода. Это означает, что в нашей современной литературе слабее всего освещена тематика, призванная раскрыть повседневную жизнь страны после второй мировой войны, т.е. именно в те десятилетия, когда противоборство СССР-США определяло сущность биполярного мира и судьбы всего человечества.

Исторический факт соревнования двух систем известен, но до сих пор у нас нет ясного понимания его итогов; остается неизученным характер кризиса, охватившего к началу 80-х годов все стороны материальной и духовной жизни советского общества. Разговоры и концептуальное переосмысление советской истории ведутся без малого 10 лет. Однако они слабо подкрепляются конкретно-историческими исследованиями.

В поле зрения историков преобладают такие события, как Берлинский и Карибский кризисы, войны в Корее, Вьетнаме, Афганистане, локальные конфликты в Африке, Азии, Латинской Америке и т.д. Аналогичный подход сохраняется в учебниках для средней и высшей школы. В то же время в тени ос-

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 30 мая 1996 г

тается военно-промышленный комплекс СССР, проблемы социальной стратификации, формирования номенклатуры, республиканских элит, структур, выражающих интересы агропрома, топливно-энергетического комплекса, не анализируются курс и последствия политики, порожденной ставкой на нефтедоллары; нет должного внимания к изучению сепаратизма и центробежных тенденций в национальных регионах, а также к теневой экономике (правильнее сказать, к повсеместному распространению теневых отношений).

Не продолжая перечень подобных вопросов, напомним слова Андропова, сказанные в 1983 г.: «Мы плохо знаем общество, в котором мы живем». Слова, произнесенные новым лидером, заменившим умершего Брежнева, казались тогда неожиданными: говорил генсек, по традиции призванный быть не просто руководителем правящей партии, но и теоретиком. Минувшие с той поры годы круто изменили жизнь страны, подтвердив симптоматичность вывода, сделанного на высшем уровне номенклатуры в 1983 г., а главное — его запоздалость.

Действительно, когда исчерпал свои ресурсы сталинский режим, когда началась стагнация и почему она оказалась необратимой? На наш взгляд, ответ требует анализа путей развития советского общества в условиях холодной войны, т.е. в условиях биполярного мира.

Истоки противостояния двух систем зарождаются на заре советской власти. Ленин еще в 1915 г. высказал мысль о возможности свержения буржуазии первоначально в одной, отдельно взятой стране.

Придя к власти, победивший пролетариат, писал он, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже военной силой против эксплуататорских классов и их государств.

С 1917 г. это положение становится основой дальнейшей деятельности РКП(б), а с 1919 г. и Коминтерна. По мере из-

менения международной обстановки и становления в Советской России национал-большевизма произошло смещение акцентов в постановке вопроса о перспективах мировой революции. Если поначалу ставка делалась на экспорт революции непосредственно из России, то с середины 20-х годов центр тяжести переносится на братскую помощь рабочему классу стран, где революционный взрыв подготовлен внутренними предпосылками.

В 1927 г., принимая первую американскую рабочую делегацию, Сталин изложил свое видение предстоящих перемен. Главное, подчеркнул он, состоит в том, что в ходе неизбежного обострения классовых противоречий в международном масштабе «будут складываться два центра мирового масштаба: центр социалистический, стягивающий к себе страны, тяготеющие к социализму, и центр капиталистический, стягивающий к себе страны, тяготеющие к капитализму. Борьба этих двух лагерей решит судьбу капитализма и социализма во всем мире».

Так в агитационно-пропагандистскую литературу большевиков вошла новая формулировка.

Первым полигоном, где началась реализация курса на «стягивание» зарубежных стран в лагерь социализма, стала Монголия. Здесь под руководством Монгольской народно-революционной партии — МНРП в 30-е годы развернулась борьба за переход двухмиллионной страны от феодализма к социализму, минуя стадию капиталистического развития. Политика тех лет действительно была борьбой. Ее инициаторы скопировали едва ли не все худшее из насильственных методов ВКП(б) и НКВД того времени. Действовали они крайне энергично при прямой поддержке и под началом кремлевских правителей.

Обращаясь к советской печати 30-х годов, мы не найдем даже между строк намека на реальное положение дел в МНР того времени. Но увидим немало сообщений и статей об успехах братского народа в строительстве новой жизни с помощью СССР. Тем примечательнее архивный документ, отра-

жающий подлинные думы и чаяния Сталина. Осенью 1938 г., выступая перед участниками совещания, созванного в связи с выходом «Краткого курса истории ВКП(б)», он говорил прямолинейно: «Большевики не просто пацифисты, которые вздыхают о мире и потом начинают братья за оружие только в том случае, если на них напали. Неверно это. Бывают случаи, когда большевики сами будут нападать, если условия благоприятствуют». В тот день его откровение словно не знало границ: «То, что мы сейчас кричим об обороне — это вуаль, вуаль. Все государства маскируются: «с волками живешь, по-волчьи приходится выть». Глупо было бы свое нутро выворачивать и на стол выложить. Сказали бы, что дураки» .

Произошедшее вскоре присоединение к СССР Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики и Бессарабии позволило всему миру увидеть последствия выхода сталинизма за рамки одной страны. В ходе советизации новых районов выселению в Сибирь и Казахстан подлежали (с конфискацией имущества) бывшие жандармы, полицейские, помещики, промышленники, официальные лица и офицеры, зачисленные в категорию «социально опасные элементы». В исправительные лагеря направлялись также «криминальные элементы», но в отличие от «социально опасных» их ссылали без членов семей.

Повсеместные аресты и депортации населения из районов, подвергшихся советизации, проводились силами работников КГБ и НКВД, которым заодно поручалось усилить «местные партийные органы и советский аппарат». Последняя фраза взята из архивного документа, доступ к которому стал возможен лишь в начале 90-х годов. Тот же источник позволяет судить о методах осуществления арестов и высылки: «Решения должны приниматься и регистрироваться на Специальном заседании по прибытии заключенных в лагерь». Иначе говоря, людей сначала изгоняли из родных мест, а потом уже оформляли «наказание».

Так решалась судьба множества граждан, первоначально даже не знавших, что они обречены минимум на 8 лет пребы-

вания в исправительном лагере, «а после окончания срока отправлением на спецпоселение сроком на 20 лет».

В 1940 г. Запад еще не располагал такими документами, которые визировали Сталин и Берия. Но и без них было достаточно фактов, закреплявших антикоммунистические настроения и взгляды.

Нападение гитлеровской Германии на СССР существенно изменило настроение демократических слоев населения на всех континентах. Но прежний облик Сталина не исчез из памяти западных аналитиков, а тем более руководящих деятелей США или Англии. Если для антифашистски настроенных кругов этих стран Советский Союз быстро предстал надежным союзником по борьбе с агрессором, то определенная часть населения по инерции придерживалась прежних взглядов, устоявшихся в годы прогерманской внешней политики СССР.

Не вдаваясь в споры о том, готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера — это предмет особого разговора, — можно утверждать, что после победных сражений на Волге его имперские амбиции росли стремительно. Думая о предстоящем переустройстве мира, он подписал 5 июня 1943 г. секретное постановление, утверждавшее «Мероприятия по улучшению зарубежных разведывательных органов СССР» (В полном объеме документ, подготовленный спецслужбами, знали только два человека — Сталин и Маленков). Если раньше основное внимание советской разведки было нацелено на деятельность Германии, Италии и оккупированных ими регионов, то теперь подчеркивалась необходимость всемерного внимания к США и Англии. Иначе говоря, союзники по антигитлеровской коалиции были тайно отнесены к разряду военно-политических конкурентов.

Не случайно беспрецедентное задание получили спецслужбы: собирать информацию о религиозных организациях и положении национальных меньшинств в иностранных государствах. В том же году (впервые после 1917 г.) в СССР резко изменились государственно-церковные отношения. Судя по всему, решающее значение имели внешнеполитические пла-

ны вождя, вознамерившегося создать международный «православный Ватикан» с центром в Москве.

Возможным подтверждением поворота в политике Кремля стал роспуск Коминтерна. Дальновидность Сталина Запад поймет лишь через два-три года, когда бывшие руководители Коминтерна (Димитров, Пик, Ульбрихт, Ракоши, Коларов и др.) возглавят не только коммунистические и рабочие партии, но и правительства стран Восточной Европы.

Будущий генералиссимус загодя настраивал своих соратников. В 1944 г., беседуя с одним из лидеров югославских коммунистов тех лет М.Д.Джиласом, он был предельно откровенен: «Это война не то что в прошлые времена. Тот, кто захватил территорию, устанавливает на ней свой общественный строй. Каждый устанавливает свою систему, если его армия достаточно сильная, чтобы сделать это. Иначе и быть не может».

Теперь уже не секрет, какие планы советское командование готовилось реализовать на завершающем этапе военных действий в Европе. «Если бы Черчилль задержал на год открытие второго фронта на севере Франции, Красная Армия дошла бы до Франции», — так сказал Сталин М.Торезу в беседе с участием Молотова и Сулова. Более того, он добавил: «...мы даже думали о том, чтобы дойти до Парижа».

Беседа проходила 18 ноября 1947 г. Генеральный секретарь ФКП занимал тогда пост заместителя председателя Совета министров Франции. Это не помешало ему сообщить кремлевским руководителям о наличии у французских коммунистов замаскированных складов оружия, боеприпасов и подпольных радиостанций для связи с Москвой. Сталин, в свою очередь, подтвердил возможность поставки оружия. «Мы все коммунисты, и этим все сказано», — так со свойственной ему лапидарностью генералиссимус выразил суть и дух беседы, считавшейся государственной тайной почти полвека.

Ныне легко понять, в чем заключалась причина такой секретности. Даже после того, как раскол антигитлеровской коалиции стал очевидностью, Сталин хотел выглядеть в гла-

зах общественности миротворцем, мудрым государственный деятелем, способным на компромиссы.

Современная литература изобилует разного рода документами, показывающими, сколь настойчиво и последовательно кремлевское руководство стремилось рассеять прежние представления Запада о желании СССР «большевизировать» другие страны. Делалось немало шагов, чтобы снять все опасения правящих кругов США и Англии относительно перспектив дальнейшего сотрудничества Советского Союза с ними. На деле, однако, вожь руководствовался прежними догмами.

В беседе с Джиласом, состоявшейся за четыре месяца до дня Победы, Сталин прямолинейно оценил текущий момент и предстоящий после второй мировой войны конфликт двух систем: «кризис капитализма проявился в разделении капиталистов на две фракции: одна — фашистская, другая — демократическая. Получился союз между нами и демократической фракцией капиталистов, потому что последняя была заинтересована не допустить господство Гитлера, так как это жестокое господство привело бы рабочий класс до крайности и до свержения самого капитализма. Мы теперь с одной фракцией капиталистов против другой, а в будущем и против этой фракции капиталистов».

Одновременно блюли свои интересы и союзники по антигитлеровской коалиции. Ошеломительные победы Красной Армии активизировали переговоры Вашингтона и Лондона, в ходе которых шел обмен мнениями о возможности военной угрозы со стороны СССР после поражения Гитлера; причем «русская тема» впервые рассматривалась в контексте с урановой проблемой (испытание нового оружия намечалось на 1944 г.). Фактически зарождалась огромная дипломатия, допускавшая в будущем ухудшение отношений с СССР при сохранении монополии США на сверхмощное оружие массового поражения.

По мере того, как вторая мировая война близилась к финишу, взаимная подозрительность и недоверие между союзниками нарастали. Запад все более нервировала политика

Кремля в странах Восточной Европы, особенно в Польше. Москва не хотела выводить войска из Северного Ирана, открыто заявила о желании вовлечь в сферу своего влияния Ливию, претендовала на Дарданеллы, Босфор и т.д. Были основания для беспокойства и у советских руководителей. Весной 1945 г. раздражение Кремля вызвало решение Трумэна приостановить ленд-лиз. Серьезные расхождения обнаружились при решении вопроса о репарациях; спор шел о размерах и порядке возмещения урона, причиненного Советскому Союзу гитлеровской агрессией. Не оправдывалась надежда московских верхов на получение многомиллиардного кредита со стороны США. Крайне болезненно Москва относилась к твердой позиции Вашингтона не предоставлять СССР право иметь свою зону оккупации на территории побежденной Японии. Сталин, письменно просивший учесть вклад советских войск в разгром императорской армии, был уязвлен и даже унижен. Подобные обиды он не привык прощать.

И все же главным фактом, определявшим нарастание напряженности во взаимоотношениях Кремля и Белого дома, становилась атомная проблема. Ныне большинство исследователей сходятся на том, что конфронтация двух систем была после войны неизбежной (даже если бы ученые не овладели тайнами атомного ядра к началу сороковых годов). Но именно атомное оружие превратило эту конфронтацию в «холодную войну».

Первый толчок такому ходу осмысления прошлого дали сами участники событий. Генерал Эйзенхауэр, находившийся в Москве как раз в августе 1945 г., обратил внимание на нервозную обстановку в столице СССР. Вывод будущего президента оказался тревожным и для него самого: «да, я уверен, что мы можем жить с Россией в мире. Теперь не знаю... Люди всюду испуганы и озабочены. Опять все почувствовали беспокойство».

Как известно, сторонники миротворческого диалога, понимавшие глобальный характер угрозы, которая надвигалась на человечество, были тогда и в Москве, и в Вашингтоне, Следова-

тельно, дальнейшее зависело от высшего руководства. В этом смысле положение Сталина было несопоставимо с ролью президента США, будь то Рузвельт, Трумэн, либо кто-то иной.

Президент первой сверхдержавы нуждался в соблюдении Конституции, в одобрении Конгресса, в поддержке избирателей и т.д. Атрибуты правового государства были зафиксированы и в Конституции СССР, принятой в 1936 г. Никто не отменял устав правящей партии. Но даже выборы в Верховный Совет не проводились с 1937 г., очередной партийный съезд не созывался с 1939 г. Зачем? Без всякого стеснения Сталин уже давно правил единолично. Более того, летом 1945 г. генералиссимус являл собой самого всемогущего государя планеты, который помимо всего прочего возглавлял небывало мощную за всю историю армию, насчитывавшую свыше 11 млн. человек, оснащенную современной техникой, уникальным опытом наступательных операций. Военские соединения СССР занимали всю Восточную Европу, на правах победителей находились в Берлине и Вене. В 1944 г. военная экономика страны достигла своего пика.

В Кремле знали о стремительном росте экономического потенциала США в 1939-1945 гг. К тому же экономика Германии, Италии, Японии понесла большой урон; самые серьезные трудности переживали народы Франции, Англии. Атомная бомба существенно приумножала мощь американской военной машины. Но Сталин вовсе не собирался в ближайшие годы встречаться с США на поле брани. Будучи великим прагматиком, он понимал, сколь выгодны соглашения, достигнутые в Ялте и Потсдаме, как для США, так и для СССР. По сути дела, основные сферы влияния были определены. Тем самым на первый план выходила политика мирного закрепления достигнутых результатов, восстановления народного хозяйства и... подготовки к неизбежному в будущем последнему решительному бою.

Гипотетически рассуждая, такая схема была возможна. Она устраивала Сталина. Недаром вскоре после войны генералиссимус собрал всех наркомов оборонной промышленнос-

ти (каждый из них имел воинское звание генерал-полковника) и сказал: «Положите ваши мундиры в сундуки и пересыпьте нафталином. Больше они вам не понадобятся. То, чем вы занимались, забудьте...» Далее последовали указания, какой наркомат займется турбинами, компрессорами, кто будет налаживать выпуск часов, полиграфических машин, текстильного оборудования и т.д.

Единственным человеком, который попросил слова после Сталина, оказался танкист Зальцман, любимец вождя, всю войну прошедший наркомом: «Нам спущен план, который мы обязаны выполнять, машины на потоке, да и материалы мы получаем не для тракторов...»

Сталин задумался и медленно произнес: «Я убедился, товарищ Зальцман, что вы наркомом быть не можете. С этого часа вы директор Челябинского завода».

Иначе говоря, вождь придавал большое значение переходу от войны к миру, понимал всю важность конверсии. Нам остается только гадать, какие масштабы она могла принять, чем бы обернулась для народа, что в конечном счете замыслил Сталин. Но мы точно знаем, что произошло в действительности.

6 и 9 августа 1945 г. — два атомных взрыва — гибель Хиросимы и Нагасаки. Это и есть тот рубеж, который побудил генералиссимуса внести самые существенные коррективы в прежние планы послевоенного развития.

В 1996 г. нет нужды подробно говорить о том, как 20 августа 1945 г. при правительстве СССР был учрежден Специальный комитет под председательством Берии, призванный осуществлять «руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана». Одновременно было образовано Первое главное управление при Совнаркоме (Совете Министров) СССР для непосредственного руководства научными, проектными и конструкторскими организациями, а также промышленными предприятиями по производству атомного оружия. Начальником был назначен Б.Л.Ванников, генерал-полковник, глава наркомата боеприпасов.

Сами по себе эти факты лишь недавно получили широкую известность. Десятилетия сверхсекретности породили множество самых разнообразных слухов, легенд, мифов, здравствующих нередко и поныне. Если верить некоторым специалистам и тем работникам пера, которые в виде исключения имели доступ к создателям атомного оружия в СССР, уже к началу 40-х годов советские ученые вплотную подошли к практическому решению урановой проблемы. Если бы не война...

Подобный угол зрения существенно отдаляет нас от истины и тем самым не позволяет оценить подлинную значимость решений ГКО, принятых в августе 1945 г., ознаменовавших принципиально важный рубеж в истории нашей страны, во взаимоотношениях СССР – США, в судьбах всего человечества.

По признанию физиков, сыгравших ведущую роль в ликвидации атомной монополии Вашингтона, перед войной в их среде «преобладающим было представление, что технически решение проблемы урана – дело отдаленного будущего и для успеха потребуется 15 – 20 лет.»

На этом фоне явно сверхэнтузиастом выглядела небольшая когорта, как правило, молодых исследователей, провидчески оценивших возможность использования внутриатомной энергии уже в недалеком будущем. Среди них выделялись И.В.Курчатов, Ю.Б.Харитон, Я.Б.Зельдович, Г.Н.Флеров, И.К.Кикоин, И.Е.Тамм, Л.Д.Ландау. Их активно поддерживали академики В.И.Вернадский, А.Ф.Иоффе, Н.Н.Семенов, В.Г.Хлопин, С.И.Вавилов. Тем не менее на уровне номенклатуры (даже в Академии наук) приоритетными считались работы, сулившие быстрое внедрение новинок в народное хозяйство и практическую отдачу. Теоретические статьи физиков о цепных реакциях, о делении урана и т.п. к таковым не относились. Отсюда и то спокойствие (если не сказать, равнодушие), которое «верхи» проявили к письмам, запискам, докладам, еще в 1940 г. направленным в их адрес в одном случае Семеновым, в другом – Курчатовым, Харитоном и их коллегами.

Обстановка, сложившаяся в ходе массовых репрессий 1937-1938 гг., усугублялась низкой компетентностью руководителей и работников государственных учреждений, призванных заниматься укреплением обороноспособности СССР. Известно, с каким трудом шло переоснащение Красной Армии новейшей техникой, сколько препятствий встретили на своем пути создатели ракетного оружия, в частности, «катюши», танка Т-34, автоматов, локаторных установок, различных видов артиллерии и авиации. Нарком обороны, член Политбюро ЦК ВКП(б) Ворошилов открыто отдавал предпочтение коннице перед бронетанковыми соединениями. Поэтому не стоит удивляться тому недоверию и настороженности, с которой высшее начальство и его подчиненные относились к идее использования «цепной реакции ядерного распада».

Да, решающее слово было за Сталиным. А он поначалу не торопился, ибо не имел должного представления о сути проблемы. Вождь по своему образованию и привычкам тяготел к технике, характерной для этапа индустриализации народного хозяйства. Беда его заключалась в непонимании того, что наиболее развитые страны начали переход к постиндустриальному обществу. В то время как кремлевские лидеры продолжали уверять народы СССР (и самих себя) в неизбежности близкой гибели капитализма, курс Рузвельта знаменовал упрочение либерально-демократического режима, способствовавшего быстрому возрастанию роли науки в развитии производительных сил. Недаром, спасаясь от гитлеровской чумы, значительная часть европейской интеллигенции, в том числе А.Эйнштейн, Н.Бор, Л.Сцилард, Э.Ферми, Э.Теллер и ряд других крупнейших физиков эмигрировали именно в США.

Трагедия Хиросимы и Нагасаки расставила точки над «и». До этого рубежа, по признанию академика Ю.Б.Харитона, сделанному в 1993 г., работа над атомным проектом «выполнялась крайне ограниченными силами с использованием незначительных ресурсов. Она приобрела надлежащий размах только после первых американских атомных взрывов. Именно тогда развернулось создание отечественной атомной

промышленности и технологии, появились крупнейшие объекты и комбинаты». Летом 1945 г. в ней участвовало менее ста научных сотрудников.

В августе того же года наступил перелом. Именно тогда Сталин выделил атомную проблему в качестве главной задачи, решение которой предопределяло место Советского Союза в послевоенном мире, соотношении СССР – США, соревновании двух систем. Бесспорно, в его власти был и другой путь, связанный прежде всего с энергичным восстановлением народного хозяйства, городов, сел, жилищ, с крупным подъемом жизненного уровня обескровленного и уставшего народа, социальной защитой ветеранов войны и труда, множества обездоленных семей и лиц... Разве не о такой нормальной человеческой судьбе мечтали советские люди, надеясь на светлое будущее?

По данным государственной статистики, в январе 1940 г. в СССР проживало 194,1 млн. человек. Война приостановила рост населения, и лишь в январе 1955 г., то есть почти через десять лет после возвращения к мирной жизни, численность советских людей снова превысила 194 млн. человек.

В наихудшем положении оказалась деревня. Даже после возвращения демобилизованных численность трудоспособных была почти на треть меньше, чем до войны. На Украине и особенно в Белоруссии во многих селениях вообще не было взрослых мужчин. Обрабатываемые площади сократились примерно на 30%. Повсеместно господствовал ручной труд. В стране разразился голод. Отмену карточной системы пришлось отложить до декабря 1947 г.

Для нормализации жизни требовались не только время и колоссальное напряжение как физических, так и моральных сил населения. Нужны были громадные финансовые затраты. Поэтому в первой половине 1945 г. большие надежды возлагались на репарации, американские займы, экономические связи с международными организациями.

Но Сталин не был бы самим собой, не стал бы создателем «мировой социалистической системы», если бы снизошел

до учета повседневных потребностей и интересов не то что отдельных людей или семей, но хотя бы народов и стран. В главном он не сомневался: империализм обречен. Первая мировая война расколола старый мир, возник Советский Союз; вторая мировая война явно ослабила капиталистическую систему и позволяет сформировать социалистический лагерь. Неизбежное в будущем столкновение двух систем завершится победой коммунистов в мировом масштабе. Когда же выяснилось, что новое оружие массового поражения становится опасным препятствием к намеченной цели, выбор не заставил себя ждать. Курс на скорейшую ликвидацию атомной монополии США был определен как задача номер один.

25 января 1946 г. состоялась встреча Сталина с Курчатовым (присутствовали Берия и Молотов). В течение часа вождь интересовался «мероприятиями, которые были бы необходимы, чтобы ускорить работу». Он призывал не искать дешевых путей, действовать «широко» с «русским размахом», гарантировал всемерную помощь, в частности премии «за решение нашей проблемы», обещал позаботиться и о материально-бытовом положении ученых. Несколько ранее американские спецслужбы подготовили доклад «Политика СССР и атомная бомба». Авторы писали: «Следует исходить из того, что реализм русских заставит их признать насущную необходимость всемерного расширения исследований в области ядерной физики. Можно ожидать, что энергия ученых и естественные ресурсы страны будут направлены на решение главной проблемы. И это будет сделано в таких масштабах и пропорциях, которые едва ли возможны для демократической страны в мирное время». Таким образом, уже в августе – сентябре 1945 г. вашингтонские аналитики понимали: для СССР атомная бомба – это «решение главной проблемы». Они не сомневались в потенциальных возможностях государства, способного действовать с помощью отнюдь не демократических методов руководства. Тем не менее им в голову не приходила мысль о том, что всего через 4 года Россия положит конец атомной монополии США.

Москва, действительно, принялась за дело, сверхэнергично, не жалея ни сил, ни средств. При этом соблюдалась беспрецедентная секретность. Газеты и радио постоянно сообщали об успехах конверсии, восстановлении народного хозяйства, о развертывании соцсоревнования на строительстве новых гигантских электростанций, Волго-Донского канала и т.д. Фактически же множилось число так называемых «почтовых ящиков» — номерных предприятий, организаций, полигонов и даже городов, не обозначенных ни в печати, ни на географических картах СССР. Первым таким центром весной 1946 г. стал будущий Арзамас-16, возникший в районе поселка Саров Темниковского района Мордовской АССР. В 80-е годы общая численность городов, связанных главным образом с созданием ракетно-ядерной техники, электроники, химического оружия, будет около ста. У истоков большинства из них находился ГУЛАГ — принудительный труд узников, вынужденных выполнять тяжелейшие задания независимо от погодных-климатических условий, времени суток.

Никто всерьез не заботился об этом «контингенте», исправно получавшем пополнение. Ученые мало задумывались, почему рядом с ними используется рабский труд. Разъясняя эту ситуацию, помощник Курчатова профессор Голован вспоминает: «В то время все наши мысли были заняты одним — создать атомную бомбу как можно раньше, до того как американская упадет на наши головы. Страх перед новой, атомной войной затмил все остальное». Да иначе и быть не могло в обстановке беспрецедентной секретности, спешки, крайне жесткой ответственности за выполнение поручений, исходивших непосредственно от Сталина и Берии. К тому же сотрудники ядерного центра — от рядовых лаборантов до ведущих исследователей, возглавляемых будущим академиком Харитоновым, — сами трудились крайне напряженно. Многие по 16-18 часов в сутки не покидали служебных помещений, не говоря уже о территории «режимной зоны», то есть закрытого города.

Пройдут годы, и физики-ядерщики станут критически оценивать свое место в противостоянии двух систем, в существовании железного занавеса. В частных разговорах они будут искать ответа на вопрос: почему Рузвельт прислушался к мнению ученых уже в 1939-1940 гг., а Сталин — только через 5-6 лет. Их очень беспокоит тот факт, что в 1945 г. снова, как и в июне 1941 г. судьбу многомиллионной страны решал один человек. Так сама жизнь толкала научную интеллигенцию на инакомыслие, но лишь единицы поднялись на борьбу за права человека, решились стать диссидентами. Мемуары А.Д.Сахарова, его статьи существенно помогают понять судьбы ученых, инженеров, техников, рабочих, в массе своей бескорыстно отдававших свои силы процветанию военно-промышленного комплекса, прежде всего в ЗАТО, т.е. закрытых административно-территориальных образованиях.

В целом же труд и быт жителей закрытых городов еще не подвергался комплексному анализу. Нет и конкретно-исторических исследований на эту уникальную тему. Но и то, что становится известным, дает богатейшую пищу для размышлений о генотипе советского общества, о природе сталинизма, о том, какой ценой достигалась ликвидация атомной монополии США.

На первый взгляд может показаться, что проще всего выявить финансовые затраты. Увы, публикаций такого рода пока нет ни в российской, ни в зарубежной литературе. Однако известно: первая атомная бомба обошлась США в 2 млрд. долларов. Вряд ли советское оружие стоило дешевле. В таком случае по официальному курсу 40-х годов цена ее составляла 10 млрд. руб., но иностранцам, посещавшим тогда Москву, обменивали один доллар не на 5, а на 15 руб. В таком случае стоимость первой советской атомной бомбы достигала 30 млрд. руб. Для сравнения приведем данные А.Г.Зверева, возглавлявшего в ту пору Министерство финансов СССР: за период с июля 1941 г. до конца 1945 г., на финансирование наркоматов обороны и военно-морского флота ушло чуть более 55 млрд. рублей.

В нашей литературе бытует мнение, будто в те годы производство военной техники обходилось СССР дешевле, нежели США, где зарплата была много выше; к тому же в СССР широко использовался «дармовой» труд ГУЛАГа, спецпереселенцев и т.п. Наивное заблуждение, если не хуже. Оставляя в стороне вопрос об эффективности принудительного труда, напомним, что узников охраняли, конвоировали, окружали спецзонами; все это в конечном счете оборачивалось огромными расходами, дополнительным выделением средств из госбюджета.

Тем не менее советский ВПК нуждался в ГУЛАГе, ибо был заинтересован в строжайшей секретности своих строек, предприятий, полигонов, разного рода рудников и других объектов, характер деятельности которых нередко и сегодня остается тайной. В свою очередь, ГУЛАГ, получая заказы от ВПК, как бы подтверждал свою целесообразность, чем достаточно ловко пользовалась лагерная администрация, да и высшее руководство, включая Берия.

Естественно, до марта 1953 г. полновластным хозяином ВПК был Сталин. Попутно замечу, что многие понимают под ВПК оборонные отрасли, призванные обеспечивать армию оружием, техникой и т.д. Американский президент Эйзенхауэр, который впервые употребил этот термин в январе 1961 г., имел в виду другое явление. Он опасался сращивания структур, представляющих как высшие эшелоны политической власти, так и военное руководство, промышленников и другие слои предпринимателей, заинтересованных в лоббировании дорогостоящих программ оснащения вооруженных сил. Глава Белого дома хорошо понимал последствия возникновения суперструктуры, которая во имя своих корыстных интересов сможет выйти из-под контроля президента и конгресса.

Говорить о возможности создания такого феномена в СССР при жизни Сталина едва ли стоит. Вождь прочно объединял в своих руках власть партийную, государственную, военную и т.д. Более того, известно, сколь искусно он плел интриги и сталкивал между собой членов политбюро, мини-

стров, руководителей разных организаций и рангов. В немилости то и дело оказывались Маленков, Молотов, Булганин, Жуков, работники спецслужб и т.д. При этом страну даже не информировали (вспомним «ленинградское дело»). Особо следует сказать об отношении Сталина к военным. Думается, погоны маршала, а потом генералиссимуса он надел не столько потакая собственному тщеславию, сколько понимая возросшую роль воинской дисциплины в рамках созданного им режима. Цель была одна – править единолично, применяя имперский принцип «разделяй и властвуй».

Хрущев многому научился у своего предшественника. Но после 1953 г. управлять по-старому уже было невозможно. Объяснение нужно искать не только в мероприятиях по демократизации жизни общества и налаживанию контактов с зарубежным миром. Человечество вступило в эпоху научно-технической революции, стремительного прогресса в области автоматизации производства, применения ЭВМ, персональных компьютеров, спутниковой связи, освоения космоса. Созданные в середине 40-х годов три спецкомитета вышли теперь на уровень создания сверхмощных водородных бомб, баллистических ракет дальнего радиуса действия, атомных подводных лодок, локаторных установок слежения, массовый выпуск которых требовал постоянного переоснащения промышленности наисовременнейшей техникой и быстрого развития новых отраслей производства. Соответствующие изменения должны были происходить в развитии науки, подготовке кадров высшей квалификации.

Госбюджет с трудом выдерживал перегрузки, ведь одновременно ставились задачи крутого подъема сельского хозяйства, введения новой пенсионной системы, развертывания массового жилищного строительства, проведения школьной реформы... Перечень проблем легко продолжить, но в данном случае важнее признать другое: в нашей литературе они не проанализированы и не освещены. Это крайне осложняет понимание противоречивого хода оттепели, перипетий борьбы за власть сначала между Хрущевым и так называемой «антипартийной» группой,

а затем — между высшей номенклатурой и первым секретарем ЦК КПСС, который в 1958 г. возглавил и правительство.

До сих пор никто не связывает эти вопросы с деятельностью ВПК. Даже в учебниках, изданных в 90-е годы, история ВПК (и как особой структуры, и как суммы военно-промышленных отраслей), обходится стороной. Средства массовой информации оповестили мир, что от 60 до 80% промышленного производства СССР работало на ВПК, а историки рассказывают о жизни страны так, будто гонка вооружений в годы холодной войны касалась в основном внешней политики Кремля.

Позволю себе в этой связи остановиться на заменах в высшем военном руководстве. Поныне бытует мнение о том, что маршал Жуков был снят в 1957 г. из-за своих притязаний на власть, хотел, де, занять высший пост в нашей стране. Более обоснованным представляется другой взгляд.

Хрущев пришел к серьезному выводу о необходимости перестройки вооруженных сил СССР. Старая авиация и старый флот уже не отвечали новым потребностям. Пехота тоже нуждалась в модернизации. На авансцену выходили ракеты, совсем другая стратегическая линия развития техники. Нужны были огромные деньги и... согласие военачальников. Почти весь генералитет был против. Хрущеву пришлось поссориться с адмиралом Кузнецовым. Тяжелая, драматическая ссора. Но если посмотреть, каких баснословных денег требовал адмирал на развитие флота, строительство авианосцев, то позиция Хрущева будет выглядеть вполне государственной и дальновидной. С большим трудом он организовал на Дальнем Востоке встречу с моряками и публично задал вопрос: готов ли флот отражать ракетные удары и бомбовые атомные удары противника? Кузнецов был не готов к такому разговору. Оказывается, крупный военачальник, интересный человек — он просто ничего не знал о ракетах. Ветераны вспоминают: «Откуда моряки могли знать всерьез что-то о ракетах в конце 50-х годов? У нас, у моряков было точно известно, чем мы занимаемся, а чем занимается авиация — это секретно, о ракетах тоже только краем уха слышали. Не положено было.»

Трудно поверить, но документы подтверждают истинность рассказа.

Еще большей проблемой для Хрущева был Жуков, который не спешил идти на крутые перемены, на большую конверсию, предложенную правительством. Хрущев помнил, как маршал с большой энергией поддержал его летом 1957 г., тогда на военных самолетах члены ЦК в считанные часы прибыли в Москву на поддержку первого секретаря; большое впечатление на участников пленума произвела и речь министра обороны, резко критиковавшего Молотова и других «фракционеров». Зная авторитет и характер Жукова, первый секретарь повторил сталинский прием и не стал вести с министром открытой полемики. Выглядело это, мягко выражаясь, некрасиво, но Хрущев, как ему казалось, остался хозяином ВПК.

В контексте этих событий иначе воспринимается и «чистка» КГБ, осуществленная под флагом ликвидации наследства Берии. В 1958 г. в отставку был отправлен генерал Серов. На смену прежним кадрам пришли руководители ЦК ВЛКСМ, секретари райкомов комсомола, горкомов комсомола, инструкторы; буквально в считанные дни и недели они меняли место работы, форму одежды, получали звания. Позднее это многим дорого обойдется, в том числе Шелепину, Семичастному, их окружению. Брежнев всех заменит. Но в дни оттепели это называлось «восстановлением ленинских норм». Удар Хрущева по КГБ не позволит этому ведомству вернуть былую силу и власть даже во времена Андропова. Может быть, это даже самое значительное из всего, что сделал Хрущев для крушения сталинизма. Но нужно видеть и другое: Хрущев придавал исключительное значение личному контролю над силовыми ведомствами, являвшимися составной частью ВПК. Здесь он полностью копировал Сталина.

Более того, изучая отношение нового лидера к ВКП, придется отказаться от распространенной версии, будто его любимым детищем было сельское хозяйство. Факты показывают, что Хрущев отдавал приоритет делам военно-промышленного комплекса. Однако писать об этом в газетах, показы-

вать это по телевидению категорически запрещалось. Из года в год собирались пленумы ЦК КПСС и обсуждали положение дел в аграрном секторе, выносили пространные решения о мерах по подъему целины, животноводства, земледелия, хлопководства; но ни разу не ставился вопрос об атомном оружии, ракетной технике, о путях освоения космоса и т.д. На практике все выглядело иначе. Семилетний план, утвержденный на 1959-1965 гг., не дал желаемого результата. Вместо предполагавшегося роста валовой продукции сельского хозяйства на 70% прибавка едва достигла 10%. То был тяжелый провал, сопровождавшийся закупкой зерна за рубежом, повышением цен на мясо, масло, молочные продукты. В этой связи нельзя не вспомнить расстрел в Новочеркасске, о чем сведения просочились в том же 1962 г.

Одновременно феноменальным успехом ознаменовалось освоение космоса: Гагарин, полеты автоматических станций, Терешкова... Мир аплодировал. Белый дом был в шоке. Именно тогда Хрущев позволил себе сделать ряд сенсационных заявлений. В 1959 г. в ходе посещения США он потряс американцев фразой: «Мы вас закопаем». Потом пришлось объяснять, что понимать его надо в переносном смысле, что он имел в виду не физическую смерть людей, а победу коммунизма в мирном соревновании с капитализмом. Но выросли новые поколения американцев, и они знают фразу советского лидера, произнесенную почти 40 лет назад. За океаном помнят еще одно высказывание Хрущева, смысл которого был идеально прост: когда американцы впервые долетят до Луны, они встретят советского человека...

К сожалению, в нашей литературе эти два ряда событий — провал в сельском хозяйстве и победы в космосе — никто не сопоставляет. Между тем связь между ними сомнений не вызывает. Миллиарды, большие миллиарды, необходимые для освоения космического пространства (читай — наращивания ВПК) дала советская деревня. И не только миллиарды.

Мы сегодня очень много говорим о демографических сюжетах, касающихся роста или спада прироста населения,

особенно в 90-е годы. Но демографы, крупные специалисты свидетельствуют, что все началось с 60-х годов.

Один аспект я могу подтвердить. Как известно, в 1957 г. были ликвидированы МТС. Решено было, что техника будет закупаться колхозами, и селяне станут владеть землей и техникой. Соответственно планировался высокий рост производительности труда. За семилетку предполагалось увеличить численность рабочего класса на 14 миллионов человек. И никто не обратил внимания на то, что демографы предупредили наше руководство, в частности, Госплан, о спаде прироста населения на селе, что связано с определенными демографическими процессами. Но в правительстве никто на предупреждение не обратил внимания. Между тем, денег на покупку у колхозов было мало. Однако обкомы КПСС организовали на местах соревнования, и через год все тракторы были раскуплены: колхозы остались без денег, они отдали их государству.

Хрущеву поначалу это понравилось: он и раньше ратовал за объединение земли и техники в руках одного хозяина; к тому же продажа МТС колхозам сулила государству немалые деньги. Вскоре, однако, выяснилось, что работники МТС в большинстве своем не захотели оставаться в деревне. Они имели паспорта и отдали предпочтение городу, его реальным преимуществам: гарантированной зарплате, нормированному рабочему дню, отпуску, иной системе торговли, медицинскому и культурному обслуживанию, перспективе для детей и т.д.

Как бы то ни было, деревня лишилась значительной части квалифицированных кадров, и тем самым культурного потенциала. По времени этот процесс совпал с началом демографического спада в СССР, что обусловило дополнительный (т.е. незапланированный) спрос на рабочую силу в городах. В сложившейся обстановке сельские механизаторы быстро строились в промышленных центрах. Поскольку же демографический спад продолжался не один год, а горожане восполнить нехватку своими силами не могли, решать эту задачу пришлось в основном за счет деревни.

Искусственно ускоренная урбанизация страны и прежде обходилась дорого. Достаточно вспомнить раскрестьянивание времен массовой коллективизации и трагедию 1933 г., когда люди, спасаясь от голода, бросали свои избы, родную землю и бежали в город. На рубеже 50-60-х ситуация была иной, но тем не менее — противоестественной.

Во многом это объяснялось советским законодательством, которое всячески препятствовало миграции населения в большие города. К последним относились центры, где проживало не менее полумиллиона человек. Строго говоря, именно они концентрировали в себе суть и дух урбанистической цивилизации. Более мелкие центры, как правило, не располагали столь же значительным потенциалом: научными учреждениями, сетью высших учебных заведений, системой культурно-просветительной работы, возможностями творческого общения и т.д. По условиям труда и быта многие из подобных городов стояли ближе к селу, чем к индустриальному городу.

Напомню, что в 1950 г. в сельской местности проживало более 61% населения СССР. Военно-стратегические интересы Кремля обусловили характер и темпы послевоенного развития тяжелой индустрии. В 80-е годы уже две трети населения считались горожанами, но большинство из них жило не в крупных центрах. Почти 40% горожан приходилось на население городов и рабочих поселков, каждый из которых насчитывал до 50 тысяч или 100 тысяч человек. Иначе говоря, уровень урбанизации советского общества (включая в это понятие и качество) был далек от рубежей, которые достигли индустриальные страны. Все это накладывало отпечаток на повседневную жизнь страны, сказывалось на ценностной ориентации населения, его политической культуре, нравственном облике и поведении.

Гонка вооружений, принявшая в начале 50-х годов невиданные прежде масштабы, предъявила жесткие требования к дальнейшей милитаризации экономики, что сопровождалось строительством новых предприятий, рудников, полигонов, автострад, железнодорожных путей и т.д. Соответственно возни-

кали рабочие поселки и маленькие города, где вчерашние крестьяне, прежде всего работники МТС, легко находили работу. По плану на 1959-1965 гг. численность рабочих должна была увеличиться на 14 млн. человек. Итоговый результат оказался на 7 млн. больше. И это в условиях демографического спада.

Потребовались значительные средства на подготовку и повышение квалификации огромных пополнений. Обострилась и без того непростая для СССР проблема жилья, медицинского обслуживания, расширения школьной сети, детских садов. Представление о «дешевизне» малых городов вновь не оправдало себя. Возникнув как общежития при разного рода военных объектах, многие из них и в дальнейшем остались главным образом военно-промышленными поселениями, которые обслуживали сферу ВПК и поэтому обеспечивались казной. Немногом лучше было положение в крупных центрах страны.

Уже в середине 60-х годов статистики зафиксировали падение темпов роста народного хозяйства, особенно в деревне. Уменьшилась фондоотдача в промышленности. Давно назревший вопрос о переходе к интенсификации производства (в масштабах всей экономики) пришлось вновь отложить.

Допущенные высшим руководством страны ошибки отразились и на воспроизводстве населения. Социологи и демографы считали, что в 60-е годы следовало срочно взять курс на укрепление материальной заинтересованности семей в деторождении. Требовалось, чтобы советская семья в среднем имела 2,6 ребенка. Реальность намеченного уровня зависела от льготного обеспечения молодоженов и многодетных семей, во-первых, жильем, во-вторых, денежной поддержкой. Ни то, ни другое не стало приоритетным направлением государственной политики. Все свелось к заявлениям и разговорам о роли общественных фондов, об активизации местных органов власти и т.п. Результат не замедлил сказаться: он выразился в опасном сужении прироста следующего поколения, что предопределило будущие аналогичные трудности. Из пятилетки в пятилетку они нарастали. На XXVI съезде КПСС (1981 г.) дефицит рабочей силы пришлось признать официально. Ока-

залось, что в 70-е годы население СССР увеличивалось много медленнее, чем ожидалось. Разница между расчетами и действительностью достигала 5 млн. человек. Демографическая ситуация вплотную подошла к нынешним показателям, обнародованным только в 90-е годы.

Сохранившиеся документы свидетельствуют, что правящая элита располагала материалами, необходимыми для объективного анализа хода событий. Цифры показывали: ни один пятилетний план не был выполнен ни в целом, ни по важнейшим отраслям. Осталось нереализованным решение XXIV съезда КПСС перевести в 70-е гг. народное хозяйство на рельсы интенсификации.

Аналогичная судьба постигла директивы XXVI съезда партии, который в 1981 г. продлил этот переход еще на одно десятилетие. Вопреки многочисленным постановлениям, призывавшим соединить достижения НТР с преимуществами социализма, процент выполнения пятилетних плановых заданий упал с 75 в 1961-1965 гг. до 55 в 1976-1980 гг.

Сказанное не меняет того, что одновременно СССР не только наращивал выпуск атомных и водородных бомб, баллистических ракет, но и многократно обогнал США по производству танков, бронетранспортеров, артиллерийских орудий, подводных лодок, химического оружия. Огромное количество военной техники экспортировалось, главным образом, в страны третьего мира; считалось – в кредит, а получилось – безвозмездно. Фактически ракетно-ядерную гонку Советский Союз вел в одиночку, соревнуясь с 1975 г. с «семеркой», которую возглавляла первая сверхдержава мира.

Противоборство США – СССР крайне осложнялось для Советского Союза тем, что соперники находились в разных весовых категориях. США уже вступили в постиндустриальный период развития (или, как иногда говорят, в эпоху информационного общества). По производительности труда в промышленности, а тем более в сельском хозяйстве они существенно превосходили нашу страну. Это позволило им успешно совмещать гонку вооружений с реализацией соци-

альных программ, ростом жизненного уровня широких слоев населения.

Кремль такими возможностями не располагал. Даже в промышленности более трети рабочих были заняты ручным трудом. В строительстве и на транспорте их значилось не менее половины, в сельском хозяйстве — намного больше. Государство не имело ресурсов для должного обеспечения своих подданных жильем, продовольствием, предметами ширпотреба, современными лекарствами и достижениями медицины. В итоге, по продолжительности жизни, детской смертности, расходам на культурные потребности (включая сюда туризм), размерам зарплаты, продолжительности отпусков и другим подобного рода показателям СССР все заметнее отставал от западного мира (а также от ГДР, Чехословакии и ряда других стран, входивших в СЭВ).

По разным подсчетам отечественных и зарубежных специалистов, доля оплаты труда в чистом продукте промышленности СССР, начиная с 30-х гг. неуклонно падала. Уже в 1950 г. она не превышала 33%. Таким образом, из каждых трех рублей, созданных советскими рабочими, два забирала казна. Для сравнения добавлю: в США картина была иной. Там из трех произведенных долларов два получал рабочий. В советской печати подобные расчеты до конца 80-х годов не публиковались. Официальные источники неизменно приучали трудящихся к мысли о подъеме благосостояния (а в отдельных случаях сообщали о «временных трудностях»).

Ни для кого не было секретом, что конфронтация двух систем сопровождается колоссальными затратами. Но партия и правительство систематически уверяли народ и весь мир, что расходы на оборону не превышали 18-20%. Оставалось только гадать, почему у американцев военный бюджет не только больше советского, но и регулярно увеличивается. Ответственные работники ЦК КПСС на инструктивных докладах объясняли это «прочностью советского рубля, который не подвержен конъюнктуре». Даже в условиях гласности М.С.Горбачев не рискнул назвать размеры действительных расходов. Дебаты,

развернувшиеся по этим вопросам на съездах народных депутатов в конце 80-х годов, многое прояснили.

Одним из первых опубликовал аналитические расчеты В.Г.Первышин. Он показал, какой дорогой ценой расплачивался советский народ за авантюрную внешнюю политику партийно-бюрократической верхушки СССР, за корыстную политику, проводимую руководством ВПК. В 1989 г. на «оборону» было направлено (включая науку, но без расходов на транспорт и связь) 480 млрд.руб. По данным Госкомстата СССР в том же году валовой национальный продукт нашей страны составил 924 млрд. руб., а национальный доход – 652 млрд. руб. Если принять официальные сведения за достоверные, то расходы на оборону достигли почти 52% от валового продукта, произведенного в 1989 г., и свыше 73% от национального дохода. Поистине умопомрачительные цифры, не нуждающиеся в особых комментариях и наглядно свидетельствующие о том, что страна жила не просто в условиях военной экономики, а в условиях экономики военного времени.

Как бы подтверждая этот вывод, газета «Красная звезда» в мае 1991 г. опубликовала (с разрешения Министерства обороны СССР) список стран, где принимали участие в боевых действиях советские военнослужащие (в печати их называли «воинскими интернационалистами») – Северная Корея, Лаос, Алжир, Египет, Йемен, Вьетнам, Сирия, Камбоджа, Бангладеш, Ангола, Мозамбик, Эфиопия, Афганистан, Никарагуа. Перечень неполный. Почему? Возникают и другие вопросы. В какой разряд отнести, например, не менее 4 тыс. советских военных специалистов, с помощью которых оснащалась и обучалась армия Ирака, напавшая на Кувейт в августе 1990 г.?

По признанию ведущих работников КГБ, они уже в конце 60-х годов видели, как «безмерное расширение социалистической системы ведет к перенапряженности советской экономики, учащает конфликты между Востоком и Западом из-за соперничества в «третьем мире». В 1975 г. информационно-аналитическое управление представило обстоятельный документ Ю.В.Андропову о перспективах советской политики в

Азии, Африке и Латинской Америке. Речь шла об огромных технических и денежных ресурсах, используемых без должной отдачи; подчеркивалось, в частности, что ни Египет, ни Сирия, ни Ирак «не собираются платить свои долги и выстраиваться за нами в кильватерную колонну». Вносилось предложение ограничить применение советских сил и средств в рамках ограниченного числа стран. В доказательство целесообразности такого подхода приводился пример: Великобритания, контролируя лишь Гибралтар, Мальту, Суэц, Сингапур, обеспечила себе господство на морском пути из Европы в Индию.

Председатель КГБ велел рекомендации и сохранить только информационную часть. Надо полагать, что он лучше своих подчиненных знал, чего ждут его коллеги по Политбюро ЦК КПСС от Комитета госбезопасности.

На имя высших руководителей страны готовили справочные материалы, служебные записки и доклады многие ведомства и ученые. Разумеется, они шли под грифом сугубо секретных документов. В середине 60-х годов остро встал вопрос о необходимости срочного принятия мер для перехода экономики СССР к интенсификации производства. Академики Трапезников и Кириллин предупреждали об угрозе отставания от Запада в сфере применения новейших технологий, о срыве планов внедрения особо важных изобретений. Крупнейший специалист в области компьютерной техники, Трапезников буквально в отчаянии восклицал: «Зачем нужен СССР, если у меня не будет перспективы?»

Сохранились интересные размышления будущего академика Агабеяна, взволнованная докладная записка Заславской и ряд других материалов, обосновывающих вполне определенные программы ускорения научно-технического прогресса. И в каждом документе содержатся доводы в пользу существенного расширения инициативы трудовых коллективов, целых регионов и республик. Особо подчеркивается значимость материального стимулирования, усиления контактов с зарубежной наукой и т.п.

Дух и настроение людей, готовивших эти документы, особенно ярко отразились в записке, которую предоставили Брежневу Зигмунд и Ганзелка, известные чешские географы-путешественники. Они объездили весь мир, написали много любопытных книг, и, получив разрешение посетить нашу страну, написали рассказ о своем путешествии с Дальнего Востока в Чехословакию.

В служебной записке авторы чистосердечно признавались Брежневу в любви к советскому народу и именно поэтому сочли своим долгом обратить внимание партийного руководства СССР на некоторые трудности и неувязки, которые мешают советскому народу еще более успешно строить коммунизм. Больше всего их удивило бездорожье, почти полное отсутствие за Уралом современной инфраструктуры, в частности, хорошо оснащенных складов, элеваторов, подъездных путей к предприятиям, массовое использование ручного труда и т.д. Впервые они столкнулись с приписками: реальная урожайность зерновых культур и овощей было намного ниже отчетной, но и в данном случае оказывалась намного ниже, чем в странах СЭВ.

Ганзелка и Зигмунд всерьез полагали, что советские друзья намеренно знакомят гостей с отстающими участками производства, дабы проявить свою скромность и открытость. В действительности, все обстояло наоборот. В итоге записка не дошла, как говорится, до адресата. Но чешских географов в СССР больше не пускали; их самих предали забвению. Между тем критические соображения зарубежных друзей были каплей в море по сравнению с анализом социально-экономического положения СССР, который делали советские ученые для ЦК КПСС в 60-70-е годы. И хотя никто открыто не писал о нарастании кризисных явлений, все фиксировали растущее отставание от Запада в модернизации важнейших отраслей индустрии, в применении новейших технологий и научных открытий.

Сохранившиеся документы свидетельствуют о полной растерянности высшей номенклатуры, не знавшей какими пу-

тиями следует перевести экономику на рельсы интенсификации и приостановить падение темпов развития народного хозяйства СССР. Искусственно завысив данные за восьмую пятилетку (1966-1970 гг.) что было вызвано желанием показать необходимость замены Хрущева, Политбюро ЦК КПСС усугубило ситуацию: показатели 70-х годов (несмотря на очевидные приписки) явно уступали предыдущему десятилетию. Особый интерес представляют признания военных. Имея в виду середину 70-х годов, они констатировали: «Армию заставляли принимать корабли, которые не плавают, самолеты, которые не летают, оружие, которое не стреляет. При помощи такой политики, мы сами себя разоружали, а страну ввергали в нищету колоссальными расходами». Во избежание недоразумений замечу: здесь процитировано мнение известного генерал-полковника И.Родионова и поддержавшего его маршала Д.Язова.

На практике все это означало, что холодная война имела внутри СССР свою социальную базу, ибо гонка вооружения отвечала не только интересам верхушки ВКП, но и определенных слоев населения, повседневно связанных с деятельностью закрытых городов, министерств, ведомств, предприятий и учреждений, обслуживавших «оборонку». В частности, не менее 40% бюджета Академии наук СССР составляли заказы ВПК. Известны отнюдь не единичные споры (даже распри) не только между отдельными народнохозяйственными подразделениями, но и внутри организаций, призванных заниматься освоением космоса, ракетной техникой, ядерным оружием.

Конструктор Кисунько, один из ведущих деятелей отечественного ракетостроения пишет в своих мемуарах: однажды Королев затащил его к себе в машину, поднял стекло, чтобы их не слышал шофер, схватил за пиджак и громко сказал: «Мы долго эту сволочь с тобой терпеть будем?» Оказывается, речь шла об известном конструкторе Челомее, который через сына Хрущева получал дополнительные средства и приоритетные заказы.

Впрочем, руководство ВПК порой целенаправленно насаждало конкуренцию среди подчиненных организаций и их лидеров. Первым это сделал Сталин, когда в августе 1945 г. подписал решение о создании двух органов руководства работой по решению урановой проблемы: один под началом Берии, другой под началом Ванникова — в прошлом наркома боеприпасов. Поначалу Берия все хотел забрать себе. Сталин вызвал Ванникова и имел с ним очень серьезный разговор. Ванников очень осторожно, понимая, как он рискует, сказал, что нельзя все отдавать в подчинение Берии, нужен и политический орган. Генералиссимус был склонен решить этот вопрос в пользу Берии. Ванников понимал: за тем рабочая сила, на первый взгляд, дармовая рабочая сила. Но Сталин вдруг сказал: «Ну хорошо, я буду стоять на горе, а вы будете работать рядом — и вы, и вы...» Ванников потом рассказывал, что долго, вплоть до ареста Берии, чувствовал себя неуютно; но, видимо, и Берия помнил и понимал замысел вождя.

В схожем положении находились и агропром — АПК и топливно-энергетический комплекс — ТЭК и другие подобного рода корпорации. И хотя все они принадлежали одному государству, работали в рамках единого плана, реально и АПК, и ТЭК, и их собратья имели своих лоббистов, своих покровителей и даже «хозяев». А может быть кавычки здесь неуместны?

В самом деле, что такое «пакетные деньги»? Судя по всему, они возникли в 1945 г. Речь идет о регулярных доплатах к зарплатку, которые номенклатура получала без какой-либо фиксации в документах. Вручались они обычно специально выделенными лицами без всяких объяснений. Кто давал, сколько, какого ранга работникам? Ясно одно: ввел «пакетные деньги» Сталин, отменил Хрущев, т.е. ряд лет осуществлялся беспрецедентный подкуп аппарата. Как известно, каждый коммунист, член профсоюза обязан был ежемесячно платить членские взносы. Зарплата облагалась налогом. Получатели пакетных денег от таких процедур были свободны,

т.е. все они нарушали устав партии, устав профсоюзов, обманывали государство...

Какой режим насаждал этот, с позволения сказать, порядок? До сих пор не удалось найти в архивах свидетельства, подтверждающие его существование. Но еще живы ветераны, которые помнят; есть и опубликованные воспоминания очевидцев. По меткому наблюдению одного из них, от «пакетных денег» да теневой экономики — не шаг, а маленький шагок. На практике нечто подобное становилось реальностью уже давно. Но по мере того, как номенклатура осознала, что власть — это и есть ее собственность, началась раскрутка маховика приватизации. Во времена Брежнева процесс набрал большую силу. Между прочим, если верить бывшему руководителю КГБ СССР Крючкову, коррупция уже в 60-е годы стала нормой для высших эшелонов власти. Только два человека, пишет он, «не брали» — Косыгин и Андропов.

Обращение к истории совхозов и колхозов, к истории предприятий дает веские основания считать, что директорский корпус» этих организаций в массе своей состоял из руководителей, ощущавших себя хозяевами. Это при наличии райкомов партии, прокуратуры и других органов власти. В значительной мере такое положение складывалось в условиях постоянного дефицита, всевозможных корректировок планов, принятия негласных обязательств, договоров между центром и местами, между отдельными организациями, а сплошь и рядом — лицами. Существовал Госплан, но все решало Политбюро. В 70-60-е гг. в СССР, по мнению авторитетных исследователей, функционировала не столько административно-плановая экономика, сколько экономика согласований. Рашидов точно знал, что Узбекистан должен дать государству, точнее, Москве, хлопок и золото. Кунаев отвечал за Казахстан, Бодюл — за Молдавию, Шеварднадзе — за Грузию и т.д.

Одно время казалось, будто теневая экономика идет прежде всего из Средней Азии, Закавказья и других южных регионов. Теперь выясняется прямая причастность Москвы к вненалоговым мероприятиям. И в столице СССР действовали

мастерские, ателье, отдельные цехи, служащие и рабочие которых не догадывались, что они работают не на государство.

В Госплане, в ЦСУ, в прокуратуре пытались сделать подсчеты, во что это обходится государству, казне, народу. В середине 90-х годов на теневую экономику приходилось не менее 40% выпущенной продукции. (Напомним, это в условиях резкого сокращения военной промышленности) Сколько же давала теневая экономика при Брежневе, Щелокове, Рашидове, Кунаеве? Если подсчитать и проанализировать, надо полагать, поймем, в каком обществе жили советские люди, которое хотел лучше понять Андропов. Прежде чем возглавить партию и государство, он многие годы руководил КГБ, где должны были быть соответствующие сведения и цифры, характеризующие теневые отношения.

Распад КПСС и ликвидация СССР воочию показали, в каких условиях жила страна в последние десятилетия. То были годы отнюдь не строительства коммунизма или ускоренного продвижения к развитому социализму, суть которого мы так и не раскрыли хотя бы для самих себя. Советский Союз (как и все человечество) жил в условиях биполярного мира, жесткой конфронтации двух систем, отчаянной гонки вооружений, чреватой глобальной катастрофой.

Это были годы холодной войны. Обществоведы поныне спорят о сущности данного феномена, о том, кто выступил ее инициатором и т.п. На мой взгляд, незаслуженно игнорируется следующее объяснение: «Ну что значит «холодная война»? Обостренные отношения. Все это от них зависит, или потому что мы наступали. Они, конечно, против нас ожесточились, а нам надо было закрепить то, что завоевано: из части Германии сделать свою, социалистическую. А Чехословакия, Польша, Венгрия, Югославия? Они же были в жидком состоянии. Надо было везде наводить порядок – прижимать капиталистические порядки. Вот «холодная война».

Конечно, надо меру знать. Я считаю, в этом отношении у Сталина мера была серьезная».

Автор — Молотов — второй человек в партии, в нашей стране, в советской номенклатуре. Надо отдать ему должное, он до конца своих дней, будучи в полном здравии ума, делал аналогичные высказывания неоднократно.

В 1975 г. Молотов пояснял: «Мы всячески должны стоять за мир. Мы самая миролюбивая страна — постольку, поскольку это не мешает дальнейшему усилению роста социализма, роста освободительного движения. И мирового коммунизма, это само собой. И поскольку это не мешает постепенному углублению ямы под капитализмом (об этом мы прямо не говорим), сохранение мира мыслимо».

Тоже совершенно откровенно: при всех не надо, между собой — можно; мы наступаем... А мы все еще ведем споры — кто наступал, кто был более активной стороной. Разве не большевики взялись построить коммунизм? Так было! А раз так было, надо объяснить почему, и извлечь уроки.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

К.Ф. Шацко:

У меня два вопроса. Во-первых, в какой мере открыты архивы по обсуждаемой проблеме?

Во-вторых, я понимаю, что нельзя подсчитать стоимость первой бомбы, но хотя бы приблизительно можно сказать, какая часть общего государственного бюджета шла на военно-промышленный комплекс?

В.С. Дельчук:

Первая бомба, которую мы копировали с американской по вполне четкому указанию Сталина, как и первая ракета, как и бомбардировщик Б-29 обошлись нам дороже именно потому, что мы ее копировали.

По официальным данным, 18% государственного бюджета уходило на военные дела. Горбачев был первым, кто назвал

цифру — он сказал, что уходило на это примерно 70 миллиардов. Получалось 25-27%, но на самом деле было вдвое больше, примерно 55-60% бюджета уходило на нужды Армии, военнопромышленного комплекса в целом. Однако многие статьи расходов мы просто не знаем, к этому добавлялись расходы, например, Академии наук и других ведомств. Не подлежит сомнению то, что примерно (и в этом сходятся военные эксперты сегодня) две трети бюджета до начала 90-х годов уходило на так называемую «оборонку».

По поводу архивов. Сейчас имеется масса опубликованного материала. Многие архивные данные надо проверять, очень осторожно относиться к справкам, к заключениям, которые готовились для партийных и государственных «верхов».

А. В. Игнатьев:

Из вашего доклада я понял, может быть, неправильно, что наступал Советский Союз. Можно ли вообще решить вопрос о том, кто активнее наступал, исходя из анализа положения в одной стране. Здесь надо сравнивать с другими странами.

В. С. Лельчук:

Я думаю, что наступали обе стороны. Но более активной, естественно, была наша сторона, и это, с моей точки зрения, закономерно. Если мы возьмем нашу опубликованную литературу, то увидим, что, начиная с 1944-1945 года, мы хотели иметь свои базы там, где проливы Босфор и Дарданеллы, в Северном Иране, присоединить часть Северного Китая — провинцию Синь-Цзянь. Я не буду перечислять того, что мы еще хотели. Об этих фактах откровенно пишет Молотов.

Западные страны были этим очень напуганы, так же, как мы были напуганы самим фактом взрыва атомной бомбы. Поэтому обе стороны в этом смысле, действительно, вполне искренне могли бояться друг друга. К 1949 году — мы это хорошо уже знаем — за нами шла уже треть человечества. Это был действительно момент наивысшего распространения вширь того движения сталинизма, которое начиналось где-то в середине 40-х годов. Весь мир это видел и знал.

А.А.Преображенский:

Первый вопрос: можно ли ставить знак равенства между объективными государственными интересами нашей державы и сталинизмом.

И второй. Вы нарисовали картину исключительно негативного свойства. Но в это же время, несмотря на колоссальные затраты на оборонный бум, на подготовку атомного и ракетного оружия, все-таки восстановили страну довольно быстро. Через полтора года отменили карточки. Жизнь в стране улучшилась. Это тоже одна из составляющих внутреннего положения, политику нашего общества при всех отрицательных ее сторонах.

В.С.Дельчук:

Я хорошо понимаю ваш вопрос. Он для меня эмоционально близок, я примерно так же смотрю на историю, как и вы. Но считаю, что освещать ее нужно не с одной стороны и с другой стороны, а надо объективно рассказать о том, что было.

Да отменили карточную систему. Но я только что редактировал статью, связанную с развитием сельского хозяйства второй половины 40-х годов, там говорится о людоедстве после отмены карточной системы.

Я ставил своей задачей показать, во что нам обошлась холодная война.

Но сейчас речь идет о другом. На историю надо посмотреть глазами тех людей, которые по разным причинам не дожили, погибли на войне, во время репрессий, во время голода. Счет идет на большие миллионы. И поэтому нам надо постараться по возможности объективно раскрыть исторические процессы. Это очень трудно. Все мы мыслим субъективно, как бы мы ни хотели быть объективными. Но нам надо постараться посмотреть на свою историю не только нашими глазами, тех, кто ведет этот разговор и выступает с трибуны, но и глазами тех, которых нет.

К.Ф.Шацкло:

Доклад В.С.Лельчука, в котором все выстроено как система, производит большое впечатление. Но кое в чем я должен внести коррективы.

Во-первых, то, что он связывает о «холодной войной», к великому сожалению, присуще России задолго до «холодной войны». Я подсчитал в свое время, что за 16 лет накануне 1-й мировой войны военный бюджет, бюджет военного и морского министерств вместе с косвенными и прямыми расходами, нанесенными русско-японской войной, составлял от 12,5 до 13 миллиардов рублей. Между тем все акционерные компании в стране — и иностранные, и российские — по подсчетам Шепелева, обладали капиталом в 4 млрд. 600 млн. рублей, а все железные дороги — с телеграфом, с телефонами, с железнодорожными мастерскими, с железнодорожными заводами — 6 миллиардов. То есть в общей сложности все основные капиталы в народном хозяйстве были на 2 млрд. рублей меньше, хотя на создание этих фондов ушли куда большие сроки, чем 16 лет, предшествовавших 1-й мировой войне.

При большевиках эти расходы возросли еще в большей степени. Если царская Россия тратила 22% прямых расходов по бюджету (таким был бюджет военно-морского министерства за 16 лет), а с учетом того, что какие-то расходы происходили и по другим статьям бюджета, вполне точно можно определить, что не менее 25% шло на военные и военно-морские затеи.

Было косвенно известно о колоссальной военно-морской программе, принятой в 1938 году. О ней говорится только в недавно вышедшей книге Бурова «Военное судостроение в третьем 100-летию флота». Никто никогда не говорил, из чего состояла эта Военно-морская программа. Кузнецов, воспоминания которого недавно вышли посмертно, говорил о том, что эта Военно-морская программа была создана и утверждена Политбюро ЦК ВКП(б) в 1938 году под влиянием Сталина.

Эта теория возникла в конце XIX века, на основании анализа войн, которые велись в период Французской револю-

ции, в конце XVIII века. Считалось, что судьба державы зависит от господства на море.

Я знал, что были заложены самые мощные в мире корабли типа «Советский Союз». Два из них — в Николаеве, один — на Балтийском заводе, два — в Молотове. Построить ничего не удалось. Когда приближались немцы, из Николаева на плав-доке их потащили на Кавказ. В пути их потопили «юнкерсы». На севере, в Петербурге и Североморске разрезали недостроенные корабли, переплавляли их в сталь высокого качества и делали из них танки Т-34.

Между тем, по опубликованным сведениям, как раз перед войной был острый кризис в производстве высококачественной стали, и программы строительства танков и другого вооружения совокупно не могли развернуть только потому, что не хватало стали.

Согласно программе 1938 года, должно было быть построено 15 линейных кораблей водоизмещением в 65 тысяч тонн.

Хочу напомнить, что самый крупный корабль в Германии, линейный корабль типа «Бисмарк-Пир» имел водоизмещение 42 тыс. тонн. японцы заложили и достроили в годы войны линкоры типа «Мицуи», который был меньше, чем то, что предусматривалось построить в СССР 1938 году.

Но это еще не все. Кроме 15-ти самых мощных в мире линейных кораблей, заложили 15 самых мощных в мире тяжелых крейсеров водоизмещением 42 тыс. тонн. Для сравнения укажу, что линейный корабль «Севастополь» времен первой мировой войны был в два раза меньше водоизмещением — 22 тыс. тонн.

Вдобавок к этим линейным кораблям и тяжелым крейсерам было решено заложить 2 авианосца, 28 легких крейсеров, 20 лидеров, 144 эсминца, 336 подводных лодок и более 700 мелких кораблей, тральщиков, сторожевых кораблей, торпедных катеров и прочих, не считая вспомогательных военных кораблей.

Сколько стоила эта программа? Никто не знает. Но известно только, что было омертвлено колоссальнейшее количе-

ство крайне необходимого для военных, для армии металла, его не хватало. И поэтому не могли развернуть производство Т-34 — самых лучших в мире средних танков, которые в значительной мере и обеспечили выигрыш многих сражений, не только танковых, но и общевойсковых в годы Великой Отечественной войны.

Так что эта тенденция гипертрофированного развития армии, флота не возникла в годы «холодной войны». И это обстоятельство надо учитывать.

Докладчик подвел к выводу о том, что империя лопнула в значительной мере из-за того, что не могла вынести такого перевооружения. Крах российской империи начался не в 40-е, не в 50-е, тем более не в 80-е годы, а он начался еще в начале XX века, когда затеяли совершенно не нужную русско-японскую войну.

Строительство военно-морского флота, по расчетам царского правительства, должно было составить 2 млрд. 300 млн. золотых рублей.

Так что увлечение вооружением, к сожалению, свойственно России давно. Вспомним, что даже в начале XIX века две трети бюджета, то есть как у нас, в наше время, тратились на армию и флот.

В начале Второй мировой войны ходила поговорка: немцы говорили: «мы опять напобеждаемся до смерти». Так вот, перед Россией стоит на протяжении последнего века реальная угроза — что она «навооружается до смерти»!

Д. Н. Нежинский:

Много интересного было сказано в докладе, были высказаны мысли, которые, в свою очередь будут рождать новые соображения, и поэтому я позволю себе тезисно поделиться с вами своими соображениями.

Первое. Из доклада и из других выступлений можно с определенной долей уверенности утверждать, что, конечно, дело было и в «холодной войне», под которой мы понимаем политическое, экономическое, дипломатическое, военно-стратегическое и иногда локально военное противостояние

двух систем, прежде всего после Второй мировой войны, и главным образом двух супердержав — Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Конечно, это глобальное обстоятельство вовлекло и основные страны Запада и Востока. Не случайно многие зарубежные исследователи пишут о «холодной войне» между Западом и Востоком в целом. Китай и Кубу они включают в лагерь, который противостоял другой системе. Конечно, это играло большую роль в тех процессах, которые переживала наша страна после Второй мировой войны. Сочетание этих двух объективных моментов — нашего внутреннего развития, и, с другой стороны, давления и переплетения, которое оказывали внешние факторы на развитие Советского Союза, надо изучать.

Не следует упускать из виду еще одно очень важное обстоятельство. Да, была «холодная война», она давила на развитие Советского Союза. Но то, что происходило после Второй мировой войны в Советском Союзе, было в значительной мере логическим развитием той системы, которая возникла и была установлена в стране после октября 17-го года. Даже если бы не было того, что мы называем «холодной войной» видимо, какие-то основные направления, пока развитие этого явления не исчерпало себя, имели бы место, и это не следует забывать.

Дело даже не в том, что это была «холодная война». Шел логический процесс социального, экономического, политического развития, эволюции по своим фазам, по своим стадиям той системы, которая возникла у нас в 1917 году. И это главное, о чем мы не должны забывать. Необходимо изучать дальше эти процессы, однако проблема кадров сейчас стоит очень остро. Чем дальше, тем меньше специалистов по этому комплексу проблем, и очень трудно кого-то сориентировать на изучение этих крайне трудных и болезненных проблем. Усилия группы исследователей, которой вы руководите, могут быть только всячески поддержаны, одобрены, и ей должна быть оказана соответствующая помощь в дальнейшей работе.

Теперь позвольте остановиться на тех выводах, которые возникают в связи с докладом.

Вывод первый. История ВПК — это одна из наиболее болезненных проблем и крайне необходимо сегодня дать объективную, строго научную картину развития военно-промышленного комплекса не только в годы после второй мировой войны. Здесь есть один момент, который принципиально отличает все возможные пути дальнейшего развития Советского Союза и России, — появление фактора атомного оружия и принципиально новой ступени развития научно-технического прогресса.

При этом идея гуманитарного развития, в том числе и нашего общества, остается в стороне.

Та проблема, которую поставил сегодня В.С.Лельчук, т.е. соединение развития нашего общества и позитивных и негативных сторон научно-технического прогресса — сегодня одна из центральных проблем.

Это проблема проблем, и можно только поддержать попытки исследовать более детально, более конкретно историю нашего ВПК, потому что до сих пор у нас мало кто представляет, что девять министерств фактически командовали всей нашей жизнью. Изменилась ли ситуация? Какие уроки из этого вытекали — пока не ясно. Докладчик назвал цифры, которые, в своей последней книге приводит Г.Х.Шахназаров, а именно — что мы якобы отдаем только 17-18% нашего национального дохода на развитие военных нужд, а вот американцы, как оказывается, даже в самый высший пик их военных расходов давали только 7-8% национального дохода на эти же цели. И это при том, что у них общий потенциал был в 3-4 раза больше! Разница в экономическом потенциале была колоссальной!

О научно-исследовательских разработках я не говорю. До сих пор мы не можем выяснить, сколько шло научно-исследовательских и конструкторских работ на военно-промышленный комплекс. Один говорит — 50%, другой — 70, третий — 80. Но ведь это большая разница. Более или менее деталь-

ной картины — книжки, брошюры, которая бы давала конкретное состояние истории советского бюджета, включая все расходы и на страну, и по отдельным статьям, такой работы пока нет. Создание такого труда стало бы огромным достижением нашего Института.

Вторая из них — проблема истории формирования механизма принятия внутри и внешнеполитических решений. Надо продолжать исследования в этом отношении, потому что до сих пор многое неясно, многое противоречиво. Как и кто принял решение разместить ракеты на Кубе? Эта акция едва не ввергла мир в катастрофу. Потом убрали ракеты... А какие выводы из этого? Никаких выводов не было! Также келейно 12 декабря 1979 г. было принято решение о вводе войск в Афганистан! Несмотря на то, что к этому времени было множество записок Министерства иностранных дел, Комитета государственной безопасности, как бы мы его ни критиковали, Международного отдела ЦК и трех институтов — Института США и Канады, Института мировой экономики и международных отношений, а также Института востоковедения, которые предупреждали: десять раз подумайте, прежде, чем вводить войска в Афганистан. Все это было отброшено, войска ввели, последствия известны.

Что мы знаем конкретного о принятии решения о начале кампании в Чечне? Как это ни прискорбно, но абсолютно прав был Василий Осипович Ключевский, который сказал: да, к сожалению, мало кто учитывает уроки истории, но история очень жестко наказывает тех, кто их не учитывает.

И последняя проблема, к которой только начинаются подходы. Это, конечно, проблема национально-государственных интересов. Сегодня идут большие споры. Проблема теснейшим образом связана с материалами обсуждения, она крайне остро стоит сегодня. Это одна из центральных проблем в ее историческом разрезе, над которой мы должны работать и которую мы должны исследовать.

В.Д.Есаков:

Сегодняшний доклад В.С.Лельчука с оценкой внутренних условий, в которых развивалась страна в период холодной войны, мне представляется одним из наиболее полных и аргументированных.

На начальном этапе перестройки и в той огромной серии критики, которая была обрушена на историю нашей страны, упор, сделанный на 1917 год и сегодня повторенный, мне думается, не вполне оправдан.

Огромная часть бед, сложностей нашей страны лежит не столько в 1917 году, сколько в том курсе, который был взят руководством страны в послевоенный период и прежде всего в 1945 году.

Доклад В.С.Лельчука ставит очень серьезные проблемы. Назову две из них.

Первая: был ли осуществлен переход от войны к миру, о котором мы писали и пишем до сегодняшнего дня во всех учебниках и упоминаем во всех лекциях и в публичных выступлениях? Судя по всему, едва начавшись в мае, он в августе определенно начал сдавать свои позиции, а к декабрю 1945 года напрочь прекратился. Это кардинальная проблема, это одна из стержневых азбучных вещей: у нас по существу не было периода перехода от войны к миру.

За этим вопросом идет следующий: что такое послевоенная «пятилетка восстановления и развития»? С точки зрения подаваемого материала и с точки зрения того, что сейчас вводится в научный оборот, эту ситуацию предстоит рассмотреть чрезвычайно серьезно.

В докладе обращено внимание только на аспект сельского хозяйства. Но есть еще один важнейший аспект, связанный с промышленностью. К 1945 году мы имели ни что иное, как донельзя измотанный и израсходованный станочный, то есть производительный, материальный парк развития промышленности. В этой связи необходимо упомянуть о проблеме репараций. Мы оснастили заводы новейшей, прекрасно работающей немецкой техникой, вывезенной из Германии. На это

было затрачено огромное количество денег, но это был уже не бюджет.

Мне удалось посмотреть решение Политбюро, на котором комиссии, созданной Политбюро под руководством Вознесенского, было в самом начале 1947 года поручено оценить — а что же такое те репарации, которые получены нами, включая собственность, которая приобретена за рубежом. К сожалению, многолетние попытки выйти на материалы работы этой комиссии не увенчались успехом. Это гипотеза, но мне представляется, что огромный и весьма благожелательный отчетный материал о выполнении послевоенной пятилетки, есть ни что иное, как включение в реальные богатства страны ценностей, нами не произведенных и полученных в результате репараций.

Все это концептуальные моменты построения истории нашей страны.

Послевоенный период требует неизмеримо больших сил для исследований, чем те, которыми мы располагаем сейчас. И я полагаю, что каждый исследователь любого крупного комплекса будет вносить принципиальные изменения в наши представления.

В.Б.Жиромская:

Я с большим вниманием и интересом выслушала доклад, который поразил меня панорамным видением эпохи. Меня беспокоило то, что докладчик сосредоточится исключительно на вопросах военно-промышленного комплекса и внешнеполитических аспектах, но этого, к счастью, не произошло. Очень многие вопросы жизни страны за длительный период, были рассмотрены достаточно подробно. В их числе такая проблема, как «демографический переход», потому что примерно так определяется состояние падения рождаемости, которое фиксируется в стране с 60-х годов.

Эта концепция уже хорошо известна, ее называют в ряде стран и ряд ученых «демографическим переходом», реже называют демографической революцией, еще реже демографической контрреволюцией. Считается в принципе, что она ох-

ватила европеоидные народы, в основном проживающие в странах Западной Европы и пришла в конце концов в Россию, на Украину, в Прибалтику. Об этом переходе и о том, хорошо это или плохо, что здесь нужно сделать, ставились вопросы еще с конца 50-х.

Есть ряд ученых, которые приветствуют это явление и считают, что это признак цивилизованных рас, в первую очередь белой расы, что это признак европейских народов, говорящий о высоком уровне образования и развития культуры. Есть ученые, которые приходят в ужас от этого явления и боятся уничтожения, исчезновения ряда народов с лица земли. Во всяком случае говорили о нем очень много, но все время возникала надежда, что период этот кратковременный и в конце концов ситуация стабилизируется в общем-то сама собой. Конечно, больших семей уже не будет, но сохранится обычное или простое воспроизводство, может быть, несколько расширенное.

Однако реальные процессы пошли не так, как ожидалось. Ряд народов переживает периодически спады и подъемы рождаемости. В частности, сейчас в крупных городах России наблюдается подъем, если не взлет, рождаемости, что наверное невозможно объяснить лишь существующей экономической ситуацией.

Ряд народов так и не увидел повышения рождаемости, как французы или западные немцы, и у них вопрос о постарении стоит в очень тяжелой форме.

То, что затронуто в докладе, — насколько возможно было правительственной политике повлиять на эти процессы, — эта проблема тоже обсуждается многократно и постоянно. Лишь прямые государственные меры (пособия, выплаты премий) неоднозначны, влияние оказывают и многие другие факторы. Это и включение женщин в очень сложные виды производственной и прочей деятельности, которые требуют образования, высокой квалификации, это и необходимость детям дать такую высокую квалификацию. Не случайно начинается этот

процесс в городах, причем происходит это в основном силами родителей.

Я считаю, что процесс демографического перехода не является обязательным и относится к разряду болезненных явлений. Это присуще не только Европе и имеет место не только в наше время. Это возникало и повторялось у разных народов в разные тысячелетия, в разных цивилизациях.

В связи с этим встает вопрос: когда только-только начали проявляться первые признаки этого явления (я сознательно отвлекаюсь от последствий войны, репрессий, от «демографических ям» и от всего прочего, потому что в странах, которые этого не пережили, такие явления, как падение рождаемости, причем стабильное и длительное, есть), очень активная политика по поощрению рождаемости, по поощрению семьи, по пропаганде института семьи, потому что в это время он как раз дал очень большую трещину, когда патриархальные воззрения уничтожались, а новых не было, — если бы тогда действительно массированно занялись демографической политикой, играло бы это роль? Не в том смысле, что у нас этого явления вовсе не было бы. Конечно, оно бы, наверное, все равно было, но, может быть, в более мягких формах, не в таких резких, как это произошло.

А.Н. Сахаров:

Доклад получился интересным, проблемным, ставящим совершенно новые вопросы, которые заставляет нас думать, анализировать, соглашаться, спорить и работать дальше.

Доклад построен по принципу изучения государственной политики. Это госполитика: политика руководства-политика Сталина, Молотова, Берии, это политика партии, это политика номенклатуры и т.д. Но важно отметить и то, что народ с удовольствием участвовал в «холодной войне». Не весь народ — были восстания на Севере, был Новочеркасск. Но это было меньшинство, основная же часть населения с восторгом воспринимала «холодную войну», участь у нашего правительства, «героя Сталина»; с восторгом воспринимала, как Хру-

щев стучал ботинком по попугаю в Зале Организации Объединенных Наций и т.д.

Второе. Сталинизм в 1944-45 гг. выходит за рамки одной страны. Этот сталинизм как гос. политика с восторгом воспринимался в Болгарии, в ГДР, хуже — в Чехословакии, плохо — в Венгрии. Но тем не менее были слои населения, которые активно в этом участвовали. Сталинизм в нашей стране, где он в основном, и «холодная война» в том числе, приветствовался и поддерживался значительными слоями населения, за рамками нашей страны, в других странах — тоже имел соответствующее отражение в народной среде, в определенных слоях.

Историки от этого абстрагироваться не могут. Только изучение государственной политики — это половинная мера.

Это комплексная проблема, которая значительно богаче, интереснее и страшнее, чем то, что рассказано в докладе.

Я хочу поблагодарить В.С.Лельчука за интересный доклад, за очень острую постановку вопроса, которая вполне соответствует традициям института, поблагодарить всех выступающих, которые дополнили, углубили доклад и дали нам более широкое представление об этой проблеме.

**УЧАСТИЕ СОТРУДНИКОВ ИНСТИТУТА
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
В НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ
(1995 — 1996 гг.).**

Научные мероприятия, подготовленные и проведенные в стенах Института и на базе других учреждений и организаций в 1995 — 1996 гг, традиционно охватывали самые различные проблемы истории Отечества в широких хронологических рамках. Во главу угла было поставлено интенсивное изучение социально-экономических и политических проблем прошлого России, культуры ее народов. В этот период на базе ИРИ РАН проведено свыше 30 научных конференций и заседаний «круглых столов».

Разработке главных тенденций социально-экономического развития страны, начиная с древнейших времен вплоть до конца XX в., была посвящена повестка дня целого ряда конференций, симпозиумов, «круглых столов», мемориальных чтений, в которых участвовали сотрудники ИРИ РАН. Видное место среди них заняла тематика, затрагивающая историю русских городов.

Как показатель плодотворной работы в данном направлении можно рассматривать итоги институтской конференции «Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время» (декабрь 1996 г.). На ней прозвучали выступления Я.Е. Водарского, Л.В. Даниловой, С.М. Каштанова, Е.И. Колычевой, А.В. Назаренко, Л.В. Столяровой, А.Л. Хорошкевич, Е.Н. Швейковской, аспирантов Института Ю.А. Артамонова, В.Ю. Кац, А.В. Юрасова. В докладах рассматривалась методика датировки основания городских поселений; был поднят вопрос о существовании столицы в Древней Руси; высказаны интересные суждения о росте московского и северных посадов XV — XVII вв., картографии Москвы, при-

креплении посадских людей в XVII в., развитии городского ремесла и торговли и др.¹

Аналогичная тематика затрагивалась на институтской конференции «Менталитет и политическое развитие России» (октябрь 1996 г.)².

В преддверии 850-летия Москвы оживился интерес к москвоведческой тематике. В феврале 1996 г. в Москве была проведена научно-практическая конференция «Городское общество и власть. К годовщине издания «Жалованной грамоты городам». А.В.Семенова, в частности, подняла на ней вопрос о соотношения власти, городского общества и предпринимательства в контексте «Жалованной грамоты городам». Л.Ф.Писарькова проследила влияние законодательства о городском самоуправлении на московское городское общество в конце XVIII — начале XX вв.

В сентябре 1996 г. на Конференция по истории российских немцев (Анапа), проведенной Международным союзом немецкой культуры, по теме «Московские немцы: проблемы источниковедения истории германских предпринимателей в дореволюционной России» выступил Ю.А.Петров.

История российского крестьянства давно и основательно изучается силами сотрудников соответствующего подразделения Института. Центр крестьяноведения в апреле 1996 г. провел в ИРИ РАН конференцию «Новые сильные» и «новые слабые». С докладами выступили В.П.Данилов, Н.А.Ивницкий, Л.Н.Денисова. В докладах подытожены исследования о социальном расслоении советской деревни, раскулачивании, роли женщин в деревенской жизни.

Институт внес свой весомый вклад в работу XXV сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, который состоялся в сентябре 1996 г. в Арзамасе и был посвящен проблеме «Традиционное сельское хозяйство России эпохи феодализма»³. Основное внимание докладчиков, в числе которых — И.Е.Зеленин, М.А.Вылцан, Л.В.Данилова, В.Д.Есаков, С.А.Козлов, Е.А.Колычева, Е.Н. Швейковская, концентрировалось на роли природных факторов разных регионов

России, влиявших на ведение сельского хозяйства. Были охарактеризованы ведущие системы земледелия и их сочетания, с учетом различий во времени и пространстве, взаимосвязь климатических условий, природных ландшафтов и сельских угодий, влияние природных компонентов на расселение и применяемые системы земледелия. Впервые сделан специальный доклад о роли леса как фактора средневековой агрикультуры, в котором прослеживается отношение к нему на протяжении XI — XVII вв. Традиционные элементы аграрных технологий, в том числе долгое время считавшиеся консервативными (перелог, подсека), рассматривались как показатель рационального использования аграрных и природных факторов. В ряде докладов, посвященных собственно аграрным технологиям и результатам их применения (урожайность, соотношение господской и крестьянской пашен), показана не только конкретика агроприемов, но и социальная практика государства и монастырей — феодалов XVII — XVIII вв. в сельскохозяйственном производстве. В целом был обсужден широкий круг вопросов, выявивших тесную связь аграрных технологий с антропогенным воздействием на природную среду. Кроме того, говорилось о соотношении сельскохозяйственной науки и практики второй половины 30-х гг. XX в., выявлены основные этапы развития российской сельскохозяйственной науки.

В декабре 1996 г. в Институте был проведен «круглый стол» «Население и экология: исторический аспект». Дискуссия затронула такие важные проблемы, как влияние экологического фактора на развитие населения в различные исторические эпохи, начиная с самой глубокой древности и до наших дней; история демографических катастроф; экополитика; воздействие микро- и макро-социально-экологических факторов на уровень рождаемости и смертности, в том числе — детской в 1920 — 1990 гг. и т.д.

К разработке истории российского предпринимательства ИРИ РАН приступил лишь недавно, но на этом поприще уже имеются определенные достижения. В 1995 — 1996 г. в Ногинске были организованы Морозовские чтения⁴. На Первых Моро-

зовских чтениях основное внимание было уделено роли династии Морозовых в развитии российского дореволюционного предпринимательства. Этой теме посвятили свои доклады В.И.Бовыкин, Л.В.Куприянова, Ю.А.Петров, Л.В.Иванова, Г.Н.Ульянова.

На Вторых Морозовских чтениях в качестве докладчиков выступали Т.В.Бойко, В.Д.Есаков, Л.В.Иванова, Н.А.Иванова, Б.Н.Казанцев, А.И.Куприянов, Л.В.Куприянова, О.Е.Нилова, И.Е.Поткина, И.М.Пушкарева, А.В.Семенова. Спектр вопросов, затронутых докладчиками, оказался чрезвычайно широким. Здесь и особенности менталитета российских предпринимателей, и взаимоотношения предпринимателей с рабочими, и освещение этих взаимоотношений в периодике 60-х годов. XIX в., и проблема социального страхования в контексте предпринимательской деятельности конца XIX — начала XX вв.

Сложные процессы, происходившие в недрах российского общества на всем протяжении его существования, все активнее завоевывают позиции в научных дискуссиях с участием сотрудников ИРИ РАН. Как неотъемлемая часть изучения политической истории Российского государства стала рассматриваться проблематика, касающаяся эволюции политической системы в России.

Ей были посвящены заседания «круглого стола» под названием «Однопартийная и многопартийная системы: возникновение, эволюция, оценки» (июнь 1995 г.)⁵, организованные Центром «Россия, СССР в истории XX века». В дискуссии приняли участие помимо сотрудников ИРИ РАН ученые ряда академических институтов, а также МГИМО, МГУ и других научных учреждений. Прозвучали доклады и выступления В.П.Дмитренко, В.П.Булдакова, Е.Г.Гимпельсона. В них были рассмотрены общие вопросы однопартийности и многопартийности, а также сюжеты, связанные с их конкретно-историческим проявлением в России, СССР в XX в., в частности, — в первое десятилетие после Октябрьской революции.

О роли политической элиты говорилось на институтской конференции «Менталитет и политическое развитие России».

Л.Н.Пушкарев рассмотрел значение понятия менталитет для изучения истории России в переломные времена. А.А.Горский обосновал роль идеи и политических реалий образа царя в средневековой истории Руси. Л.Е.Морозова проследила представления о царе Михаиле Федоровиче по русским и зарубежным источникам. Е.А.Назарова дала представление о трансформации понятий «слово» и «дело» в массовом сознании в правление этого царя. Е.В.Пчелов проанализировал призвание варягов на Русь как факт политической истории и объект исторического восприятия. Е.И.Кобзарева рассматривала политическую историю через призму самосознания русской правящей верхушки и внешнеполитической идеологии середины XVII в. Е.С.Сенявская обратилась к феномену бытовой религиозности на примере мировых и советско-афганской войн. В.А.Артамонов остановился на причинах спада пассионарности русских во второй половине XX в.

В конце мая 1996 г. совместно с МГПУ была организована конференция «Власть и общество в России, 20-30-е годы. XX в.» Докладчики — Л.В.Борисова, Е.Г.Гимпельсон, С.Ф.Гребенниченко, В.П.Дмитренко, Г.И.Злоказов, И.Н.Ильина, В.М.Лавров, Г.Б.Куликова, А.А.Овсянников, Н.С.Симонов, А.К.Соколов, Г.А.Трукан, Л.В.Ярушина. Затронуты проблемы взаимоотношения власти и народа в кризисных ситуациях; говорилось о роли насилия в первые годы советской власти, о легитимности властей в революционные эпохи, а также о составе правящей элиты в 1917 г. и др.

Интересные выступления ведущих ученых Института прозвучали на международной конференции «1905 год — начало революционных потрясений в России» (октябрь 1995 г.)⁶, организованной Научным советом РАН «История революций в России». С докладами на ней выступили академик РАН П.В.Волобуев, К.Ф.Шацилло, С.В.Тютюкин, И.М.Пушкарева, С.М.Исхаков, Н.А.Иванова, В.П.Желтова, В.П.Данилов, Ю.И.Кириянов, Н.Г.Королева, А.В.Игнатъев. На конференции анализировалось значение событий 1905 г. для истории России, рассматривались альтернативные варианты социально-

политического развития страны в начале XX в., была представлена ее социальная структура, поднимались вопросы историографии и источниковедения Первой русской революции, говорилось об участии в ней классов (рабочих, крестьян, дворянства) и национальных меньшинств (в частности, мусульманского населения), прослеживалась взаимосвязь между военным поражением, революцией 1905 г. и внешнеполитическим курсом Российской империи.

Материалы этой международной конференции вышли в свет в виде специального сборника⁷.

Проблема «Революция и человек» поднималась на двух научных симпозиумах, состоявшихся соответственно в ноябре 1995 г. и мае 1996 г., также организованных Научным советом РАН «История революции в России»⁸. Активное участие в обеих конференциях приняли академик П.В.Волобуев, Ю.Н.Бокарев, С.М.Исхаков, В.П.Булдаков, В.Л.Телицын, А.И.Степанов, Л.С.Гатагова, Т.Ю.Красовицкая. В их докладах и сообщениях поднимались вопросы морали и нравственности правящих кругов в России накануне революции 1917 г., особенностей социального поведения (на примере российских мусульман, солдатских масс, представителей интеллигенции), говорилось о методологии и источниковедении темы, была продемонстрирована плодотворность этнопсихологического подхода к ней.

Активно разрабатываются проблемы, связанные с деятельностью Русской православной церкви, монашеством и монастырями, ролью церковных учреждений в развитии России. Они, в частности, поднимались на ежегодных чтениях памяти В.Т.Пашуто (1995 г.) «Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество, христианство, церковь»⁹.

Сотрудники ИРИ РАН участвовали в таких представительных научных форумах 1996 г., как «Монастыри — культурные и духовные центры России», «Культурные связи России и Польши», «Проблемы национального умиротворения», «Проблемные вопросы в истории русской православной церкви», «Менталитет и политическое развитие России».

Большое внимание уделяется в работе Института национальным аспектам как в исторической ретроспективе, так и в связи с современными событиями в России и в мире. Они рассматривались, главным образом, на представительной международной конференции «Россия в XX веке: проблемы национальных отношений» (май 1996 г.)¹⁰. С докладами выступили член-корр. РАН А.Н.Сахаров, В.П.Дмитренко, А.В.Игнатъев, Н.М.Алешенко, Н.А.Араловец, В.Б.Жиромская Т.Ю.Красовицкая, Л.С.Рогачевская, Г.А.Санин, В.В.Трепавлов, Э.П.Федосова. Освещались очень важные и актуальные темы: создание русского многонационального государства; пути присоединения народов и территорий к России; национальные отношения на рубеже XIX — XX вв.; национальные партии в России в начале XX в.; программы национального самоопределения; факторы, приведшие к распаду Российской империи; влияние гражданской войны на образование национальных автономий; образование СССР; сущность и эволюция советской национальной политики в 20-е — 80-е годы; реальные итоги процесса выравнивания уровня народов и характер новых противоречий на национальной почве; предпосылки распада СССР; своеобразие национальной идеи на современном этапе, место и роль русских в системе национальных отношений; судьбы народов России и СНГ и ряд других.

Одним из магистральных направлений исследовательской работы сотрудников Института продолжает оставаться изучение истории России в контексте международных отношений с древнейших времен до настоящего времени.

В апреле 1996 г. на традиционных Чтениях, посвященных памяти В.Т.Пашуто, рассматривалась проблема: «Восточная Европа в древности и средневековье: Политическая структура Древнерусского государства». С докладами выступили: Г.В.Глазырина, Т.Н.Джаксон, Т.М.Калинина, С.М.Каштанов, И.Г.Коновалова, Е.А.Мельникова, А.В.Назаренко, Е.Л.Назарова, С.Л.Никольский, А.В.Подосинов, И.П.Старостина, Л.В.Столярова, И.С.Чичуров. Затрагивались вопросы дипломатических и политических связей Руси с сопредельными странами и тер-

риториями в X — начале XII вв., сюжеты, связанные со становлением княжеской власти в Ростове Великом, бытованием кровной мести на Руси и в Скандинавии и др.

В январе 1995 г. в ИРИ РАН прошла научная конференция, посвященная 340-летию Переяславской рады¹¹. В качестве гостей были приглашены сотрудники Института истории Украины НАНУ, ИСиБ РАН. Освещался широкий круг событий прошлого русско-украинских отношений XVI — XVIII вв. Важнейшим итогом совместной работы следует считать выявившееся единство позиций российских и украинских историков по принципиальным вопросам: 1) к 1654 г. была создана украинская государственность; 2) в 1654 г. установились «федеративно-союзные» связи между Россией и Украиной; 3) в XVII — XVIII вв. Россия, как любое абсолютистское государство в мировой истории, постепенно свела на нет украинскую автономию.

На конференции, несмотря на некоторые расхождения между докладчиками по ряду частных вопросов, господствовала академическая, деловая атмосфера, а ученые обеих стран стремились избегать политизации и «осовременивания» рассматриваемых сюжетов, выступая с научно взвешенных позиций.

В феврале 1995 г. прошла научная конференция «Дипломатия в годы Великой Отечественной войны: взгляд 50 лет спустя», которая была организована Научным советом РАН «История международных отношений и внешней политики России», Институтом российской истории, Институтом всеобщей истории РАН, а также Институтом военной истории МО РФ. С докладами выступили член-корр. РАН А.Н.Сахаров, начальник Института военной истории В.А.Золотарев, академики С.Л.Тихвинский, Г.Н.Севастьянов, а также А.Ю.Борисов, В.Л.Мальков, О.А.Ржешевский, В.Я.Сиполс и другие. Освещались важнейшие аспекты внешней политики СССР и международных отношений военного периода. В центре внимания участников конференции находились проблемы кануна Великой Отечественной войны, образования антигитлеровской коалиции, открытия второго фронта, послевоенного мирного

урегулирования в Европе и на Дальнем Востоке, создания ООН, конференции в Тегеране, Ялте, Потсдаме и другие.

Военная история России постоянно находится в поле зрения исследователей ИРИ РАН. В марте 1995 г. состоялась научная конференция «Людские потери во второй мировой войне»¹². Она была организована Отделением истории РАН, Государственной архивной службой РФ, Научным советом РАН по исторической демографии и исторической географии. На конференции выступили член-корр. РАН А.Н.Сахаров и Ю.А.Поляков, президент Академии военных наук генерал армии М.А.Гареев и многие другие. Развернулась дискуссия по таким важнейшим вопросам, как демографическая ситуация в СССР накануне войны, методика подсчетов людских потерь, главным образом в 1941 — 1945 гг., а также по отдельным регионам и среди различных слоев населения страны. Она позволила углубить и расширить научную базу дальнейшей разработки истории Второй мировой войны. Во время работы конференции экспонировалась выставка документов фондов Государственной архивной службы РФ.

По материалам конференции издан сборник статей¹³.

Сотрудники Института С.Н.Базанов, А.В.Голубев, А.В.Игнатьев, А.Г.Кавтарадзе, Л.Н.Нежинский, Ю.А.Поляков, И.А.Чельшев приняли активное участие в международной конференции «Причины двух мировых войн XX в. Сравнительный анализ» (Москва, октябрь 1996 г).

В их докладах рассматривались проблемы национально-государственных интересов России в контексте двух мировых войн XX столетия; история русско-французского и советско-французского союзов; вопрос о соотношении наступательных операций русской армии в связи с военными планами Антанты; представления о союзниках в сознании российского общества 1914 — 1945 гг.

Г.А.Куманев и Н.К.Петрова приняли участие в III Международном славяно-евразийском конгрессе (Москва, июнь 1996 г.), где подняли вопросы об отражении Великой Отечественной войны в современной публицистике и значении об-

щественно-политического фактора в жизни страны в военную пору.

В.Б.Перхавко выступил с докладом «Воинские реликвии в русских эмигрантских собраниях в Чехословакии» на Международной конференции «Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований. Фонд Славянской библиотеки и пражских архивов» (Прага, август 1995 г.).

В декабре 1996 г. в Липецке состоялась Первая Всероссийская конференция по региональной истории, посвященная 300-летию российского флота, в которой приняли участие сотрудники ИРИ РАН Я.Е.Водарский и К.А.Аверьянов.

Духовная культура является неотъемлемым объектом научных разработок сотрудников ИРИ РАН. Очередные, второй и третий «круглые столы» «Россия и внешний мир: проблемы взаимовосприятия» проведены Центром истории отечественной культуры (февраль 1995, февраль 1996 гг.). В них приняли участие сотрудники Института О.Г.Агеева, А.П.Богданов, Т.В.Бойко, А.В.Голубев, А.И.Куприянов, Е.И.Малето, Л.Е.Морозова, Е.Н.Рудая, Е.С.Сенявская.

О.В.Васильева затронула болезненную проблему реституции на международной конференции «Проблемные вопросы в истории Русской православной церкви» (Москва, январь 1996 г.).

В сентябре 1996 г. в Москве состоялась польско-российская конференция «Культурные связи России и Польши», куда были приглашены М.Е.Бычкова, С.М.Каштанов, Б.М.Клосс, И.П.Старостина, Н.И.Щавелева, чл.-корр. РАН Я.Н.Щапов, С.Г.Яковенко.

Без учета роли личности невозможно до конца понять хитросплетения исторических событий. Рассказы о побудительных причинах действий тех или иных персонажей значительно оживляют повествование о прошлом страны. Тем более, если речь идет о деяниях такой великой правительницы, как Екатерина II. На международной научной конференции «Екатерина Великая: эпоха российской истории» (сентябрь

1996 г.) прозвучали доклады Д.И.Исмаил-Заде, Е.Н.Марасиновой, Е.В.Пчелова, А.В.Семеновой. Они затрагивали не только вопросы, связанные с личностью самой Екатерины II, но и ее сподвижников.

Научные сотрудники ИРИ РАН выступили с докладами и сообщениями на юбилейных симпозиумах 1996 г., связанных с деятельностью видных представителей российской истории (А.М.Горчакова, Г.А.Потемкина, В.В.Шульгина, Г.К.Жукова, А.В.Василевского).

Традиционным стало участие ученых Института в международных научных форумах, проводившихся за рубежом. Крупнейшим из них был XVIII Международный конгресс исторических наук, прошедший в Монреале в конце августа — начале сентября 1995 г. На нем были представлены сообщения член-корр. РАН А.Н.Сахарова¹⁴, В.Б.Перхавко¹⁵, а также совместный доклад член-корр. РАН Я.Н.Щапова, П.Н.Зырянова, О.Ю.Васильевой, А.В.Ковальчука, В.А.Кучумова и С.Г.Яковенко¹⁶.

В 1995 — 1996 гг. сотрудники ИРИ РАН были активными участниками конференций, «круглых столов» и других научных симпозиумов, организованных как в стенах Института, так и в рамках других учреждений и организаций. Их доклады и сообщения отразили стремление представить прошлое России освобожденным от вненаучных подходов, оценок и ситуационной политической конъюнктуры, показать исторический процесс во всей сложности, противоречивости и в то же время выявить поступательное движение общества в целом на различных этапах его развития.

¹ Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI — XVIII вв.). Тезисы докладов научной конференции (Москва, 3-5 декабря 1996 г.). М., 1996.

² Менталитет и политическое развитие России. Тезисы докладов научной конференции. Москва, 29-31 октября 1996 г. М., 1996.

³ Аграрные технологии в России IX — XX вв. XXV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Арзамас, 10-13 сентября 1996 г. М., 1996.

- ⁴ Иванова Л.В. Первые научные Морозовские чтения // Отечественная история. 1996. № 4. С. 213-217; Труды первой научно-практической конференции «Морозовы и их роль в истории России» («Морозовские чтения»). Ногинск (Богородск), 16-18 ноября 1995 г. Богородск, 1996.
- ⁵ Куликова Г.Б., Ярушина Л.В. Дискуссия в центре «Россия, СССР в истории XX века» // Отечественная история. 1996. № 4. С. 206-209.
- ⁶ Телицын В.Л. «1905 — начало революционных потрясений в России». Международная научная конференция // Отечественная история. 1996. № 4. С. 209-213.
- ⁷ 1905 год — начало революционных потрясений в России XX века. Материалы международной конференции. М., 1996.
- ⁸ Телицын В.Л. Две научные конференции по проблеме «Революция и человек» // Отечественная история. 1997. № 1. С. 191-194; Революция и человек. Социально-психологический аспект. М., 1996.
- ⁹ Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. VIII Чтения памяти члена — корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 17-19 апреля 1996 г. Тезисы докладов. М., 1996.
- ¹⁰ Костина Р.В. Проблемы национальных отношений в России. Международная научная конференция // Отечественная история. 1997. № 1. С. 197-207.
- ¹¹ Заборовский Л.В. 340 лет Переяславской рады. Российско-украинская конференция // Отечественная история. 1995. № 5. С. 217-220.
- ¹² Араловец Н.А. Людские потери во Второй мировой войне. Международная научная конференция // Отечественная история. 1996. № 3. С. 193-196.
- ¹³ Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. СПб., 1996.
- ¹⁴ Sakharov A.N. A New Politicised History or Intellectual Pluralism? Regarding Some Tendencies in International Historiography of Russia's Twentieth-Century History // XVIII-e Congrès International des Sciences Historiques. Du 27 aout au 3 septembre 1995 / 18 th International Congress of Historical Sciences. From 27 August to 3 september 1995. Actes/Proceedings. Rapports, résumés et présentations des tables rondes / Reports, Abstracts, and Introductions to Round Tables. Montréal, 1995. P. 155-156.
- ¹⁵ Perkhavko V.B. Systems of Portages on the International Trade Ways in Ancient Russia // Op.cit. P. 411-412.
- ¹⁶ Schapov Y., Jakovenko S., Kovaltchuk A., Kutchumov V., Vasilieva O. et Zyrianov P. Les mouvements religieux pour la liberte de conscience en Russie // Op.cit. P. 243-244.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>		3
Доклады		
<i>С.Г. Агаджанов</i>	Контактные зоны Восточной Европы: узловые проблемы и задачи изучения.	5
<i>В.Л. Янин</i>	Материалы Новгородской экспедиции в контексте древнерусской истории.	37
<i>В.Б. Перхавко</i>	Купечество и власть в средневековой Руси.	63
<i>А.Г. Тартаковский</i>	Неразгаданный Барклай. Легенда и быль 1812 года.	104
<i>А.Н. Баханов</i>	Парламентаризм в России (Вопросы идентификации и гносеологии).	129
<i>Г.М. Иванова</i>	ГУЛАГ в системе тоталитарного государства.	163
<i>В.С. Лельчук</i>	СССР в условиях холодной войны.	189
Хроника		
<i>В.А. Невежин</i>	Участие сотрудников Института российской истории РАН в научных конференциях (1995-1996 гг.).	236

Редакторы:
Е.Н.Балашова,
И.А.Головань

Компьютерная верстка:
Л.П.Андрянова

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Подписано в печать 00.07.97. Формат 60x84/16 Заказ № 27.
Тираж 250 экз. 16 п.л. 24,15 уч.-издл. Цена договорная.

ЛР № 020768 от 15.04.93 г.
Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм.Ульянова, 19